

Чжан Бо-дуань

Главы о прозрении истины

Предисловие

悟
眞
篇

Увы! Человеческое тело трудно обрести¹, свет и тьма с легкостью сменяют друг друга, и нельзя с точностью рассчитать, будет ли жизнь долгой или короткой. Как же избежать последствий совершенных деяний?!² Если не будешь вглядываться в себя, чтобы быстрее достичь пробуждения³, то тебе останется только ждать своего конца, и даже если на грани жизни и смерти у тебя возникнет хоть одна предосудительная мысль, то ты попадешь на один из трех путей, ведущих в юдоль зла⁴, и бесчисленное

1 Имеется в виду буддийское учение о том, что рождение в виде человека является следствием совершения многочисленных благих деяний и потому очень трудно достижимо. С другой стороны, именно человек обладает возможностью достичь просветления, пробуждения, и поэтому человеческая жизнь особенно ценна и не должна тратиться попусту и в следующий раз, может, не удастся родиться человеком в течение многих и многих жизней.

2 Имеется в виду буддийская доктрина кармы (кит. *е*), согласно которой все совершенные человеком поступки обуславливают как данную, так и последующие жизни. Цель человека — исчерпать свою карму и выйти из круга чередования рождений—смертей.

3 Согласно учению буддийской школы *члив* (японск. *дзэн*), пробуждение, обретение состояния Будды достигается через постижение собственной природы, которая и есть природа Будды (*цзянь син чэн фо*).

4 Речь идет о трех дурных формах рождения: в аду, в мире голодных духов и в мире животных. Три благие формы рождения: в мире людей, титан о в-демон о в (*асура, асюло*) и божеств (*дэва, жэнь тянь*). Из них человеческое рождение — наилучшее.

業
禪
見性成佛
阿修羅
人天

число мировых периодов⁵ будешь страдать там, не имея даже малой надежды найти избавление. И сколь же тогда будет велико раскаяние! Поэтому Лао-цзы и Шакьямуни⁶ своим учением о природной сущности и жизненности преподали людям искусные методы⁷, наставляя людей на путь совершенствования и избавления от рождений и смертей. Последователи Шакьямуни при этом считают за наиглавнейшее пустоту и покой⁸, которые приходят вслед за мгновенным пробуждением⁹ и совершенным проникновением в реальность. Благодаря этому они достигают другого берега¹⁰, а пока следствия прошлых привычек и аффектов¹¹ еще не исчерпались — заботятся о благе всех живых существ. Последователи Лао-цзы считают истинным методом совершенствования плавку и пестование исконной природы и утверждают, что если обрести их осевой стержень, то немедленно взойдешь на место совершенного мудре-

Согласно буддийскому учению, мир существует в виде космических циклов (*кальпа, цзе*). В начале каждого цикла мир создается из пустоты в соответствии с совокупной кармой всех живых существ предшествующего периода, а в конце — вновь разрушается, чтобы воссоздаться опять. Длительность каждой кальпы измеряется миллиардами лет.

Лао-цзы (согласно традиции, VI в. до н. э.) — даосский философ, создатель даосского учения. Шакьямуни (Сиддхартха Гаутама, VI—V вв. до н. э.) — исторический Будда, основатель буддизма.

⁷ Искусные методы (*упайя, фан бянь*) — буддийский термин, обозначающий средства для обретения пробуждения и спасения живых существ.

Синонимы нирваны, обретаемой после выхода из круга смертей—рождений, цель буддийского учения.

Мгновенное пробуждение (*дунь у*) — термин буддизма школы *чань*, обозначающий мгновенное достижение состояния Будды через практику постижения собственной природы (*цзянь сын; японск. кэнсё*).

Другой берег (*би ань*) — еще один синоним нирваны.

Имеются в виду кармические тенденции и предрасположенности, унаследованные от предыдущих жизней, желания, страсти.

劫

方便

頓悟
見性
彼岸

ца, а если не узришь свою изначальную сущностную природу, то останешься в трясине иллюзий и заблуждений.

Далее, «Чжоуские Перемены»¹² исчерпали все возможное знание о принципах и природной сущности и жизненности. «Луские речи»¹³ содержат наставления о «незамутненности мысли» и «не поддерживании крайностей»¹⁴. Это свидетельствует о том, что и Чжун-ни¹⁵ достиг познания тайн природной сущности и жизненности. Но не происходит ли так, что его слова толкуют поверхностно и не понимают во всей полноте их глубокого смысла? А он тем не менее желал исправить человеческие нравы, претворить в жизнь нормы гуманности, долга-справедливости, ритуала и музыки, почему обычно и не раскрывал суть Дао-Пути недеяния¹⁶, предаваясь искусству взыскания воли Неба¹⁷ и рассмотрению образов перемен¹⁸, соединяя воедино в своих доказательно аргу-

«Чжоуские Перемены» (*Чжоу и*) — «И цзин», «Канон Перемен», канонический текст конфуцианского Пятикнижия, основа нумерологической методологии китайской философии и даосской алхимии. Чжан Бо-дуань активно использует терминологию и методологию «И цзина» в своем сочинении.

«Луские речи» (*Лу юй*) — тексты конфуцианской традиции (Конфуций был родом из царства Лу). Возможно, имеется в виду «Лунь юй» («Беседы и суждения») Конфуция.

Имеется в виду высказывание Конфуция из «Лунь юй» (глава «Цзы-хань»): «Учитель отвергал четверицу: отказывался от путаницы в мышлении, отказывался от следования крайностям, отказывался от упрямой приверженности ложным взглядам, отказывался от эгоистического самолюбования».

Чжун-ни — второе имя Конфуция.

• - Недеяние (*у вэй*) — одна из основных категорий даосской философии, означающая отказ от произвольной целенаправленной деятельности, нарушающей гармонию и природу сущего.

Воля Неба — здесь имеется в виду жизненность, витальное, энергетическое начало человеческого существа (*мин*), которое пестуется в ходе даосской практики.

Имеются в виду триграммы и гексаграммы, графические символы «Канона перемен».

周易
易經魯語
論語

無為

ментированных речах сущностную природу и закон¹⁹ — вот и все. И так можно говорить вплоть до примеров из Чжуан-цзы²⁰, возгласившего «необременение сущим», «беззаботное странствие»²¹, а также норм Мэн-цзы²², любившего «пестовать безбрежную пневму»²³. Ведь и речи этих мудрецов хотя и различаются, но близки по смыслу. Когда же пришло время Вэй Бо-яна²⁴, то он соединил воедино принципы Перемен и Дао-Пути²⁵ и создал трактат «О единении триады»²⁶, чтобы прояснить функции великого киноварного эликсира. Тайский²⁷ Государственный Наставник²⁸ Хуэй-чжун²⁹ в своих «Изречениях»³⁰ использовал слова Лао-цзы и Чжуан-цзы, дабы выявить начала и концы Дао-Пути. Если

19 Сущностная природа (или природная сущность — *син*) — рациональное, духовное начало человека. Пестуется одновременно с жизненностью *мин*. Закон — видимо, заимствование из буддизма (*дхарма*). Возможно, имеются в виду внешние объекты, иногда называвшиеся китайскими буддистами «дхармами».

20 Чжуан-изы (Чжуан Чжоу, IV—III вв. до н. э.) — великий китайский философ.

21 Метафорические понятия философии Чжуан-цзы, обозначающие внутреннюю свободу и само естественность мудреца.

22 Мэн-цзы (IV в. до н. э.) — крупнейший конфуцианский мыслитель древнего Китая.

23 Пестовать (ям *hao жань чжи ци*) — выражение, обозначавшее у Мэн-цзы духови ршенствование, Чжан Бо-дуань интерпретирует его в даосском духе как обозначение даосской практики пестования энергетики организма.

24 Вэй Бо-ян (II в. н. э.) — даосский мыслитель, которому приписывается авторство трактата «Чжоу и цань тун ци» («О единении триады согласно "Чжоуским Переменам"»), содержащего основополагающие рассуждения по методологии даосской алхимии.

25 Имеется в виду соединение Вэй Бо-яном даосской философии и нумерологической методологии «И цзина».

26 См. примеч. 24.

27 Династия Тан правила Китаем в 618 — 907 гг.

28 Государственный Наставник 國師 — здесь: титул, даровавшийся императором выдающимся буддийским монахам.

29 Хуэй-чжун — выдающийся буддийский наставник школы *чань* {дзэн} VIII в., был высоко ценен императорами Сюань-цзуном, Су-цзуном и Дай-цзуном.

30 Имеются в виду *юшу*, соорники речений чаньских монахов. 語錄

это так, то хотя и можно выделить три учения³¹, тем не менее их пути возвращают³² к одному и тому же.

Последователи желтого и черного³³ последних поколений обвиняют друг друга в заблуждениях и заявляют об истинности лишь своего учения, что приводит только к тому, что доктрины трех школ вязнут во лжи и сбиваются с истинного пути; подобные взгляды не могут связать их в нераздельном единстве³⁴ и вернуть их к общему корню. Ныне люди знают о последователях даосизма, что те почитают способы совершенствования жизненности, но не знают, что способы и принципы совершенствования жизненности бывают двух родов: те, которым легко научиться, но с которыми трудно достичь успеха, и те, которым трудно научиться, но с которыми легко достичь успеха.

Например, к способам, которым легко научиться, но с которыми трудно достичь успеха, относятся плавка пневмы пяти ростков³⁵, поглощение света семи светильников, сосредоточение при выполнении массажа, вдыхание чистого и выдыхание грязного³⁶, распевание канонов³⁷ и повторение заклинаний, заговари-

31 Три учения — конфуцианство, буддизм и даосизм.

32 歸 — все три учения возвращают (*гуй*) человека к его истинной изначально ста.

33 Желтое и черное — имеются в виду даосские и буддийские монахи (первые носят головные уборы желтого цвета, вторые в повседневном быту и на некоторые церемонии надевают черные рясы).

34 Неразде 混 — *нь и*) — выражение восходит к чжану 14 «Дао дэ цзина»: «Потр объединены (гу хунь эр ёэй и) речь здесь идет об аспектах Дао. 故混而為一

35 Пять ростков — истинная пневма (*ци*) пяти основных внутренних органов (*у цзан*): сердца, почек, селезенки, легких и печени.

五臟

36 здесь перечисляются различные методы даосской магической практики. Семь светильников — Солнце, Луна и пять планет. Вдыхание чистого и выдыхание грязного — дыхательные упражнения.

37 Распевание канонов — рецитание, скандирование священных текстов.

вание воды и смывание в ней талисманов³⁸, клачание зубами и собирание духа³⁹, соблюдение целомудрия и отказ от вкушения злаков, визуализация божеств⁴⁰ и задержка дыхания, сосредоточение мысли на пространстве между бровями, практика искусства внутренних покоев и питание мозга за счет возвращения семени⁴¹, а равно и все другие способы, вплоть до приема внутрь переплавленных металлов, минералов и растительных снадобий.

Что касается всех вышеназванных методов, то их действенность проявляется лишь в разрушительном воздействии, и хотя сил на их практикование затрачивается много, искомого результата совсем не видно. Если утруждать сознание и перенапрягать волю, днями и ночами практиковать все это, то можно достичь исцеления от болезней, но долговременного воздействия на организм не происходит, и если хоть одно утро не заниматься, то все достигнутые результаты пойдут насмарку.

А продления годов и месяцев жизни разве не трудно добиться, исполнения желания обрести дол-

³⁸ Один из методов даосской духовной медицины, заключающийся в смывании в чашке с водой начертанного тушью целебного талисмана, после чего больной должен выпить эту воду.

³⁹ Клацание зубами — один из распространенных приемов даосской психофизической тренировки. Собирание духа — упражнения по сосредоточению во время практики созерцания.

⁴⁰ Отказ от вкушения злаков — распространенная даосская диетологическая норма, заключающаяся в отказе от употребления в пищу зерновых. Визуализация божеств — создание ментального образа божества и удержание его & сознании при последующем растворении в тшевах того или иного парафизиологического центра,

⁴¹ Здесь речь идет о даосской сексуальной практике. «Возвращение семени для питания мозга* (хуань цзин бу нао) — метод, заключающийся в достижении оргазма без эякуляции, что, по мнению даосов, заставляет сперму подниматься по позвоночнику в мозг и питать его.

говечность, вернуться к состоянию младенца, отвратить старость, преобразить свою суть и воспарить в небеса, — разве всего этого не трудно достичь?! Все это чрезвычайно мучительно обретается.

Поэтому адепты нынешней эпохи впадают в заблуждения, ложь принимают за истину⁴², не достигают постижения⁴³ истинности таинственного Закона⁴⁴, гневно отвергают обманные речи святых бессмертных⁴⁵, боятся проникновения в небесный механизм и прилагают числовые комбинации к именам⁴⁶. Среди них есть придерживающиеся способа задержки дыхания, благодаря которому можно забыть о механизме и отсечь мышление⁴⁷, — практика этих людей в основном тождественна сидячей медитации, о которой учат две Колесницы⁴⁸. Если усердно осуществлять это, то можно вступить в состояние ментальной сосредоточенности и вывести дух за пределы тела. Однако дух сперматической эссенции относится к *инь* и благодаря ему трудно укрепить жилище⁴⁹, и этим нельзя заменить способ продления

⁴² Здесь заимствуется буддийская теория викальпирования (*викальпа*), то есть создания ложных ментальных конструкторов, принимаемых за реальность.

⁴³ Постигать (у) — дословно: «гфосветляться», «пробу 悟 [к истине]». Этот иероглиф использован Чжан Бо-дуанем в заглавии его труда.

⁴⁴ Таинственный Закон (исходно — «Благое Учение») — доктрина буддизма Махаяны.

⁴⁵ Святые бессмертные — святые, реализовавшие цель даосизма: бессмертие.

⁴⁶ Другими словами, испытывают страх перед проникновением в суть реальности и абсолютизируют нумерологию, являющуюся лишь языком описания реальности, но не самой реальностью.

⁴⁷ Ю есть достичь полной остановки деятельности сознания и мышления.

⁴⁸ Имеются в виду низшие Колесницы (пути к просветлению) буддизма — Колесницы шраваков (учеников) и ггратьяка-будд (будд-для-себя), составляющие Хинаяну, Малую Колесницу.

⁴⁹ Речь идет о человеческом теле.

телесной жизни. Поэтому, не обретя пути возврата и обращения вспять, основанного на использовании металла и ртути, разве можно вернуть силу *ян* и сменить бранные кости на кости нетленные, среди бела дня взойти на небо?⁵⁰

Ведь выплавка золотого раствора и перегнанной киновари — это то, чему трудно научиться, но в чем легко достичь успеха. Занимаясь этой практикой, надо проникнуть в суть *инь* и *ян*, осуществить глубочайшие трансформации, поднять две пневмы по Желтому Пути⁵¹, соединить три природные сущности в Изначальном Дворце⁵², собрать пять первоэлементов⁵³, соединить и гармонизировать четыре образа⁵⁴, сделать так, чтобы дракон шипел, а тигр издавал свист⁵⁵, чтобы муж начинал, а жена следовала за ним, чтобы в нефритовом треножнике⁵⁶ варилась по-

⁵⁰ То есть стать небесным бессмертным (*тхнь сянь*~).

⁵¹ Желтый Путь (*хуан дао*): энергетический срединный канал, идущий от основания позвоночника или промежности к макушке головы, или об- звание для каналов *жэнь мо* и *ду мо*, идущих вертикально с передней ной сторон тела. Канал *ду мо* идет от промежности через пуп к внут- ронней стороне нижней губы, канал *жэнь мо* — из промежности вдоль позвон- ков и макушку головы к верхней губе. Вместе они образуют «малый не- круг»* (*сяо чжэоу пэнь*~), играющий значительную роль в даосской внут- ренней алхимии. Канал *жэнь мо* связан с почками и называется Черным Пу- тем — цвет стихии «вода», соотносимой с почками); канал *ду мо* наз- вывается Красным Путем и соотносится с сердцем (цвет стихии «огонь»); пр- точный центральный канал называется Желтым Путем, так как жел- тый — цвет стихии «земля» (центр).

⁵² Три природные сущности — «сок дерева», «семя металла*» и «*元宮* ли» — исходные пневмы *ян* и *инь* и их сочетание. Изначальный Дворец (*юань гун**) — нижнее киноварное поле (*дань тянь*), расположенное немного ниже пупа.

⁵³ Собрать пять первоэлементов — собрать воедино письменные энергии пяти ос- новных органов, маркируемых пятью стихиями.

⁵⁴ Собрать и гармонизировать четыре образа (*сы сяо*) — здесь: достичь гармоничности пневм, связанных с функциями органов зрения, слуха, дыхания и вкуса.

⁵⁵ Образы, означающие движение «истинной ртути» и рождение «истинного свинца», то есть гневные *ян* и *инь*. Ртуть — дракон, свинец — тигр.

⁵⁶ *玉鼎* жена — пневмы *Ян* (изначальный дух) и *инь* (изначальное семя). Нефритовый треножник (*юй дин*) - верхнее киноварное поле (*ни бань*) в мозгу. *泥丸*

хлебка, огонь разгорался бы в золотой печи⁵⁷. Вна- чале сокровенная жемчужина обретает образ, а Вели- кое Первоначальное возвращается к своей подлин- ности, и все это совершается мгновенно, вечно сохра- няется и беспредельно дарует блаженство. И так вплоть до устранения опасностей и пресечения пре- град мысли следует самым серьезным образом относиться к пестованию извлечения и придержива- нию добавления⁵⁸, пестованию правильного и схва- тыванию полноты.

Должны блюсти свою женственность и обни- мать единство⁵⁹.

Тогда естественно восстановится пневма поро- ждающего *ян* и будет уничтожена губительная фор- ма *инь*, пневма всех периодов охватит весь круг⁶⁰, зародыш покинет утробу и произойдет божественная трансформация. Имя такого человека будет занесено в списки бессмертных, нарекут его совершенным че- ловеком, и это будет время возвеличивания подвига сего мужа. Ныне ученые таковы, что некоторые из них считают свинец и ртуть двумя пневмами, а на

⁵⁷ Золотая печь (*цзинь лу*~) — среднее киноварное поле в области солнечного сплетения.

⁵⁸ Фраза восходит к «И цзику» («Гексаграмма "недоразвитость" — *мэн* пестует гфямоту, это подвиг совершенномудрого») и «Дао дэ цзинчу», чжан 9 («Придержи- вать и копить хуже, чем просто положить этому конец»), у Чжан Бо-дуаня речь идет о внимательном отношении к применению «огня» (*хо хоу*) в практике внутренней алхимии.

⁵⁹ Объединенная цитата из чжанов *抱一* *дао дэ цзина*: «Таким об-разом совершенномудрый объемлет единств- но и становится образцом для Поднебесной» (чжан 22); «Тот, кто знает истинное (*чжи ци^ци*) и хранит свое мужественное, становится тропой для Поднебесной» (чжан 28). В контексте внутренней алхимии это означает сохранение покоя духа во время процедур омовения и нагревания.

⁶⁰ Речь идет о цикле применения «огня» в ходе внутренне алхимической процедуры (*хо хоу*), уподобляемой чередованию сезонов (усиление нагревания — лето, ослабление — зима).

пять внутренних органов указывают как на пять первоэлементов. Сердце и почки они считают триграммами «вода» {кань) и «огонь» (ля), а печень и легкие — драконом и тигром. Они используют дух и пневму в качестве сына и матери, держатся за слюну и сок⁶¹ как за свинец и ртуть и не знают плывущего и тонущего, не могут разделить хозяина и гостя. Зачем же свое собственное богатство считать чужими вещами? К чему чужое имя давать своему родному сыну? Неужели неведомо, как металл и дерево преодолеваются друг другом — это сокрытая тонкость? Неужели неизвестно, как силы янь и ян взаимодействуют друг с другом — это глубочайшая тайна? Когда это так, Солнце и Луна теряют свой путь, свинец и ртуть уходят из печи. Те, кто хочет узреть зачатие и формирование перегнанной киновари, не должны удаляться от этого.

С самой юности я любил Дао-Путь и стремился постичь все сочинения и канонические тексты трех учений, вплоть до трудов по законам и наказаниям, математике, медицине и мантике, военному делу, астрономии, географии, искусству определения счастливых и несчастных дней, сроков смерти и рождения, но ничто не удовлетворяло моего сердца полностью. Лишь ради одного — искусства золота и киновари я изучал скрупулезнейшим образом все каноны и песни, стихи, трактаты, компендии всех школ мысли. Во всех этих сочинениях содержались сведения о солнечных разумных душах и лунных жи-

⁶¹ Речь идет о привязанности гтрофатов к материальному выражению энергий—пневм (.ци), а не к самим энергиям.

вотных душах⁶², тигре-знаке гэн и драконе-знаке -у-зя⁶³, водяном серебре и киноварном порошке, белом серебре и черном олове, мужском кань и женском ли и заявлялось, что всего этого достаточно, чтобы полностью сделать золотой раствор и перегнанную киноварь, но совсем не говорилось, какого рода такие вещи, как истинный свинец и истинная ртуть, не говорилось и о том, каковы способы и сроки использования огня, не было указаний на правила питания эликсира телом. Эти сочинения не только своими домыслами сбивали с истинного пути людей грядущих поколений, но и ложно истолковывали наставления священных канонов и разъяснений к ним. Они вносили заблуждение во все и порождали не только путаницу и неразбериху в понимании канонов бессмертных, но и умножали ошибки и заблуждения у будущих учеников.

Я никак не мог встретить достойного человека и получить тайное устное наставление и поэтому не находил удовольствия ни в еде, ни во сне, мой дух был в смятении, и хотя я обошел все горы и доли, прося наставлений и у глупых, и у мудрых, никто из них не был в состоянии ввести меня в истинную тра-

⁶² Здесь говорится о душах хунь, состоящих из положительной пневмы ян и ответственных за сознательную деятельность психики (обычно считается, что их три), и о душах-гго, состоящих из отрицательной пневмы инь и ответственных за жизнедеятельность организма (обычно считается, что их семь).

⁶³ Знак гэн, входящий в систему десятиричного набора циклических знаков, соо г западу, символом которого является белый тигр. Вместе эти сил 庚 значают души по, состоящие из «металла» (зарождающееся инь) как мента легких, и силу ян, присутствующую в воде почек. Знак цзя (и зел (он) соответствует востоку, а также душам хунь «дерева» как пер а печени и несущему инь соку, пребывающему в «огне*» как первое-тихий сердца (развитое ян).

дицию и просветить мой ум. Так продолжалось до года *цзи-ю* девиза правления Си-нин⁶⁴, когда ученый из Палаты Драконовых Планов⁶⁵ господин Лу⁶⁶ прибыл в Чэнду. Его воля была непоколебима, с самого начала он был искренен и уважителен, следовал наставлениям совершенного человека⁶⁷, получил наставления относительно снадобий золота и киновари и периода использования огня. Его слова были просты чрезвычайно, он придерживался главного, избегая суеты. Можно сказать, что, указывая на течение, он знал истоки, говорил одно слово, а прозрений в нем была сотня; он отполировал зеркало своего сознания, изучил все каноны о киновари, постигнув, как все взаимосвязано и взаимозависимо. Ведь в мире из десяти людей восемь, а то и девять учатся искусству бессмертных, но поистине постигшими его редко бывают даже один или два человека.

И вот, встретив истинные наставления, разве мог я оставить их под спудом. Поэтому я написал уставные стихи в количестве, равном двойной девятке, т. е. восемьдесят один стих⁶⁸, и назвал их «Главами о прозрении истины». Из них шестнадцать сти-

⁶⁴ Этой дате соответствует 1069 г.

⁶⁵ То есть ученый (*сюэ ши*), готовящийся к занятию чиновничьей должности и особо отмеченный императором. 1 [алата Драконовых Планов (*лун ту гэ*) — учреждение, созданное при династии Сун (960—1279 гг.) для поощрения талантливых ученых. 學士 龍圖閣

⁶⁶ Имеется в виду Лу Шэнь (1012 — 1070 гг.), биография которого входит в 332-й изюань «Истории Сун» («Сун ши»).

⁶⁷ Здесь имеется в виду Лю Хай-чань (Лю Цао), один из патриархов внутреннеал-химической традиции, ученик знаменитого даосского святого, патриарха Люя (Люй-цзу) - Люй Дун-биня.

⁶⁸ В действительности ста в «Главах о прозрении истины» девяносто девять стихов, однако символика двойной девятки сохраняется и в этом числе, ну мер о логически равном 81.

хов — семисложные восьмистишия, представляющие число дважды восьми, «оборванных строк» — шестьдесят четыре стиха в соответствии с числом гексаграмм чжоуского «Канона Перемен», один стих — пятисложный, символизирующий «Великое Единое», стихов-романсов на мотив «Луна над западной рекой» — двенадцать, в соответствии с числом месяцев года. Эти стихи повествуют о треножниках и сосудах — о том, что благородно из них, а что — презренно, об измерении снадобий в *цзинях* и *ляпах*, о начале и конце использования огня, о последовательности (кто раньше, а кто позже) хозяина и гостя, о существовании и гибели, наличии и отсутствии, о счастье и беде, раскаянии и стыде. Вот что содержится в них. А дабы раскрыть то, что считалось не высказанным в этом сочинении о природе изначального и исконного просветления, я создал еще песни, гимны и *юэфу*⁶⁹, а также другие сочинения и приложил их к заключительному разделу. В этих сочинениях я исчерпал все, относящееся к Пути постижения изначальной сияющей природы. И если люди, имеющие общие со мной устремления, прочитают это, то, увидев концы, они постигнут и корень, отбросят заблуждения и приблизятся к истине.

Написано в год *и-мао* правления под девизом Си-нин⁷⁰ тяньтайским Чжан Бо-дуанем со вторым именем Пин-шу.

⁶⁹ *Юэфу* — первоначально народные песни, собиравшиеся «Музыкальной палатой» (*юэфу*). Позднее — жанр авторской лирики, подражающей этим древним народным песням.

⁷⁰ Соответствует 1075 г

悟真篇卷上

Цилинь извергает нефритовую книгу
Мифическое существо цилинь, по верованиям китайцев, обладало многим
волшебными свойствами, считалось благовещим животным

Главы о прозрении истины

Часть первая

Если ты не ищешь великого Дао-Пути,
то путь твой ложен;
Если [ты] отбросил талант и мудрость,
разве [ты достойный] муж?
Столетие, [проведенное] в праздности,
подобно искре, высеченной [из
кремня];
Тело [в продолжении] одной жизни
[подобно] пузырью, плывущему по
воде.
Только жадность к выгоде и счастью
[заставляет] людей искать славы.
Не сознавая, что телесный облик
зачахнет и сгинет во тьме,
[Все] стремятся собрать кучи золота,
[подобные] горным кряжам,
[Но так как они] приобретают лишь
непостоянное, то [им]
не прийти к отсутствию.

悟眞篇正義卷上

七言律

會稽元眞子董德寧註

不求大道出迷途。縱負賢才豈丈夫。百歲光陰石火燄。一生身世水泡浮。只貪利祿求榮顯。不覺形容暗碎枯。試問堆金等山嶽。無常買得不來無。樂音傑、瘵與碎同。
紫陽張君。生於北宋。名伯端。一名用成。字平叔。乃天台人也。幼親善道。性好眞玄。晚遇劉海蟾翁。盡得金丹之妙。及功足行全。乃撰悟眞篇。以垂教於後學者也。故此謂人之生於世也。既不能立身行道。又不得揚名於後世。碌碌浮生。豈非可惜。故不求性命之大道。以超出其迷途者。縱有負賢良之才。豈大丈夫之所爲乎。且百歲之光陰。是同石火之光燄。卽一生之事業。亦如水上之浮泡。此能有幾何時耶。若止貪求利祿無休。而不自知其精神耗散。則形容暗爲病瘵而枯也。此等之流。試問其金玉如山。可能買得無常不來。而使之有常以不變者乎。此章勉人當及早向學。莫待氣竭精枯。則其悔無及矣。

人生雖有百年期。寧天窮通莫預知。昨日街頭猶走馬。今朝棺內已眠屍。妻財拋下非君有。罪業將行難自欺。大藥不求爭得遇。遇之不鍊是愚癡。煉。披交切。鍊與煉同。擬音臨。

Хотя жизнь человека
 и составляет столетний срок,
 Никто не в состоянии знать,
 исчерпает [он годы] в долголетьи
 или в -безвременной смерти.
 Вчерашним днем [еще] по улице
 ехал верхом на коне,
 А сегодняшним утром лежит в гробу труп,
 [погруженный в смертный] сон.
 Оставлены [одни] жена и богатства,
 у них [больше] нет господина.
 В том, что последствия дурных дел
 не замедлят прийти,
 трудно себя обмануть,
 [Если] не ищешь великое снадобье,
 то как же встретишь его?
 [Тот, кто надеется] не плава встретить его,
 тот лишь безмозглый дурак.

Первые два стиха «Глав о прозрении истины» представляют собой введение в текст и посвящены обоснованию важности поисков бессмертия. Аргументация, используемая Чжан Бо-дуанем в первом восьмистишии, достаточно традиционна для даосских текстов: это указание на бренность мирской жизни и всех ее благ и ничтожность их по сравнению со смертью — уделом любого существа, не обретшего Дао. Очень традиционна и лексика восьмистишия. Обращает на себя внимание использование Чжан Бо-дуанем буддийских образов и терминов, свидетельствующее о сильном влиянии на автора буддизма. В первом восьмистишии жизнь человека сравнивается с пузырьком на поверхности воды. Это образ весьма распространенный в буддийской литературе (см., например, заключительную *гатосу* «Ваджрачхедика Праджня-парамита сутры» — «Алмазной сутры»»).

Однако нельзя не видеть уже и здесь отличия даосского подхода к проблеме жизни и смерти от собственно буддийского. Чжан Бо-дуань отнюдь не говорит о бренности и тщете жизни как таковой. Напротив, бездумное времяпрепровождение тем и плохо, что, отвлекая людей от поисков Дао, неминуемо ведет к смерти. Следовательно, здесь жизнь, скорее, уподоблена хрупкой драгоценности, столь же легко разрушимой, как и пузырь на поверхности воды.

Способам ее «укрепления» или «питания» (*ян шэн*) и посвящено сочинение Чжан Бо-дуаня. Любопытно и то, что состояние, ведущее к бессмертию, Чжан Бо-дуань называет «отсутствием» (*у*). Это не небытие или смерть, а обозначение особого онтологического статуса Дао как иного, нежели статус наличного бытия вещей, его сверхбытия как самодовлеющего в себе. Вместе с тем это отсутствие является источником бытия и жизни.

Само понимание онтологической первоосновы как источника телесной жизненности, а возвращения к этой основе — как центрального пункта обретения бессмертия (ибо именно из ее небытия, ничто, покоя, мрака адепт будет творить новое бытие, из нее рождается «просветленность» — *мин*) еще раз подтверждает отличие средневекового даосизма от буддизма, несмотря на все влияния последнего. Дело в том, что общим направлением эволюции даосизма был рост его «спиритуализации» и «психологизации», причем не последнюю роль

養生

無

明

в этом процессе сыграл буддизм. И все же все медитативные приемы даосизма, направленные на постижение вечной истины Дао, в конечном счете венчались по представлениям последователей даосизма, одухотворением телесности и обновлением, после которого преобразованный адепт вновь возвращается в свой сакрализованый космос, зиждущийся на этой таинственной первооснове, блистающий всеми красками и отнюдь не желающий терять свое многообразие и исчезать ради некоей реальности высшего порядка. В связи с этим уместно вспомнить одну из легенд, связанных с именем Чжан Бо-дуаня.

列仙全傳

定慧

Согласно «Полному собранию жизнеописания бессмертных» («Ле сянь цюань чжуань», см.: Дэвис Т. Л., Чжао Юнь-цунь, 1939, с. 99), Чжан Бо-дуань был дружен с буддийским монахом по имени Дин-хуэй («Сосредоточенный в мудрости»), который обладал чудесной способностью за несколько мгновений преодолевать гигантские расстояния. Чжан Бо-дуань также овладел этим искусством.

瓊華

Однажды друзья поспорили, кто из них преуспел больше. Они решили отправиться за тысячи *ли* в Янчжоу полюбоваться цветущими «яшмовыми гортензиями» (*цюн хуа*) и сорвать по цветку на память. Погрузившись в медитацию, они вмиг преодолели расстояние, погуляли в парке и вернулись назад, причем Дин-хуэй опередил Чжан Бо-дуаня. Однако ликовал он недолго: в его руках ничего не оказалось, а Чжан Бо-дуань цветок принес.

性命形

Ученики спросили даоса о причине. Чжан Бо-дуань ответил: «Когда я изучал путь золота и киновари, я совершенствовал и природную сущность (*син*) и жизненность (*мин*). Когда собираю [себя] воедино, тогда имею материальное тело (*сш*), когда рассеиваюсь, то становлюсь пневмой. Когда я прибыл [в Янчжоу], то был лишь истинным духом, но там обрел материальное тело. Таков дух ян. Монах благодаря своей тренировке достиг результата быстро: ведь он не видел его материального тела или тени. Таков дух инь. Дух не может передвигать вещи».

Таким образом, и средневековый даосизм в полной мере сохранил установку на телесность и определенный натурализм.

Здесь же, во 2-м стихе, появляется мотив, постоянно повторяющийся на протяжении всего текста, — о необходимости упорного труда, без которого невозможно обретение «великого снадобья [бессмертия!]» (*даяо*).

大藥

читься бессмертию — непременно значит
 учиться небесному бессмертию;
 Только в нем крайний предел
 золота и киновари.
 Две сущности встретились — в это время
 природа и чувства пришли в гармонию;
 Все пять стихий [заняли свои] места,
 тигр и дракон сплелись.
 По этой основной [причине] знаки у *цзи*
 стали красавицей-свахой,
 Тотчас муж и жена в восторге
 слились воедино,
 Только тогда произошло свершение
 в Государевой Нефритовой заставе,
 В сияние девяти небес умчалась
 запряженная фениксами колесница.

Это восьмистишие вводит в круг терминологии «Глав о прозрении истины» и знакомит с понятийным аппаратом внутренней алхимии. В нем уже появляются такие важные термины, как «золото и киноварь»», «чувства», «природная сущность», «дракон и тигр», «знаки у *грго*», «сваха» и пр.

По одной из принятых в позднем даосизме персоналогин бессмертных выделялось пять рангов бессмертных (также см. выше): «демоны бессмертные» (*гуй сянь*), «люди бессмертные» (*жэнь СЯнь*), «бессмертные» (*шэнь сянь*), «земные бессмертые» (*ди сянь*) и «небесные бессмертные» (*тянь сянь*), причем последний ранг считается наивысшим.

Таким образом, Чжан Бо-дуань уже в самом начале текста провозглашает, что его учение имеет своей целью высшую форму бессмертия и содержит высшую тайну. Претензии Чжан Бо-дуаня были признаны традицией, о чем свидетельствует положение его труда в «Дао цзане» (его первый и высший раздел «Дун чжэнь бу»).

Далее следует термин «золото и киноварь». Это два вещества, высоко ценившиеся адептами внешней алхимии за их качество и считавшиеся важнейшими компонентами эликсира бессмертия, причем настолько важными, что даже само слово «киноварь» (*дань*) стало синонимом слова «эликсир». Собственно, *гэзинь дань* (золото и киноварь) в практике внешней алхимии служило аббревиатурой сочетания *цзинь е хуань дань* (т. е. «золотой раствор и перегнанная киноварь» -- высшие эликсиры бессмертия, см. 4-ю главу «Баопу-цзы» Гэ Хуна)*

Здесь у Чжан Бо-дуаня эти термины выступают как равноправные понятия. Золото ценилось как в силу своей исключительной стоимости, так и по причине своих особых качеств и свойств и связанной с ними символики: неподверженность коррозии, сочетание в нем качеств разных первостихий китайской натурфилософии (так, оно мягко и имеет желтый цвет, что для древнего китайца свидетельствовало о его родстве со стихией земли, в которой обе пневмы — *инь* и *ян* пребывают в гармонии).

Киноварь же красного цвета, что роднило ее с «совершенно развитым *ян*» (*тай ян*), началом жизни и роста, а кроме того, она состояла, будучи красной по цвету, из желтой серы и белой ртути, что опять-таки наде-

道藏
洞真部

金丹

金液還丹

* Опубликовано в моем переводе в кн.: Петербургское востоковедение. Вып. 2. СПб., 1992.

太陽

лило ее некоторой таинственностью — - как вещество-гермафродит, соединившее в себе качества мужского (белый цвет спермы) и женского (красный цвет менструальной крови) начал, а это превращало ее в зародыш новой бессмертной жизни. У Чжан Бо-дуаня «золото и киноварь» — символы эликсира, или бессмертного зародыша (*сянь тай*), нового тела, творимого adeptом из энергии тела старого.

二物

«Две сущности» (доел, «две вещи» — *эр у**) — в макрокосме - Небо и Земля, тотальности двух пневм: *ян* (Небо) и *инь* (Земля), также Солнце и Луна. В человеческом теле, микрокосме, точном подобии макрокосма, согласно закону аналогии, весьма важному для даосизма, -- это «чувства» (*цин*) и «природная сущность» (с«н). В символике внутренней алхимии они называются «свинцом» (*с^янъ, цянъ ша*) и «ртутью» или «водяным серебром» (*хун, инь хун, шуй инь*). По существу, это те две пневмы, соотносимые с «природной сущностью*» (*ян*) и «чувствами» (*инь*~) или с «природной сущностью» и «жизненностью» (лшн).

情性
鉛,鉛沙
汞,銀汞
水銀

Основой практики внутренней алхимии является соединение и гармонизация этих полярных энергий и стремление из их соединения произвести внутреннее снадобье — зародыш будущего бессмертного тела.

Пять стихий - - пять стихий древнекитайской космологии: дерево (рождающееся *ян*, восток, весна, синезеленый цвет, дракон), огонь (развитое *ян*, юг, лето, красный цвет, феникс), металл (рождающееся *инь*, запад, осень, белый цвет, тигр), вода (развитое *инь*, север, зима, черный цвет, черепаха-змея) и земля (равновесие *инь—ян*, центр, 18 дней каждого сезона, желтый цвет). В практике внутренней алхимии особую важность имеют дерево и металл (их символы — дракон и тигр), а также земля. Поэтому, «соединить дракона и тигра» - - значит на языке внутренней алхимии гармонизировать пневмы *инь* и *ян* (т. е. природную сущность и чувства и т. п.), породить из сплава этих пневм бессмертный зародыш.

媒媾

В этой «иерогамии» (выражение К. М. Скиппера) сил *инь—ян* роль посредника-свахи (лой *пин*) играет стихия земли, т. к. ей «причастны» все прочие стихии,

прочие «четыре образа» (см *сян*).

Символическое обозначение земли - - циклические знаки *у цзи*, т. е. обозначение тех 18 дней в каждом «сезоне», когда господствует имманентный им всем элемент «земля». Таким образом, мы имеем следующие синонимические ряды:

инь -- тигр -- металл -- свинец --
запад — осень — чувства;
ян - • дракон - дерево • ртуть
земля — сваха — *у цзи*.

四象
戊己

Завершается это восьмистишие описанием блаженства и восторга возносящегося ввысь бессмертного, создавшего себе нерушимое одухотворенное тело посредством единения полярных пневм тела, «иерогамия» которых и породила зародыш этого бессмертного тела.

Волшебный меч Люй Дун-биня

Люй Дун-биня (Люй Янь), один из легендарных «восьми бессмертных» (*бэ сянь*), родился в эпоху Тан (618—907), перенял тайны бессмертия у отшельника Чжунли Цюаня и сам стал бессмертным. Его волшебный меч обладал чудесной силой, с помощью этого меча Люй Дун-бинь побеждал злых духов и тварей во время своих странствий.

истинном средоточии этого закона

[сокрыта] тайна еще более истинная;

В ней вся причина, [почему] я один
отличаюсь от [других людей].

Сам знаю, как перевернуть
триграммы «вода» и «огонь»;

Кто [еще] понимает «плывущее» и «тонущее»
и утверждает «хозяина» и «гостя»?

Хочу, чтобы в треножнике из металла
осталась [содержащаяся] в киновари ртуть;

Но сначала опущу в «нефритовый пруд»
серебро, содержащееся в воде.

Свершение духа и «вращение огня»
не закончится к рассвету;

Из бездонных глубин [тогда]
появится диск солнца.

Начинается 4-е восьмистишие с указания Чжан Бо-дуаня на высшее совершенство его алхимической метода, заключающегося в выплавлении внутреннего эликсира.

Далее Чжан Бо-дуань вводит еще несколько новых терминов. В 4-м восьмистишии впервые в тексте эксплицитно дается символика «Книги Перемен» и общее описание динамики алхимического процесса. Основные составные части эликсира, т. е. субстанции тела, с которыми предстоит работать адепту внутренней алхимии и ранее известные нам, как тигр и дракон, *ияъ ци* и *ян ци*, чувства и природа, свинец и ртуть и т. д., теперь обретают новое символическое обозначение: их называют триграммами «вода» (*кань*, *д, —) и «огонь» (*ли*, Й1^)- В «Книге Перемен» эти триграммы обозначаются соответственно как две слабые черты (*иньньге*) с одной сильной (*янхой*) в центре и как две сильные черты со г^бой в центре.

Первая из них в традиции внутренней алхимии в определенном контексте относится к «положительной» (*ян*), т. к., несмотря на преобладание слабых черт, она символизирует зарождение силы *ян* (сильная центральная черта). В пространственном ряду она ассоциируется с севером, а из стихий — с водой (согласно диалектике «Книги Перемен» высшая степень отрицательного является и точкой рождения положительного, и наоборот). Соответственно, триграмма *ли* (огонь) иногда относится, как уже говорилось, к отрицательным (*инь*), хотя и ассоциируется с югом и огнем.

Б соответствии с общими принципами древнекитайской космологии главным качеством *инь* (и ее символа — воды) является движение вниз, а *ян* — движение вверх. Таким образом, гексаграмма, описывающая взаимные отношения воды и огня, *инь* и *ян*, триграмм *кань* и *ли*, должна иметь следующий вид (гексаграмма 64-я, заключительная, *вэй ци* — «ет.це не конец»). Как известно, в традиции «Книги

未濟

主,賓
客

龍虎

上卷

華巖

кэ), встречающихся уже у философов буддизма хуаянь, а позднее — у неоконфуцианцев. <...>

Следует отметить, что 64-я гексаграмма обладает полной неуместностью черт: нечетные (янныё) позиции заняты инъными чертами, и наоборот (счет черт, и-д, ет снизу вверх). Другими словами, в «профаническом» мире вода и огонь пребывают в своей разделенности, тогда как процесс внутренней алхимии требует их соития для создания бессмертного зародыша. Таким образом, следует поменять триграммы местами, что

既濟

даст 63-ю гексаграмму цзи цзи — «уже конец» с полной уместностью черт, т. е. нужно отправить огонь с юга на север, воду с севера на юг и т. д., причем земля останется по-прежнему в центре.

Для практикующего адепта это означает изменение направленности и потоков энергии в теле человека: стремящиеся вверх потоки янной пневмы направляются посредством созерцания и дыхательных упражнений вниз, в нижнее киноарное поле, и наоборот. Вообще, весь процесс обретения бессмертия средствами внутренней алхимии как бы переворачивает естественное (условно естественное для даоса, как мы увидим ниже) течение <<перемен», работающее на смерть, на противоположное, и таким выворачиванием природы наизнанку предполагается достижение вечной жизни.

先天

顛

金鼎

乾宮

С точки зрения даосизма это — восстановление извращенного ныне <<прежде небесного>> (сянь тянь) состояния мира и человека (см. ниже). Отсюда огромная важность иероглифа дянь, здесь означающего «взаимно-обращаемость», «перемена местами» и т. д. «Треножник из металла» (цзин дин) здесь названо вместилище положительной (-ян) пневмы - Дворец Неба Цянь (цянь гун) один из центров тела согласно традиции внутренней алхимии. В нем хранится снадобье в процессе его приготовления.

木液

玉池

Киноварная ртуть -- ртуть, восстановленная из киновари. На псевдоалхимическом языке внутренней алхимии так называется «сок дерева» (му е), пневменная эссенция стихии огня (янной пневмы) человеческого организма.

«Нефритовый пруд» (юй чи) -- место, противоположное треножнику из металла, там создается снадобье. Серебро, сокрытое в воде, — серебро, сокрытое в свинце, который китайскими алхимиками считался «недо-

зревшим серебром», «отцом серебра». Здесь -- «семя металла» (цзинь цзин), пневменная эссенция стихии воды (см. выше, по аналогии с соком дерева).

金精

Описываемая здесь алхимическая операция заключается, в следующем: янные пневмы (дерево, ртуть и т. д.) остаются в треножнике из металла. В процессе плавки в нефритовый пруд направляются потоки инъной энергии — пневмы металла, свинца и т. д. Там влекомые взаимной «симпатией» как родственные, но полярно противоположные силы свинец и ртуть соединяются, причем их сперматические сущности (эссенция — см. выше) опираются друг на друга. Эти процедуры сопровождаются определенными дыхательными упражнениями («вращение огня» и т. п.).

«Бездонными глубинами» здесь назван Дворец Воды Кань (кань гун; шуй чжи гун). «Диск солнца» — образное название очищенной «изначальной пневмы» (юань ци~), точнее • — ее положительного модуса «изначального ян» (юань ян). Иначе, смысл заключительной строки четвертого восьмистишия в том, что благодаря нагреванию треножника во Дворце Воды Кань рождается изначальная янная пневма, субстанция будущего бессмертного тела, состоящего, по даосскому учению, из одной «чистой положительной пневмы» (чунь ян).

坎宮
水之宮
元氣
元陽

純陽

Один из смыслов части данного стиха заключается в том, что истинный эликсир находится в человеческом теле, в самом человеке, и поэтому не надо искать его во внешних вегах, вдали. Этот мотив, рефреном проходящий по всему тексту, еще раз свидетельствует об интровертивности даосского этического идеала, реализуемого в контексте внефеноменального ритуализма внутренней алхимии.

анцует тигр, [ввысь] взмывает дракон —
 бушуют ветры и волны;
 В середине, в центре — истинное место
 рождения сокровенной жемчужины,
 Плоды рождаются на ветвях
 в конце срока жары,
 Младенец находится в лоне —
 разве здесь есть различие?
 Первоистоки на юге и севере,
 образы триграмм сменили [места]
 Огонь на рассвете и на закате
 соединяется с Небесной осью.
 Следует знать, что великое сокрытие [бывает] и
 у живущих в шумном городе,
 Зачем же непременно углубляться в горы,
 чтобы быть в покое одиночества?

Первая строка этого восьмистишия связана с традиционными символами дракона и тигра как отображениями сил *инь-ян*. Дракон живет на дне моря, его среда — вода, но он образ *ЯН*, зарождающегося в глубинах *инь* (соответствует стихии дерева). Например, тигр живет в горах, в сфере *ян* (для китайцев гора и камень вообще — корень Неба на Земле — *тянь гэнъ*), но он образ *инь*, рождающегося в сердцевине *ян* (соответствует стихии металла). Из триграмм дракону соответствует триграмма *кань* (вода), а тигру — триграмма *ли* (огонь), несмотря на противоположность их пространственной символики, т. к. в триграмме *кань* мы наблюдаем зарождение *ян*, а в триграмме *ли* — зарождение *инь*.

Одновременно тигр и дракон, как уже говорилось, — символы отрицательных и положительных пневм тела. Срединное положение первостихий занимает земля, объемлющая и *инь ци* и *ян ци*. Здесь под серединой или центром понимается «котел желтого двора», средний энергетический центр микрокосма, второе киноарное поле, расположенное, по учению даосизма, в районе солнечного сплетения, т. е. в центре человеческого тела.

Желтый цвет — символический цвет стихии земли. Именно здесь адепт внутренней алхимии стремится создать первообраз бессмертного зародыша, будущего бессмертного тела -- «сокровенную жемчужину» (*сюань чжу*) порожденную соитием двух пневм тела, тигра и дракона, чувств и природы, сердца и дыхания.

Бессмертный зародыш зреет в треножке алхимика, которому уподобляется киноарное поле адепта, подобно плоду на ветвях дерева или зародышу в материнской утробе. Следует обратить внимание, что для даосского алхимика алхимический процесс является моделью процесса космического, моделью усовершенствованной и ускоренной.

Для внутреннего алхимика, в частности, процессы, протекающие в организме, уже сами по себе являются подобием космических (т. к. для него тело является микрокосмом) и, следовательно, подобием внешнеалхимического процесса (хотя сами адепты внутренней алхимии скорее процесс внешней алхимии сочли бы отображением процессов и микро- и макрокосмических). Эта концепция позволила даосам приверженцам

天根

玄珠

внутренней алхимии облечь описание ее процессов в собственную алхимическую терминологию.

Итак, бессмертный зародыш зреет в тренажнике кинноварного поля до тех пор, пока, превратившись в бессмертное, новое тело адепта, не покинет через макушку головы старое тело, ставшее теперь уже пустой оболочкой, подобно тому, как младенец в момент рождения покидает материнскую утробу. Таков смысл третьей и четвертой строк восьмистишия.

Второе четверостишие опять вводит нас в круг символики «Книги Перемен». На этот раз речь идет о триграммах «небо» и «земля» (*цянь*, *кунь*). Соответственно они изображаются тремя сильными ☰ (небо) и тремя слабыми чертами ☷ (земля), являясь образами чистого *ян* и чистого *инь*. По системе пространственного расположения триграмм, традиционно приписывающейся легендарному Фу-си и впоследствии соотнесенной со "Схемой из реки [Хуанхэ]" (*хэ ту*~), триграмма «небо» располагается на юге, а триграмма «земля» - на севере, что как будто бы полностью соответствует логике чередования стихий (юг -- чистое *ян*, север - чистое *инь*, юг — огонь (небо), север — вода (земля)).

Однако на схеме пространственного расположения триграмм, традиционно приписываемой Вэнь-вану и позднее соотнесенной с другой магической картой - «Письменами [из реки] Лошуй» (*ло шу*~) триграмма «небо» сдвинута на северо-запад, а триграмма «земля» — на юго-запад, т. е. небо как бы приобрело какие-то свойства *инь* (север), а земля — *ян* (юг).

Другими словами, такое положение не совсем соответствует традиционной символике триграмм. В соответствии с традицией позднего даосизма схема Фу-си (и следовательно, *хэ ту*) отображает истинно гармоничный миропорядок идеального («прежде небесного», *сянь тянь*~) космоса, не облеченного еще в грубую телесность и пребывающего в состоянии утонченной пневменности, впоследствии сгустившейся в телесность в рожденном «посленебесном» (*хоу тянь*), искаженном космосе (искажение выразилось в смещенности триграмм по сравнению с их истинным местоположением) и, соответственно, в *ло шу*.

Другими словами, первая пространственная система отражает как бы интегрированность, единство, вечную жизнь прежде небесного космоса, а вторая - распад,

дезинтегрированность, обреченность посленебесного космоса. Восстановить прежде небесное состояние человека и призвана, по учению даосизма, внутренняя алхимия.

Именно о перемене местами триграмм «небо» и «земля» в посленебесном мире и говорится в начале второго четверостишия. Заметим, что разная пространственная символика триграмм «вода» и «огонь» (*кань*, *ли*) — то запад и восток, то север и юг, — уже встречающаяся в тексте и которая встретится еще неоднократно, связана именно с двумя схемами местоположения триграмм (запад и восток по Фу-си и север и юг по Вэнь-вану).

Сдвинутость триграмм и здесь значима: *кань* приобретает не соответствующую ей избыточную *иньность*, а *Ли* - избыточную *янность*. Соотношение триграмм *цянь* и *кунь*, с одной стороны, и *ли* и *кань*, с другой, описывается как соотношение субстанции и ее функции, ее действия (*ти*, *юн*). В схеме же Вэнь-вана эти отношения также извращены: функция поставлена над субстанцией (*ли* и *кань* заняли места *цянь* и *кунь*, переместив их на свои прежние местоположения). Эти четыре триграммы в даосской интерпретации «Книги Перемен» считаются основными, остальные — производными. *Цянь* и *кунь* как бы порождают шесть прочих триграмм, из которых *ли* и *кань* по преимуществу производят 64 гексаграммы.

«Небесной осью» (*тянь шу*) в китайской астрономии называются звезды Большой Медведицы, вокруг которых как бы обращается весь небосвод. Дао как бы использует это созвездие в качестве своего механизма. Местоположение созвездий относительно Большой Медведицы учитывалось в Китае при определении времени (в том числе и календарных сезонов): созвездие как бы, подобно стрелке часов, указывало на дату, определяемую по положению других светил.

В символике внутренней алхимии Небесной осью называется сердце (не орган, а как мыслящее чувствительное - *синь*), служащее механизмом Дао в микрокосме. Соответственно, медитативное наблюдение даосского адепта за сердцем должно было указывать ему на время использования огня (см. выше) или отказа от него.

乾坤

河圖

水洛

後天

體用

天樞

心

Две заключительные строки восьмистишия начинают тему, в полной мере развиваемую в следующем, 6-м восьмистишии: так как эликсир бессмертия изготавливается в самом теле адепта, нет никакой необходимости покидать мир и искать уединения в горах. Человек - целая вселенная, в нем сокрыты все ее тайны и решения всех вопросов. Поэтому стремление к уединению, уходу от мира обнаруживает только непростительную зависимость от внешних вещей и обстоятельств. В этом тезисе Чжан Бо-дуаня несомненно сказалось сильное влияние на него чань-буддизма. Таким образом, здесь мы вновь сталкиваемся с той этической интроверсией, о которой уже говорилось выше.

Лотос Хэ Сянь-гу

Хэ Сянь-гу, одна из *ба синь*, жила при династии Тан, обрела бессмертие благодаря чудесному сну, виденному в пятнадцатилетнем возрасте, а также встрече с бессмертными Ли Те-гуаем и Лань Цай-хэ; покинула дом и удалилась в горы.

се люди в своей основе
имеют снадобье долговечности,
Но сами идут по стезе заблуждений, в
бездумьи его отбросив.
Сладкая роса стекает тогда,
когда Небо в единении с Землей;
Желтый росток рождается там,
где триграмма «вода»
соединяется с триграммой «огонь».
Колодезная жаба не ответит на вопрос,
где драконова пещера,
Перепела в загоне откуда могут знать,
где гнездо феникса.
Эликсир естественно зреет,
золото наполняет зал.
Зачем же непременно искать травы
и учиться прижиганию пыреем?!!

Первые две строки этого восьмистишия являются своего рода провозглашением принципов внутренней алхимии и заявлением о внутреннеалхимическом характере «Глав о прозрении истины». В этих строках, в особенности в первой, опять заметно буддийское влияние на Чжан Бо-дуаня (не столько, правда, проявившееся в характере, содержании его мысли, восходящей к древнему даосскому учению о подобии микро- и макрокосма, сколько в лексике и форме выражения).

Так, фраза «Все люди в своей основе (*бэнь**) имеют снадобье долговечности (*чан шэн яо*)» явно навеяна буддийскими идеями о «сущности (природе) Будды» (*фо син~*), имманентной всему сущему, скрыто присутствующей во всех существах. Обретение просветления — это реализация, осознание этой природы.

本
長生藥
佛性

Здесь Чжан Бо-дуань говорит о том, что все необходимые для приготовления снадобья, пневмы или энергии, уже присутствуют в теле каждого человека, в то время как подавляющее большинство людей об этом ничего не знают или не желают знать и бродят по «ложной дороге» заблуждения.

Третья строка первого четверостишия является слегка измененной цитатой из «Дао дэ цзина» (чжан 32): «Когда Небо и Земля гармонируют друг с другом, тогда вниз стекает сладкая роса». В контексте «Глав о прозрении истины» «сладкой росой» (*гань лу*) называется пневма, возникшая от соединений небесных (*ян*) и земных (*инь~*) энергий (пневм). Описываемая ситуация графически изображается 11-й гексаграммой «Книги Перемен» «расцвет» (*тай*), когда земные влияния направлены вниз, а небесные — вверх. В практике внутренней алхимии подобная ситуация возникает в процессе обратного направления энергий тела (восходящих — вниз, и наоборот). Результатом соединения этих пневм оказывается гармонизация *инь* и *ян* и рождение новой пневмы -сладкой росы.

甘
露
泰

Следующая строка вводит еще один новый термин — «желтый росток» (*хуан я*). Желтый — это символический цвет стихии «земля», соответственно желтый росток - - это еще одна пневма, рожденная гармонизацией *инь* и *ян*. Если сладкая роса возникает от взаимодействия триграмм «небо» и «земля» (*цянь* и *кунь*}, т. е. *ян* и *инь* в их чистом виде, то желтый рос-

黃
芽

ток — следствие соединения триграмм *ли* и *кань* (гексаграмма 63-я *цзи цзи*), т. е. *инь* и *ян* в их зародышевой форме. Соответственно, синонимами сладкой росы окажутся такие термины, как «сок дерева» и «ртуть», а синонимами желтого ростка -- «семя металла» и «свинец».

Таким образом описанная здесь процедура имеет следующий характер: вначале приготавливаются ингредиенты снадобья бессмертия - - ртуть и свинец. Они получают в результате соединения пневм *инь* и *ян* разных степеней зрелости. Соединение свинца и ртути дает уже само снадобье (точнее, его прообраз -- бессмертный зародыш). Следует обратить внимание на тот факт, что во внутренней алхимии значительно большую роль, чем во внешней, играет создание единства не по принципу взаимного тяготения противоположных начал, например женского и мужского, а по принципу «симпатии» или «средства видов» (*тун лэи*). Первый принцип остается, но роль его сводится к минимуму. Место традиционных совокупляющихся противоположностей (серы и ртути) все больше и больше занимают ртуть и свинец, вещества по алхимической доктрине родственные, хотя и полярные по знаку.

Все второе четверостишие посвящено критике непосвященных, неспособных понять глубин внутренней алхимии, подобно тому, как жаба не может знать обиталище дракона и т. д. Здесь же опровергаются порочные методы, отвлекающие людей от поисков истинного Дао способами внутренней алхимии. К ним относятся и занятия внешней алхимией, которая в глазах адептов алхимии внутренней все больше и больше начинает превращаться в профанацию истинной алхимии, а тексты ее начинают интерпретироваться в духе внутренней алхимии, рассматриваться как непонятые работы по внутренней алхимии. Отсюда и пренебрежительное отношение Чжан Бо-дуаня к людям, не знающим, что истинный эликсир выплавляется внутри, и тщательное отношение к обрести бессмертия во внешних вещах, будь то «эликсир, полученный путем алхимической переплавки металлов и других веществ, или целебные растения и травы».

Предпоследняя строка восьмистишия опять содержит измененную и полностью переосмысленную цитату из «Дао дэ цзина» (чжан 9): «Если нефритом и золотом

зал, то никто не в силах его охранять». У * наполнен
Чжан Бо-дуаня под «золотом, наполняющим зал» подразумева-
ется эликсир, зародыш бессмертия, естественно зреющий в теле адепта.

С

ледует знать, что снадобье рождается
в месте истока рек;
Только на юго-западе
его исконная родина.
Если свинец встретился с временем *гуй*,
скорее бери его.
Металл встретился с полною луной,
не разглядывай его издалека.
Пошли его в накрепко опечатанный
«земляной котел»,
Затем помести туда текучий жемчуг,
который в гармонии станет с ним.
Вес снадобья — целый *ху*,
а должен быть — дважды восемь;
Осторожно приостановлен огонь,
чтобы подкрепить *инь* и *ян*.

外丹

Б этом восьмистишии продолжается описание алхимического процесса, причем, хотя речь идет о внутренней алхимии, стих вполне можно истолковать и в духе *вай дань*, что еще раз показывает общность методологических оснований всех видов даосской алхимии.

癸

Юго-запад здесь -- область господства «прежде небесной» (*сянь тянь*) триграммы *кунь* в ее смещенности в «посленебесном» (*хоу тянь*) мире (см. схему триграмм Бэнь-вана). Именно с *кунь*, зрелого *инь*, начинается создание эликсира. Под свинцом имеется в виду «истинное *ци*», оно же «желтый росток» (*хуая я*). Знак *гуй* -- последний знак десятичного набора, символизирует «сладкую росу» (*гань лу*) (см. выше) и сохранение *ян* в условиях господства *инь*.

Описываемый здесь процесс предполагает, что надо взять *ян ци* в самом зарождении этой пневмы и подвергнуть ее воздействию огня. Затем взять на северо-востоке (триграмма *цянь*; ее оппозиционная триграмма *кунь* на юго-западе) истинный свинец, на юго-западе — истинную ртуть, т. е. зрелые *инь ци* и *ЯН ци*.

Здесь же тело человека, микрокосм внутреннеалхимического процесса, уподобляется полной луне. Поэтому данный этап процесса предполагает накаливание эликсира (в *нэй дань* аналог накаливания - - дыхательные упражнения): металл, господствующий в период полнолуния, нуждается в обработке.

Под земляным котлом имеется в виду «желтый двор» (*хуан тин*), место царствования центральной стихии «земля». В нем и происходит иерогамия сил *инь—ян*. Под «текучим жемчугом» (*лю чжу**) имеется в виду «сок дерева» (*му е*) (см. выше). Он же называется в аналогичных текстах «божественной водой» (*шэнь гуи*). Далее указывается «правильный вес» эликсира: дважды восемь, т. е. число функций (лянь) в фунте (*цзине*) - - символическое число полноты пневм эликсира. Вслед за «зачатием бессмертного зародыша» (уже *сянь тай*) нагрев эликсира («период огня», *хо хоу*) должен быть прекращен.

流珠

神水

兩

斤

結仙胎
火候

е надо переплавлять «три желтых»,
«четыре духа»;

Искать разные травы —
это еще более пустое [занятие].

Инь и *ян* обрели [сродство] видов,
[друг к другу] влекутся симпатией;

«Два» и «восемь» друг с другом
соединились, сроднившись.

Со дна пучины [поднимается] красное солнце
инь [вдруг] чудесно исчезло;

Над вершиной горы белеет луна,
появились ростки снадобья.

Тогда человеку нужно понять
истинные свинец и ртуть:

Это не вульгарный в ер миллион
и не водяное серебро.

雄黃
雌黃
流黃鉛, 銀
丹沙
汞

華池

Первое четверостишие этого восьмистишия опять-таки направлено против занятий внешней, профанической для Чжан Бо-дуаня алхимией. Истинные ингредиенты «снадобья бессмертия* -- не внешние вешества, а энергии (пневмы) тела.

«Три желтых» -- три вещества, в китайском названии которых есть слово «желтый». Это реальгар (сдан *хуан*, «мужская желтизна»), аурипигмент (или орпигмент, *цы хуан*, «женская желтизна») и сера (*лю хуан*, «текучая желтизна»).

«Четыре духа» -- это четыре важнейших вещества, использовавшихся китайской внешней алхимией: свинец (уяв), серебро (*инь*), киноварь или вермиллион (*дань ша*) и ртуть (*хун*).

Соответственно, поиск продлевающих жизнь лекарственных растений для Чжан Бо-дуаня еще более пустое занятие, т. к. и внешняя алхимия ставила растительные «малые эликсиры» неизмеримо ниже минеральных снадобий и металлов (см., например, гл. 4-ю «внутренней» части «Баопу-цзы» Гэ Хуна).

Истинное снадобье адепта внутренней алхимии -- результат соития пневм *инь* и *ян*, субстанций «того же рода», «родственных видов» (*тунлэй*), влекомых друг к другу «взаимной симпатией» (о принципе *тун лэй* и роли симпатии в китайской алхимии, кстати, принципа, важного и для западноевропейской алхимии см. выше). Истинное же снадобье рождено тогда, когда гармония *инь*—*ян* достигла своей полноты: из 2х8 унций *инь* и *ян* получился фунт эликсира.

«Дно пучины» — центр цветочного пруда (*хуа чи*), одного из центров тела; возможно, это то же, что и нефритовый пруд, тем более что образ пламенеющего солнца, встающего из пучин, уже появлялся выше (см. 4-е восьмистишие). «Красное солнце» -- образ изначального *ЯН* (см. выше, комментарий к 4-му восьмистишию). Для создания бессмертного тела, по учению даосских внутренних алхимиков, нужны две пневмы, но состоять оно будет только из одной — чистой пневмы изначального *ян*.

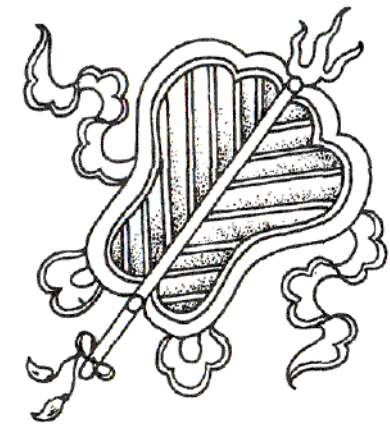
Описываемая здесь алхимическая процедура все же несколько отличается от того, что было описано в 4-м восьмистишии: дух (*шэнь*), чистой и тончайшей *ян*-пневма тела спускается вниз, в сферу «воды» (там властвует абсолютно *инь*ная триграмма «земля» (*кунь*),

приводит к появлению из воды возгоревшегося изначального *ян*.

Горная вершина (*шань тоу*) — синоним внутренне-алхимического термина *кунь лунь* -- символическое обозначение мозга или точки на макушке головы, через которую созревшее бессмертное тело адепта покидает бывшее и ныне ставшее ненужным тело.

Белая луна — другое обозначение «пневмы металла» (*гринь ци*), т. е. *инь*ной энергии, описываемой триграммой «огонь» (*ли*). Соединение двух пневм приводит к созданию ростков снадобья, зачатков бессмертного зародыша.

Заключительная строка восьмистишия возвращает к его исходной теме, тезису о превосходстве внутренней алхимии с ингредиентами -- пневмами над внешней алхимией

山頭
崑崙

с ее вульгарными и грубыми веществами, вещественными ртутью и вермиллионом (киноварным порошком).

Всеер Чжунли Цюаня

Чжунли Цюань — старейший из *ба сянь*. По преданию, родился при династии Хань (206 г. до н. э.—220 г.), в молодости стал прославленным полководцем, но, потерпев поражение, удалился в горы, нашел там нефритовую шкатулку с наставлениями, как стать бессмертным. Существовало верование, что всеер Чжунли Цюаня обладал способностью возвращать жизнь умершим.

Не крепко качество семени *инь*,
 когда оно внутри *ян*;
 [Если] совершенствовать только одну вещь,
 то она станет слабой и хилой.

Если тело утомлено —
 это указывает на отсутствие Дао-Пути.

Питаться пневмой, вкушать зарю —
 все это безумие.

Ведь мир отнюдь не ищет
 сокрытых свинца и ртути.

Когда же тогда [людям] увидеть
 встречу тигра и дракона?

Хочу, чтобы ты до конца все воспринял
 о месте рождения тел;

Царь снадобий — это то, что обращает
 к корню, возвращает к основе.

Здесь Чжан Бо-дуань, настаивая на одновременном совершенствовании двух вещей, впервые эксплицитно высказывает неявно присутствовавший и раньше тезис об одновременном совершенствовании природы и жизненности («природной сущности и судьбы» — *син мин шуан сю*). Этот принцип, впервые сформулированный Чжан Бо-дуанем, лег в основание всей последующей традиции «практического» даосизма.

В даосизме X — XI вв. уже зрела, подготавливая появление теории сунского неоконфуцианства, в свою очередь повлиявшего впоследствии на даосизм, концепция природы человека, как дарованной Небом сущности, на основе которой из пневмы-ум формируется вторичная природа -- «природа телесного склада» (*ци чжи чжи син*). Первую даосы питали, вторую следовало преодолевать. Но с природой телесного склада тесно связано понятие жизненности, которое в отличие от неоконфуцианского «веления», «судьбы» (т. е. природы как даруемой Небом сущности) мыслилось еще как. жизненные, не связанные с мышлением и вообще с психической деятельностью процессы.

Термин «природа» {*син*} связывался с духовной, мыслящей, *янной* стороной человека (*шэнь*~), а термин *мин* •• - с бессознательной, энергетической стороной человеческого существа. И *ся* и *мин* все еще оставались формами пневмы-ум (в отличие от неоконфуцианства и появившегося в XII в. даосизма школы *цюань чжэнь* («Совершенной истины»), превратившей *син* в форму бытия чисто духовного принципа — *ли*), но все же *мин* была пневмой по преимуществу, в собственном смысле.

И «жизненность» (*мин*), нуждалась уже не в преодолении, а в совершенствовании подобно природе, дабы сняв таким образом коллизию «природа—природа телесного склада», привести адепта к бессмертию. «Природа» (*син*) называлась также «изначальным духом» (*юань шэнь*). Соответственно, «жизненность» называлась «изначальной пневмой» (*юань ци*). Но пока они еще остаются, повторяем, двумя формами пневмы в широком смысле (одна локализуется в голове, другая — в среднем киноарном поле).

Дух (природа) символизируется триграммой «огонь» (*ли*), в которой внешние черты - - сильные (*ян*), а

性命雙修

氣貫之性

全真教

理

元神
元氣

внутренние — слабые (*инь*), отсюда и образы первой строки восьмистишия.

Символ жизненности — триграмма «вода» с противоположной символикой. В данном случае *ли* выступает как *янная* триграмма, а *кань* — как *иньная*.

Собственно практический смысл учения совершенствования *сип* и *мин* сводится к тому, что вначале адепт, занимаясь психофизическими упражнениями (гимнастикой, дыханием, созерцанием), успокаивает ум, умеряет страсти и выплавляет бессмертный зародыш (это совершенствование жизненности), затем уже чисто медитативной, близкой к чаньской, практикой он стремится к обретению «недеяния» (*у вэй*) и интуитивному постижению Дао (это совершенствование природы).

Только такая двусторонняя практика ведет, по мысли Чжан Бо-дуаня, к истинному бессмертию всего психофизического существа человека, отличному как от простого физического продления жизни, так и от чисто духовного, внеличного бессмертия буддистов.

Природа также связывается с сущностью *инь* внутри *ЯН* и со стихией дерева. Отсюда и образ мягкости, нетвердости у Чжан Бо-дуаня. Соответственно, для него совершенствование жизненности укрепляет также и природу, и наоборот.

Почти вся последующая часть восьмистишия посвящена критике как внешней алхимии (людей, ищущих тайн бессмертия во внешних вещах, свинце и ртути), так и даосских упражнений (дыхательная гимнастика, гелиотерапия с целью поглощения солнечной пневмы и т. д.), взятых в отрыве от создания нового бессмертного тела и совершенствования духа, просто с целью продления жизни (ср. «Чжуан-цзы»).

Образ «места рождения» и «обращения к корню» связан, с одной стороны, с традиционным даосским образом (идушим еще от «Дао дэ цзина») младенца в лоне матери или новорожденного, а с другой стороны — с критикой даосских методов сексуальной практики.

Для даосизма призыв уподобиться ребенку («возвратиться к корню») означает прежде всего возвращение к единству с Дао для творения из его глубин новой бессмертной и совершенной жизни. Адепт должен пребывать в таком же единстве с Дао, как плод во чреве матери — с материнским телом; питаться его пищей,

дышать его дыханием. Кстати, из взгляда на человеческое тело как на микрокосм, в котором, как и в космосе, полностью присутствует Дао, и из концепции «младенца» возникло знаменитое даосское «зародышевое дыхание» — *тай си*.

В практике внутренней алхимии этот образ приобретает дополнительное значение — образ бессмертного зародыша нового тела, вскармливаемого телом адепта — его материнской утробой. С этим учением и взглядом на бессмертного зародыша как на результат взаимодействия *инь ци* и *ян ци* (тигра и дракона, свинца и ртути и т. п.) связано также враждебное отношение внутренних алхимиков к даосским методам сексуальной практики, предполагавшим, что организм адепта-мужчины нуждается для обретения бессмертия в дополнительных женских энергиях, полученных благодаря половому акту, и наоборот.

Для адепта внутренней алхимии подобная точка зрения была столь же неприемлема, как и установки внешней алхимии: ведь если человек — это микрокосм, уже имеющий внутри тела всю полноту мужских и женских (*янных* и *иньных*) энергий, то зачем ему нужны вещественные дополнения извне?! К этому теоретическому обоснованию нередко также добавлялось воспринятое у буддийских монахов отвращение к «греху» чувственной физической любви. Таким образом, возник исторический парадокс: сексуальная практика даосов, возникшая в том же потоке, что и будущая внутренняя алхимия, восходящая корнями к тому же пласту представлений, что и внутренняя алхимия, и развивавшаяся параллельно ей, пользовавшаяся почти тождественной с внутренней алхимией терминологией и методологией (недаром язык трактатов по «искусству внутренних покоев» так сильно напоминает язык сочинений по внутренней алхимии как по лексике и образности, так и по стилистике), вдруг оказалась исключенной из сферы ортодоксального внутреннеалхимического даосизма, превратившись в часть учения и религиозной практики не совсем правоверных и немного подозрительных с точки зрения литургической и монастырской ортодоксии даосов-магов [см. Торчинов Е. А., 1982, IV, с. 105—107].

озлюбившие истинный свинец

и облекшиеся в мысль о его поисках

Никогда не будут наставлять, что [можно] с
легкостью растрчивать время.

Пусть, однако, земные души *по*
захватят киноварную ртуть,

А сами небесные души *хунь*
пусть водяной металл проявят.

Можно сказать: дракон и тигр скрылись
перед возвышенностью Дао-Пути;

Осмелюсь сказать, что демоны и духи
восславят весомость дэ-блага [адепта].

[Отныне] знаю, что долголетен,
в вечности [своей]
приравнен к Небу и Земле;

Никакая суэта [мирская]
не смутит [моего] сердца. *

Истинный свинец (*чжэнь цянъ*), как и в предыдущих стихах, -- название отрицательной пневмы. Эпитет «истинный» в известной степени соответствует понятию «принципиальный» или «философский» в терминологии западноевропейской алхимии. Здесь он еще раз указывает на то, что речь идет не о профаническом металле, а об энергии тела. 真鉛

Первая и вторая строки этого восьмистишия посвящены описанию истинного учителя — человека, глубоко проникшего в тайны внутренней алхимии (здесь — синонимом внутренней алхимии вообще), погруженного в алхимическое делание и отвергшего внешнюю алхимию и другие ложные, с точки зрения Чжан Бо-дуаня, пути.

«Земные души» (*по*) - - одна или несколько душ (обычно, семь) в даосской и вообще традиционной китайской психологии, ассоциируются с жизненностью, «животной», бессознательной стороной человеческой жизни и, соответственно, представляют собой тотальность *инь ци* в человеческом теле (землю микрокосма).

«Небесные души» (*хунь*), напротив, ассоциируются с сознательной, разумной стороной человеческой жизни (традиция обычно говорит о трех *кунь*) и представляют собой тотальность *ян ци* в человеческом теле («небо» микрокосма). Как средоточие отрицательной и положительной пневм они приравнены к другим аналогичным символам — свинцу и ртути.

Динамика описанной ситуации состоит в том, что адепт внутренней алхимии должен переплавкой добиваться соединения *иньных* и *янных* энергий (земные души, т. е. *инь ци* схватывают киноварную ртуть, т. е. *ян ци*, а небесные души — *ян ци* проявляют себя в единении с водяным свинцом, т. е. *инь ци*). Эпитет «водяной» - - еще одно указание на *иньность* свинца. Это приводит к образованию эликсира, бессмертного зародыша, и обретению бессмертия.

«Тигр» и «дракон» — синонимы все тех же полярных энергий — как бы скрываются, уступив место недualности эликсира, единящего адепта с вечностью Дао и дарующего долговечность, непроходящее существование, такое же, как у Вселенной, — Неба и Земли.

«Желтый росток» и «белый снег»

найти нетрудно;

Взыскующий должен [только] действовать в
соответствии с глубиной дз-блага.

Четыре образа и пять стихий,
все они сродни земле.

Как же могут «три начала» и восемь триграмм
оторваться от [знака] «ЖЭНЬ»,

Людам трудно узнать, когда завершилась
плавка одушевленных свойств.

Тогда покончено с [мраком] янь
и нет посягательств бесов и демонов.

Хочу среди людей оставить
[это] тайное наставление.

Но никто из окружающих не поймет из звука.

«Желтый росток» (*хуан я*) — один из ингредиентов эликсира бессмертия, результат взаимодействия *инь ци* и *ян ци* в аспекте их «недозрелости», обозначаемой триграммами «огонь» и «вода» (*ли* и *кань*, подробнее см. комментарий к б-му восьмистишию).

«Белый снег» (*бай сюэ*) - - синоним сладкой росы шестого восьмистишия, результат соединения зрелых *инь ци* и *ян ци* (триграммы «небо» и «земля», *цянь* и *кунь*).

Так как энергии, составляющие желтый росток, незрелы, то он, в свою очередь, окажется носителем отрицательного потенциала (*инь*) и станет истинным свинцом; энергии, породившие белый снег, зрелы, и поэтому он становится положительной энергией (*ян*), истинной ртутью. Соединение этих истинных свинца и ртути и порождает уже непосредственно бессмертный зародыш.

Вторая строка восьмистишия, как бы развивая мысль первой строки, говорит о пути, ведущем к успеху во внутриснеалхимическом делании: это следование должному, прежде всего наставлениям учителя. «Четыре образа» (*сы сянь*) - четыре уже знакомых нам триграммы: «небо» (зрелое *ян*, *тай ян* или *лао ян*), «земля» (зрелое *инь*, *тай инь* или *лао инь*), «огонь» (молодое *ян*, *шао ян*) и «вода» (молодое *инь*, *ишо инь*).

Соответствующие им стороны света — юг, север, восток, запад (по системе Фу-си, прежденебесный порядок); стихии — огонь, вода, дерево, металл. Их числовые обозначения в системе китайской нумерологии: 8, 7, 6, 9. Но если среди четырех образов и стихий нет стихии «земля» с соответствующей ей символикой, то никакие мирозосиздугщие превращения невозможны, т. к. земля содержит в себе оба вида пневмы-^и и ей поэтому причастны все стихии.

«Три начала» (*сань юань*) — то же, что и «трое творящих» или «три дара» (*сань цаи*), т. е. космическая Триада традиционной китайской философии: Небо, Земля и Человек.

Но и каждый член творящей триады также имеет свои три истока. Для Неба это Солнце, Луна и звезды («три света», *сань гуан*). Для Земли - - вода, огонь, земля («три насущных», *сань яо*). Для Человека - семя (эссенция, сущность), пневма и дух («три вещи», *сань у*).

白雪

太陽,老陽
太陰,老陰
少陽,少陰三元
三才三光
三要
三物

Знак *жэнь* — 9-й знак десятичной системы циклических знаков. Здесь нумерологическое обозначение стихии «вода» как начала, с которого ведется счет цикла стихий и, соответственно, триграмм. Здесь, короче говоря, подчеркивается важность двух стихий: земли и воды. Адепт внутренней алхимии в своем внешнем, явленном должен следовать стихии воды (*инь*-), приобретать женские качества, в то время как внутри в результате соединения двух пнеум при посредстве свахи - стихии земли родится и созреет бессмертный зародыш, новое тело адепта, состоящее из одной чистой пнеумы *ян*, тело неуязвимое, чуждое всякого мрака.

Заклучи тельные строки этого восьмистишия говорят о том, что сообщаемое в стихе является «тайным представлением» (*би цзюэ**), и предостерегают адепта от разглашения тайны.

秘訣

Бессмертная Хэ Сянь-гу

Дерева и травы также равно
[делятся] на *иньные* и *янные*

Если одного из них недостает,
то не будет и аромата.

Распустились вначале зеленые листья, —
[значит], прежде господствует *ян*.

Затем раскрылись красные цветы, —
[значит, скоро] последует *инь*.

Постоянный Дао-Путь
так действует день [за днем].

Кто же познает, что «истинный исток»
тому противоположен?

Советую всем благородным мужам,
Дао-Путь изучающим,

Не [предпринимать] вредных действий,
пока не познаны *инь* и *ян*.

系辭傳

Первое четверостишие этого восьмистишия, по существу, является кратким комментарием на знаменитую фразу из «третьего крыла» «Книги Перемен» «Сицы чжуань»: «Один раз *инь*, один раз *ян* — это и есть Дао-Путь». Эта фраза, потом постоянно цитировавшаяся неоконфуцианцами, как нельзя лучше отражает учение о чередовании и взаимообусловленности *инь* и *ян*. Прочитируем «Разъяснение схемы Великого Предела» Чжоу Дунь-и (1017—1073), младшего современника Чжан Бо-дуаня.

太極圖說

象數

Он принадлежал к оккультной школе «ицзинистов» (нумерологов) *СЯН цу*, сводивших мироздание к триграммам («образ», *сян*) и их взаимодействию и числовым соотношениям. Впоследствии неоконфуцианская традиция стала считать его родоначальником своей школы. В целом его мировоззрение близко даосскому, и в частности мировоззрению Чжан Бо-дуаня.

«Беспредельное и Великий Предел, — пишет он. — Великий Предел движется и рождает *ян*, покоится и рождает *инь*. Покой доходит до предела и вновь переходит в движение. Движение доходит до предела и вновь переходит в покой. Один раз движение, один раз покой, — они коренятся друг в друге. Произошло разделение на *инь*, разделение на *ян* и два ряда — формы проявления установились».

Все в природе относится к пяти стихиям, которые сами по себе являются модальностями *инь ци* и *ян ци* (опять Чжоу Дунь-и: «Пять стихий, это одно — *инь* и *ян*; *инь* и *ян* — это одно — Великий Предел; Великий Предел коренится в Беспредельном»); в зависимости от преобладания той или иной пневмы вещь относится к той или иной стихии. Соответственно, все сущее, включая травы и деревья, относится к *инь* и *ян*, состоит из пневмы. Чередование сезонов является результатом чередования, взаимопорождения *инь* и *ян*. Так, весна и лето относятся к *ян*, осень и зима — к *инь*.

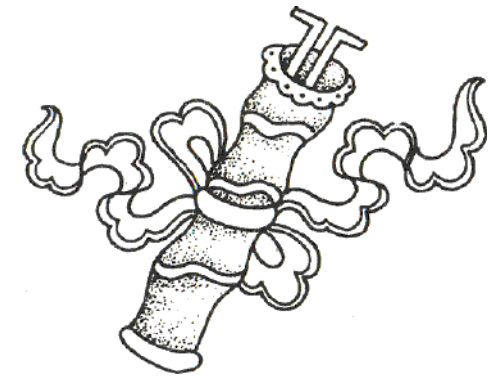
Таков неизменный миропорядок и таков основной методологический принцип внутренней алхимии. Однако, как уже говорилось выше (см. комментарий к 4-му восьмистишию), внутренняя алхимия переворачивает этот процесс, возвращая течение перемен посленебесного космоса, направленное на смерть и дезинтеграцию, к прежденебесному состоянию гармонии и бессмертия. В терминологии внутренней алхимии это вывора-

чивание процесса перемен наизнанку называется «направлением воды вверх, а огня — вниз» (в природе же огня, как *янного* начала, устремляться вверх, а воды, как *иньного*, — течь вниз).

Это должно привести к уже многократно упоминавшемуся «исчезновению *инь*, очищению огня для свершения Дао-Пути» (*инь цзинь, ян чунь и чэн дао*). Таким образом, процесс внутренней алхимии и природный процесс однопорядковы (подобны, родственны), но разнонаправленны.

В последних строках восьмистишия Чжан Бо-дуань советует ученикам постигать природу *инь* и *ян* и не смущаться парадоксальностью характера внутренней алхимии, ибо в действительности он вытекает из более глубокого понимания сущности *инь* и *ян*, чем у обычных людей. Соответственно, и наставление, вводящее в тайны внутренней алхимии, преждевременно, если ученик не проник глубоко в суть доктрины перемен.

陰盡
陽純以成道

Бамбуковый барабанчик Чжан Го

Чжан Го (Чжан Го-лао) — самый загадочный из *ба синь*: неизвестно, когда он родился, во всех легендах и преданиях говорится, что ему очень много лет. Изображается обычно верхом на волшебном муле, способном пройти громадное расстояние за один день.

от, кто не знает
 взаимообращенной взаим о обращенности
 Сокровенного,
 Разве не похож [на человека],
 любящего в огне пестовать лотосы?!
 Гони белого тигра назад, домой,
 где вскормят его.
 Тогда родится светлая жемчужина —
 полная луна.
 Тщательно смотри за снадобьем,
 за печью, за периодом горенья огня. С
 духом спокойным следи
 за небесной естественностью,
 [Тогда] все *инь* уничтожится
 и эликсир созреет.
 [Ты] свободен, бежал из клетки
 и обрел десяти тысячелетнее долголетие.

*

Первая строка этого восьмистишия содержит намек на чжан 1 «Дао дэ цзина»: «Вновь Сокровенное становится Сокровенным* (*сюань чжи ю сюань*). В тексте «Дао дэ цзина» это выражение означает, в частности, вечный переход Дао-Сокровенного в мир вещей, его постоянное обнаружение в космосе и новое возвращение к самому себе, к своей изначальной Сокровенности, в свою очередь опять являющейся в вещах.

Состояние равновесия некой неподвижной точки на грани Сокровенного и явленного Лао-цзы называет «вратами полноты тайны» (в смысле «сокрытие», «место рождения вещей>>) — *чжун мяо чжи мэн*.

В данном восьмистишии Чжан Бо-дуань, видимо, имеет в виду лишь один аспект этого круговращения: бесконечное взаимопорождение-взаимопреодоление *инь* и *ян*.

Таким образом, 13-е восьмистишие непосредственно развивает идею предыдущего стиха.

Глупец, не понимающий этой взаимообращаемости, но тщась в своем теле зачать бессмертный зародыш, подобен человеку, огнем пытающемуся питать и размножать лотосы. Третья и четвертая строки первого четверостишия описывают процесс зачатия бессмертного зародыша, называемого здесь «светлой жемчужинной» (*мин чжу*). Белый тигр — отрицательная (*инь*) пневма гонится домой, в «желтый двор» (*хуан тин*), где она и порождает «бессмертный (или киноварный) зародыш» (*дань тай*). «Полной луной» здесь названа опять-таки целостность, целокупность отрицательных пневм (как зрелых — *кунь*, так и незрелых — *кань*).

Другое синонимическое описание данной алхимической ситуации: «Белый тигр и зеленый (*цин*) дракон сочетались в желтом дворе, уравновесив *инь* и *ян* и зачав киноварный зародыш». Однако возникает вопрос, почему в самом стихе Чжан Бо-дуань обходит молчанием зеленою дракона, ртуть, положительные (*ян*) пневмы? Ответ предельно прост. Дело в том, что данный стих описывает зачатие киноварного зародыша в ракурсе его уже свершившейся целостности.

В таком случае по правилам, принятым в текстах по внутренней алхимии, *иньные* пневмы (тигр, свинец и т. д.) считаются «государем» (*цзюнь*), а *яньные* (дракон, ртуть и т. д.) -- «подданным» (*чэнь*). Соответственно, о подданном подробно говорить не следует, достаточно

玄之又玄

眾妙之門

明珠

丹胎

君臣

龍寶

намека на его присутствие. И этот намек - - эпитет «светла^! жемчужина», данный бессмертному зародышу, поскольку светлая жемчужина — «драгоценность дракона* (*лун бао*), частый атрибут дракона (достаточно вспомнить бесчисленные изображения дракона, играющего с жемчужиной). Хотя сама по себе жемчужина и связана с символикой *инь*, но ее соотносительность с драконом придает ей определенный отблеск *ян*. Таким образом, на присутствие положительных пнеум в зародыше скрыто намекает этот образ.

Две первые строки второго четверостишия говорят об изменении техники нагревания после образования бессмертного зародыша. Если раньше, до его зачатия, совершать соответствующие дыхательно-медитативные упражнения полагалось только в периоды растущего *ян* (месяцы с января по июль и часы с полуночи до полудня, точнее — с 3-й стражи, т. е. с 11 вечера, до конца 9-й стражи, т. е. до часа пополудни), то теперь следует отказаться от такой жесткой схемы, сообразуясь с «небесной спонтанностью», «естественностью» (*тянь жань**), учитывая как *янные* периоды времени, так и *иньные*. О времени с полуночи до полудня как наиболее благоприятном для занятия дыхательными упражнениями («регуляция пнеумы», *ци ци*) см. также гл. 8-ю «внутренней» части «Баопу-цзы» Гэ Хуна: «Ведь практиковать регуляцию пнеумы следует только во время живой пнеумы (*шэн ци*), и нельзя во время мертвой пнеумы (см *ци**). Поэтому говорится: "Бессмертные принимают внутрь шесть пнеум" - это как раз о том. Каждые день и ночь вместе занимают двенадцать страж. Из них шесть страж с полуночи до полудня - время мертвой пнеумы. Во время мертвой пнеумы занятия регуляцией пнеумы бесполезны».

Изменяется и характер нагрева. Это уже не мощное раздувание мехов, а мягкое дыхание сердца, близкое зародышевому дыханию.

Последние две строки вновь говорят о последующем уничтожении *инь ци* и появлении нового бессмертного тела из чистой *янной* пнеумы, в которой адепт обретает новое, высшее, сверхмирское бытие.

I

天然

生氣
死氣

Т

ри, пять и один — всего три знака:

Просветленные древности и современности
редко понимали [их] сущность.

Три на востоке, на юге два —
всего будет пять.

Один на севере, четыре на западе —
всего будет столько же;

Там, где [знаки] у *цзи*,
там и рождается число пять.

Соединились «три семьи», и зачато дитя.

Дитя — это Одно,
объемлющее истинную пнеуму.

За десять месяцев зародыш
созреет и вступит в совершенную основу

В этом восьмистишии в полной мере развернуто нумерологическое учение Чжан Бо-дуаня, его цифровая символика и символика счета. Три, пять и один -творящая Триада (Небо, Земля и Человек), пять стихий и единая пневма, впоследствии образующая пятерику и триаду. Три, кроме того, символическое число стихии дерева (зарождающееся *ян*, восток), а два — число стихии огня (развитое *ян*, юг). Их сумма (число ближай-тельной пневмы вообще) равна пяти. Но пять — число стихии земли (единение *инь-ци* и *ян-ци*, центр). Один — число стихии воды (развитое *инь*, север), а четыре — число стихии металла (зарождающееся *ИНЬ*, запад). Их сумма опять-таки дает число стихии земли — пять. Так Чжан Бо-дуань еще раз указывает на срединное положение стихии, которой причастны все прочие стихии и которая причастна им в свою очередь.

Знаки у *Изи* — еще одно название стихии земли (см. комментарий к 3-му восьмистишию).

Таким образом, мы имеем три пятерицы: сумму чисел *яньгх* пневм (стихий), сумму чисел *иньных* пневм и число стихии земли. Эти три пятерицы Чжан Бо-дуань называет «тремя семьями» (*сань цзя*). В процессе внутренней алхимии эти три семьи соединяются, становятся единой пневмой, зачиная бессмертное дитя, бессмертный зародыш. Другой, только что введенный Чжан Бо-дуанем синоним бессмертного зародыша — «истинная пневма» (или «истинная единая пневма», *чжэнь ци чжэнь и чжи ци*), объемлющая три объединенные пневмы — три семьи.

Созревание бессмертного зародыша в теле адепта уподоблено Чжан Бо-дуанем в соответствии с даосской традицией процессу созревания плода в материнском лоне.

Через десять лунных месяцев плод полностью сформировывается, и ребенок рождается; точно так же и бессмертный зародыш пестуется адептом десять месяцев, пока не становится новым бессмертным телом адепта, отбросившим оболочку прежнего тела. Тогда рождается новый бессмертный.

Кроме того, «три пятерицы» (*сань у*) являются «функцией» (*юн*) единой пневмы. В космическом процессе единая пневма предшествует всем видам пневмы и стихий и, следовательно, является первичной, субстанциальной пневмой. Но «три пятерицы» также и

«субстанция» (*ти*) единой пневмы (поскольку в алхимическом процессе три семьи предшествуют единой пневме, порождая ее своим соединением). Поэтому эти числа ⁹ воспринимаются в даосской традиции как ключ к различным тайнам даосских способов обретения бессмертия. Так, соотношение 3 : 5 положено в основу даосской дыхательной гимнастики «великой гармонии» (*тай хэ*), в основу цикла увеличения или уменьшения огня в процессе нагревания эликсира и т. п.

體

太和

三家

真氣
真一之氣

Те, кто не может познать
 истинного предка свинца,
 Пусть даже используют мириады способов,
 будут кружить в потемках;
 Жена в небреженье оставлена [вдруг],
 силы *инь—ян* разделились.
 Зерно не вкушают, учение возлюбив о пустоте
 кишок и желудка.
 1 равы, деревья, золото, серебро —
 [все это] липкая грязь;
 Заря, облака, солнце, луна —
 [все это] сфера мрака.
 Тем более это скажу о людях,
 уверенных в [силе] вдоха и выдоха,
 [силе] воображения.
 Все [методы] эти [в корне] отличны
 от дела золота и киновари.

Последние два восьмистишия первой части «Глав о прозрении истины*» подводят итог всему циклу, в известном смысле возвращаясь к тематике двух вводных восьмистиший.

В первом четверостишии еще раз подчеркивается основной принцип внутренней алхимии. Во-первых, еще раз говорится о важности понимания энергетической, или пневменной, природы ингредиентов внутреннеалхимического эликсира и их происхождения. Во-вторых, еще раз утверждается принцип одновременного совершенствования природы и жизненности. В случае отказа от него эликсир не появится — подобно тому, как невозможно зачатие, если супруги разлучены. И наконец, вновь критикуются гигиенические (в данном случае, диетические) предписания даосских текстов, которые провозглашаются бесполезными как таковые, вне их связи с целым внутренней алхимии.

Последний момент развивается и конкретизируется во втором четверостишии. Все предметы, обладающие телесностью, вещественностью, прежде всего собственно ингредиенты многочисленных эликсиров внешней алхимии, уподобляются грязи, не имеющей ничего общего с истинной алхимией посвященных. Соответственно, говорит Чжан Бо-дуань, нет ничего общего между истинной алхимией и стремлением обрести бессмертие благодаря даосской гигиене — вбиранию внешних пневм зари, облаков, солнца (гелиотерапия, солнечные ванны), луны (селенотерапия), посредством дыхательной гимнастики или созерцания, связанного с визуализацией (или актуализацией) одного из даосских божеств — подателей бессмертия. Этот вид созерцания (*цунь сянь*) состоит в том, что адепт стремится представить себе божество конкретно — настолько, чтобы возникающий образ по яркости и четкости практически не отличался от восприятия реального предмета.

Все это, заключает Чжан Бо-дуань, не имеет ничего общего с внутренней алхимией — искусством истинных золота и киновари.

нем [одном] говорят мириады книг,
 о бессмертии;
 Только золото и киноварь —
 корень и праотец.
 Опираются они на триграмму «земля»,
 порождая жизнь, завершая телесность;
 Зерно же заложено было тогда,
 когда в семью *цянь* привела симпатия.
 Не удивляйтесь, что тайны Пружины Небес
 раскрыты все [здесь] до конца,
 [Сделаю] так по причине той,
 что и ученые [часто] морочат себя;
 Если же человек уяснил полностью
 смысл [всех] стихов,
 Он узрит Трех Чистых [на небесах]
 и Высочайшего старца.

Последнее восьмистишие непосредственно продолжает предыдущее, завершая первый цикл «Глав о прозрении истины». Ко времени жизни Чжан Бо-дуаня в кругах последователей внутренней алхимии уже сложилась концепция, согласно которой внешняя алхимия всегда была только измышлением невежд, не понявших даосской символики, а все книги по внешней алхимии в действительности являются руководствами по алхимии внутренней. Исторически это, как уже отмечалось, совершенно неправильно, т. к. до IX—X вв. внешняя алхимия безусловно считалась столь же эзотеричной, как и внутренняя. Эта точка зрения внутренних алхимиков и отражена в первых двух строках 16-го восьмистишия. Следующие две строки вновь говорят о происхождении эликсира из двух пневм *инь ци* и *ян ци* (триграммы «земля», *кунь*, и «небо» >>, *г'янь*). Кроме того, процесс внутренней алхимии начинается в *иньных* центрах тела (*кунь*), а завершается в *янных* (*цянь*). Именно там соитие полярных пневм и порождает, по мысли даосов, зародыш бессмертного тела.

Во втором четверостишии Чжан Бо-дуань вновь говорит о тайном эзотерическом характере своего текста, раскрывающего тайны бессмертия, понимание которых позволит адепту зреть «Трех Чистых» (*сань цин*) — три

三清

太上翁

На этом заканчивается I часть «Глав о прозрении истины».

Таким образом, из текста проанализированных фрагментов «Глав о прозрении истины» отчетливо видны ритуализм (интериоризированный, внефеноменальный) внутренней алхимии и ее рецентурность. Последнее, впрочем, характерно для всех традиционных культур [см.: Рабинович В. Л., 1979, с. 43—69].

Этот ритуализм тесно связан и с даосской литургией, в которой мистерия пестования бессмертного зародыша объективируется, становясь ритуалом в собственном смысле. Даосская литургия заимствует и язык внутренней алхимии, терминология которой весьма репрезентативна в трактате Чжан Бо-дуаня. Другими словами, богослужение и делание внутреннего алхимика взаимопреобразуемы и одно может быть описано языком другого.

Алхимия всегда склонна к ритуализации и в своем развитии совершенно закономерно приходит к интериоризации, ибо общей тенденцией ее эволюции, с одной стороны, был рост знания ритуального фактора, а с другой — медитативно интровертивной направленности, что полностью совпало и обрело завершенность и реализацию во внутренней алхимии. Соответственно возрастал и удельный вес этического начала в алхимии, правда всегда рассматривавшегося как подчиненный (борьба со страстями и эмоциями как предварительное условие обретения совершенства).

Мораль также интериоризируется и интровертируется, и внутренний мир адепта становится самодовлеющей реальностью. Усиливаются мотивы эскапизма, правда весьма своеобразно. Адепт — это целостный мир, следовательно, можно уйти от мирской суеты, оставаясь в миру, посредством ухода в себя и свою внутреннюю жизнь. Это, таким образом, эскапизм, призывающий не к пострижению и отшельничеству, а к самообособленности и интроверсии. Понятно, что катализатором последней тенденции было влияние буддизма, особенно в его чаньской форме.

В социальном плане подобная интровертивная этика при всем ее кажущемся неприятии социума и внешнего мира, который на шкале ценностей занимал место неизмеримо ниже, нежели микрокосм индивида, ставший основным предметом философии после VIII—IX вв. [см.: Мартынов А. С., 1982, с. 285—287], была тем не менее отнюдь не формой протеста, а, наоборот, моральной санкцией этого общества, и поэтому все призывы к «уходу из мира пребывая в мире», по существу, являлись констатацией признания онтологической вечности его эшизио, и потому прекрасно вписывались в традиционную систему ценностей старого Китая,

悟真篇正義卷中

會稽元真子董德寧註

七言絕

先把乾坤爲鼎器。次將烏兔藥來烹。既驅二物歸黃道。爭得金丹不解生。解、去聲。

易以乾爲天。以坤爲地。蓋先天卦位。乾南坤北。而天地定位乎上下。此乃體也。其後天卦位。乾居西北。坤居西南。而陰陽升降乎上下。此乃用也。是以修養者。當求吾身之乾坤體用。而爲煉丹之鼎器。故曰。先把乾坤爲鼎器也。烏兔者。蓋日爲陽精。月爲陰精。而日中有雌鳥之陰氣。月中有雄兔之陽氣。以成坎離之象。是水火之精氣。所以謂之藥物也。今以人身丹道言之。則外之兩目光明。有日月之形體也。而內之二氣往來。有日月之行用也。其修之之道。將此內外日月。乃交互運用於吾身。是爲烹煉藥物於鼎器。故曰。次將烏兔藥來烹也。二物者。即烏兔也。黃道者。日月所行之路也。謂修丹之法。乃驅馳吾身之烏兔。以運行於自己之黃道。遇子午之位。則陰陽徘徊。達卯酉之宮。則水火沐浴。積累功深。自然入妙。而金丹豈有不解發生之理乎。

安爐立鼎法乾坤。煨煉精華制魄魂。聚散氤氳成變化。敢將玄妙等閒論。氣音因。氣、於云切。

乾鼎坤爐者。即吾身之至寶鼎器也。而安立之法。要內正其心。無諸雜念。外正其身。無使偏倚。如

悟真篇卷中

Главы о прозрении истины

Часть вторая

В начале *цянь*—«небо», и «землю»—*кунь* в
 треножник-сосуд преврати;
 Затем снадобье помести в него
 из зайца и ворона, их вари,
 После две вещи эти гони назад,
 к Желтому Дао-Пути;
 Так разве золото и киноварь
 не смогут родиться тогда?

С этого стиха начинается II часть «Глав о прозрении истины», состоящая из шестидесяти четырех стихов *цзюэ цзюй*, «оборванных строк», т. е. четверостиший, в которых рифмуются все строки за исключением третьей. Каждое стихотворение символизирует одну из гексаграмм «Книги Перемен» («И цзин») и, соответственно, одну из фаз алхимического процесса, описываемого в терминологии «И цзина». Первая гексаграмма -- «не-Бо» (в переводе К. К.- Щуцкого - «творчество*»), — состоящая из одних положительных (*ян*) черт. Поэтому не случайно, что это название встречается уже в первой строке стиха 17(1). Как и везде в «Главах о прозрении истины», «небо» и «земля» - *цянь* и *кунь* означают чистые преденебесные пневмы *инь* и *ян*, которые должны быть использованы для создания треножника, сосуда внутреннеалхимического действия, расположенного в нижнем «киноварном поле*» (*дань тянь*) тела. Локализация и размеры его были указаны еще Гэ Хуном (283/284- 343/363 гг. н. э.). Гэ Хун указывает, что нижний *дань тянь* располагается в двух *цунях* четырех *фэней* ниже пупа и имеет следующие размеры: у женщины шесть *фэней*, а у мужчин девять *фэней** (см. Гэ Хун. «Баопу-цзы», глава 18-я «внутренней» части). Собственно говоря, этот центр и является тиглем внутренней алхимии, но адепт все же предварительно должен подготовить его к этой роли: почувствовать его местонахождение, очистить посредством дыхательной гимнастики и созерцания.

«творчество»

Заяц и ворон — новые синонимы неразвитых *инь ци* (заяц) и *ян ци* (ворон), синонимы тигра и дракона. В древнекитайской мифологии (и позднее, в народных культах) заяц выступал символом луны, как ее животное, а ворон - - символом солнца, которое иногда и мыслилось как ворон (последнее характерно и для многих других народов). В алхимической традиции эта символика оказалась переосмысленной: солнце - - *ЯН*, но неразвитое, таящее внутри *инь* (ворона); луна — *гшнь*, но скрывающее *ян* (зайца). В символике «Книги Перемен» этому состоянию соответствуют триграммы *кань* (вода—заяц) и *ли* (огонь—ворон). Таким образом, если тигель создается адептом из зрелых отборных пневм

Для III—IV веков:
цунь = 2,412 см.
фэнь = 2,412 мм.

инь — *ян* (символы: *кунь* и *цянъ*, стихии «вода* и «огонь»), то снадобье готовится из незрелых пневм *инь*—*ян* (символы: *кань* и *ли*, стихии «металл» и «дерево»).

Две вещи — те же заяц и ворон. «Желтый Путь» (хуан дао} - - здесь способ активности, деятельности *инь ци* и *ян ци*, их гармоничный срединный путь (желтый — цвет стихии «земля», стихии середины, центра). Так как заяц и ворон соответствуют также луне и солнцу, то в мистической топонимике внутренней алхимии они также ассоциируются с пневмами глаз, их блеском (правый - - солнце, левый - - луна). Общий смысл строки: алхимический процесс должен идти естественно, с учетом внутренних тенденций развития самих пневм, в период растущего *ян* (от зимнего до летнего солнцестояния, знаки *гры у*) развивающихся скачками, причем в частично совпадающий с ними период с весеннего до осеннего равноденствия (знаки *мао 70*) они очищаются, омываются. Эти же знаки употребляются также как символы развитого *инь* - - *цзы*, развитого *ян* — *у*, неразвитого *инь* — *ю* и неразвитого *ян* — *мао*; такова же символика и деления суток. Короче говоря, определенные стадии алхимического процесса должны соответствовать конкретным состояниям пневм. Заключительная строка четверостишия говорит о цели процесса - - создании эликсира, бессмертного зародыша, к которому должны привести правильно совершаемые внутреннеалхимические процедуры.

Нефритовая свирель Хань Сян-цзы

Хань Сян-цзы — один из *ба сянь*, племянник знаменитого ганского поэта и ученого Хань Юя (768—824). Увлечшись даосизмом и алхимией, обрел бессмертие. Множество легенд связано с попытками Хань Сян-цзы убедить Хань Юя в существовании сверхъестественных сил, чудес и знамений.

ечь создавая, ставя треножник,

цянъ—«небо», *кунь*—«землю»

бери в образец.

Сжигая, семени цвет выплавляя,

разумные души, животные души

ты обуздай.

То собирается, то распадается *инь юнь*,

вселенская пневма, превращения свершая.

Осмелюсь сказать: эти тайны сокрытые

не нуждаются в праздных речах.

正心

正身

Здесь продолжается развитие темы 17(1) четверостишия. Опять речь идет о подготовке к началу собственно внутреннеалхимического процесса. Приготовление печи и треножника возможно только при упорядочении функционирования киноварных полей, что в свою очередь требует занятий сложными психофизическими упражнениями: «выправлением сердца» (*чжэн синь* медитация, сосредоточение, концентрация мысли) и «выправлением тела» (*чжэн ШЭНЬ* - специальные даосские гимнастические упражнения). Таким образом адепт стремится достичь равновесия *иньных* и *яннѣх* пневм (*кунь* и *цянъ*~) и их чистоты.

Разумные, или небесные, и животные, или земные, души (*кунь* и *по* см. выше, комментарий к 10-му восьмистишию . части) выступают здесь символом «цветка семени» (сущности-эссенции) *ян ци* и *инь ци*.

Далее, в 3-й строке мысль Чжан Бо-дуаня переходит в космологический план, разъясняя природу всех превращений-метаморфоз в мире, характер рождения и гибели вещей. Вселенская пневма сгустилась — и вещь появилась; пневма растаяла, распалась, рассеялась — и вещь разрушилась. Вселенская пневма *инь юнь* - - соединенные, пришедшие в гармонию *иньные* и *янные* пневмы (*инь ци* и *ян ци*) в их универсальном космическом аспекте, единение наилучшей сущности вселенских пневм. Здесь процессу космических превращений соответствуют превращения, метаморфозы, взаимопереходы в пневм человеческого тела, ведущие в процессе внутренней алхимии (о природе алхимии как модулировании космического процесса и о роли учения о подобии микро- и макрокосма в алхимии см. выше) к созданию в теле адепта бессмертного зародыша, эликсира, о чем и говорится в четвертой строке.

Гексаграмма, соответствующая стиху 18(2),— «земля» (в переводе Ю. К. Щуцкого -- «исполнение»; *кунь*~) состоит из одних отрицательных (*иньных*) черт .

ремени понапрасну не трать,
из глины лепя для эликсира сосуды;

Для выплавления снадобья
печь склоненной луны ищи.

Небесной спонтанности огонь
в ней ты возвращенным найдешь;

Зачем же дрова и уголь нужны,
к чему же тогда меха?

Если первые два четверостишия описывали как бы подготовку к алхимическому деланию, то 3-е четверостишие уже непосредственно связано с началом процесса. Впрочем, основное его содержание опять-таки посвящено размежеванию с внешней алхимией.

Все ее операции, приготовление печей и тиглей из обычных веществ — пустая трата времени.

Истинная печь — внутри человека, материал, из которого она сделана, — пневма. Образ печи, подобной «склоненной луне» {янь юэ лу~), восходит еще к трактату II в. н. э. (?) «О единении триады» («Цань тун ци»), приписываемому знаменитому алхимику Бэй Бо-яну. Ко времени жизни Чжан Бо-дуаня он уже воспринимался как авторитетнейший текст по внутренней алхимии общеметодологического характера.

Луна — символ *инь ци* (в данном случае, развитого, триграмма *кунь*) и, следовательно, свинца. Склоненный набок месяц — образ, указывающий на форму этой «свинцовой» (*инь ци*) печи. В ней описанными выше способами разводится огонь, выплавляющий снадобье. Огонь горит, следуя «небесной спонтанности», «естественности» (*тянь жань*; см. подробнее комментарий к четверостишию 17(1) и выше). Так как этот огонь тоже пневменного, внутреннего характера, то поддержание его не требует дров, угля или раздувания мехов. Таким образом Чжан Бо-дуань еще раз проводит границу между своим учением и внешней алхимией.

Гексаграмма, соответствующая данному стиху, — «начальная трудность» (*чжун*); состоит из триграмм *чжэнь* (возбуждение, подвижность, гром, первый сын) и *кань* (погружение, опасность, вода, второй сын).

печи склоненной луны

тогда нефритовый бутон рожден;

В треножнике из вермиллиона, знай,

поселится водяное серебро.

Только лишь после того, как огонь

в гармонию силы свои приведет,

Из зерна медленно будет возрастать

крепнувший желтый росток.

Это четверостишие посвящено второму аспекту первой фазы алхимического процесса — описанию создания желтого ростка (см. комментариев к 6-му восьмистишию I части).

Если печь создается из *инь ци* (свинец), то треножник создается из *ян ци* (ртуть, восстановленная из киновари; триграмма *цянъ*). Соответственно, «нефритовый бутон» (*юй жуи*) является синонимом «нефритового сока» (*юй е*), сущностью незрелой *янной* пневмы, а «водяное серебро*» (*шуй инь*; собственно, ртуть) окажется, соответственно, синонимом «эссенции (или «семени») металла» (*цзинь цзин*), сущностью незрелой *иньной* пневмы. Таким образом, происходит как бы обмен пневмами: в *иньной* печи появляется *янная* пневма, а в *янном* треножнике — *иньная* пневма. Следует обратить внимание, что здесь Чжан Бо-дуань, используя *иньный* характер знака «вода», делает водяное серебро (т. е. ртуть как носитель *янной* серебристости, в отличие от *иньной* серебристости свинца) началом женским, отрицательным, *иньным*, а не наоборот. Затем благодаря гармонизирующей силе огня происходит соитие этих пневм и в глубине киноварного поля появляется и начинает медленно расти желтый росток. Здесь Чжан Бо-дуань вновь изменяет содержание этого символа. Это уже не синоним свинца и *инь ци*, как в I части, а метафора, означающая зачаток эликсира, первые признаки появления бессмертного зародыша. Он называется Чжан Бо-дуанем желтым, т. к. своим появлением он обязан единению пневм, а пневмой, имеющей свойства и *инь ци*, и *ян ци*, является стихия земли (символический цвет — желтый).

Гексаграмма данного стиха -- «недоразвитость» (*мэн*); состоит из триграмм *кань* (см.

выше) и

гэнь (пребывание, незыблемость, гора, третий сын). И действительно, в тексте речь идет именно о недоразвитости, ростке, зачатке.

玉蕊
玉液
水銀

лотать слюну или пневму вбирать —
это могут делать все люди,

Но только наличие снадобья
даст рождение всем превращениям.

Если в вашем треножнике
нет вовсе истинного зерна,

Занятия будут подобны тогда нагреванию
пустого котла водяным огнем.

Первая строка этого четверостишия вновь направлена против дыхательных и гимнастических упражнений, взятых в отрыве от всего делания **внутренней** алхимии. Накапливание во рту слюны, именуемой иногда «сладкой росой» (*гань лу**), иногда «цветочным прудом» (*хуа чи*), и проглатывание ее особым способом играет большую роль в даосских психофизиологических упражнениях. «Вбирание пневмы» — одно из названий дыхательной гимнастики. Все эти упражнения полезны, утверждает Чжан Бо-дуань, только при занятии внутренней алхимией, создании бессмертного зародыша. Когда его зачаток уже появился (см. предыдущее четверостишие), то важность этих упражнений возрастает.

甘露
華池

真種子

«Истинное зерно» (*чжэнь чжун гры*) — синоним ростка, зачатка бессмертного зародыша. Напротив, эти упражнения сами по себе, вне внутренней алхимии столь же бессмысленны, как нагревание пустою котла, да еще к тому же такой несуществующей вещью, как «водяной огонь» (*шуй хо-*).

Гексаграмма данного стиха — «необходимость ждать» (*сю и*); состоит из триграмм «небо» (*цянь*) и «вода» (*кань*).

Бессмертный Чжунли Цюань

гармонии свинец и ртуть, —

значит, можно создать эликсир;

Великое, малое не нарушают
целокупности двух держав.

Если вдруг спросит кто,
что такое истинный свинец,

Отвечу я, что это жабий свет,
что после заката
освещает западный поток

Это четверостишие опять развивает тему соития *инь ци* (свинец) и *ян ци* (ртуть) для порождения эликсира бессмертия.

«Великое» — традиционное обозначение *ян*;
«малое» *инь*. Гексаграмма «расцвет»
{тай}

«расцвет»

«Книги Перемен», например, объясняется как
«уходящее малое, приходящее великое»,

а гексаграмма «упадок* (*ни*) — «великое»
уходит, малое приходит». Здесь гармония *инь ци* «упадок»
и *ян ци*, их равновесие, состояние, в кото-
ром ни одно не берет верх над другим, уподоблено миру
и спокойствию в отношениях между двумя странами, их
«незыблемой целокупности» (*лян го цюань*). Это
состояние гармонического единения и порождает росток
бессмертного зародыша. «Жабий свет» (*чань гуан*) ~
синоним лунного света, эссенции *инь ци* (жаба —
символ луны и, соответственно, *инь*) — здесь синоним
«цветка эссенции металла» (*цзинь цзин хуа*). Если сама
жаба-луна — это символ *инь* у или свинца, то ее свет
— символ сущности, эссенции свинца, т. е. стихии
металла (*цзинь цзин*). Запад -- сторона света,
соответствующая стихии металла. Поток ассоциируется
со стихией воды, т. е. тоже с *инь ци*.

Общий смысл последних двух строк таков; следу-
ет выплавлять цветок эссенции металла в течение *инь-*
ного времени суток или сезона, и тогда родится истин-
ный свинец.

Гексаграмма, соответствующая данному стиху,
— «тяжба» (*сун*); состоит из триграмм *кань* и *цян*.

Ногда выплавляешь перегнанную киноварь,
не нужно в горы идти:

В горах, хоть внутри, хоть снаружи, -
нигде вовсе нет никакого свинца.

Драгоценностью этой великой
все люди поровну обладают,

Только глупцы одни
ничего об этом совсем не знают.

Этот стих не нуждается в особых комментариях. Здесь Чжан Бо-дуань в очередной раз повторяет свой тезис о ненужности каких-либо действий, предполагающих обусловленность даосской практики внешними обстоятельствами. Поскольку все люди по своей природе обладают всем необходимым для обретения бессмертия (пневменными энергиями, аналогичными свинцу и ртути лабораторной алхимии), то нет никакой надобности в отшельничестве, горном уединении и других

видах практики, ориентированных вовне.
 Гексаграмма, соответствующая данному стиху, «войско» (*ши*); состоит из триграмм *кань* и *кунь*.

если расколосся ствол бамбука,
 затянется трещина вновь бамбуком,
 Чтобы курица могла высидывать цыплят,
 надо ей подбросить яйцо.
 Бесплодны усилия все твои,
 если дела не сродни друг другу
 Чем же, кроме подобного истинному свинцу,
 можно прийти к гармонии
 со священной пружинной?

Этот стих не нуждается в особых комментариях. Здесь Чжан Бо-дуань в очередной раз повторяет свой тезис о ненужности каких-либо действий, предполагающих обусловленность даосской практики внешними обстоятельствами. Поскольку все люди по своей природе обладают всем необходимым для обретения бессмертия (пневменными энергиями, аналогичными свинцу и ртути лабораторной алхимии), то нет никакой надобности в отшельничестве, горном уединении и других

видах практики, ориентированных вовне.
 Гексаграмма, соответствующая данному стиху, «войско» (*ши*); состоит из триграмм *кань* и *кунь*.

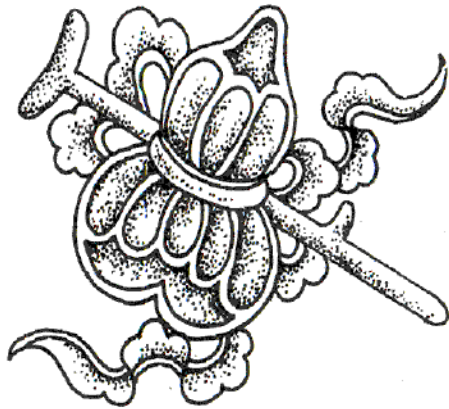

если расколосся ствол бамбука,
 затянется трещина вновь бамбуком,
 Чтобы курица могла высидывать цыплят,
 надо ей подбросить яйцо.
 Бесплодны усилия все твои,
 если дела не сродни друг другу
 Чем же, кроме подобного истинному свинцу,
 можно прийти к гармонии
 со священной пружинной?

что и приводило к магическому воздействию; отсюда и термин «симпатическая магия»). В Европе принцип симпатии впервые появляется в философских учениях, практически отнюдь не связанных с оккультизмом (например, у стоиков). Не исключено, правда (это в равной степени относится и к Китаю), что первоначально сам взгляд на мир как на целое, пронизанное симпатией, возник в глубочайшей древности еще в недрах мифологического мышления, позднее был «рационализирован» философией, после чего оказался введенным в оккультизм (изначально близкую ему стихию), но оккультизм, также уже обретавший тот или иной теоретический фундамент в виде более или менее четкой системы религиозно-философских концепций.

Гексаграмма, соответствующая данному стиху, - «приближение» (*би*); состоит из триграмм *кунь* и *кань*.

Посох и тыква-горлянка Ли Те-гуая

По легенде, Ли Те-гуай (Ли Железный посох, один из *ба сянь*), отправившись на встречу с Лао-цзюнем, освободился от телесной оболочки и поручил заботу о ней своему ученику, наказав сжечь тело, если он не вернется через семь дней. Случилось так, что ученик сжег тело раньше срока, и вернувшийся Ли Те-гуай воспользовался телом умершего хромого нищего с железным посохом.

В тыкве Ли Те-гуая хранятся снадобья и лекарства, обладающие многими волшебными лечебными свойствами.

огда используешь ты свинец,

не используй вульгарный свинец;

Использовал истинный свинец —

тоже отбрось его.

Наставление, что здесь о свинце преподавал, —

тайно и истинно, знай.

Свинец использовать не используя —

вот мои правдивые слова.

Первая строка этого четверостишия возвращает нас к тематике 17(1) четверостишия, вновь проводя водораздел между истинным, принципиальным, пневменным свинцом и вульгарным вещественным металлом.

妙訣

Последующие строки являются малопонятым «тайным наставлением» (*мяо цзюэ~*), как об этом и говорится в 3-й строке.

Общий смысл четверостишия таков: не только совершенно ошибочно использовать вместо истинного, внутреннего свинца профанический металл, но и сам истинный свинец следует использовать в то же время не используя его, отбрасывая его прочь, что и является, по словам Чжан Бо-дуаня, высшей истиной о его применении. Видимо, здесь речь опять-таки идет о следовании естественности и недеянию во внутренне-химическом процессе: следует знать, когда наступает время использования ртути, когда — свинца, а когда и то и другое уже бесполезно (например, после соединения их в нужных пропорциях и образования бессмертного зародыша).

Гексаграмма, соответствующая данному стиху, - «воспитание малым» (*сж> чуУ*, состоит из триграмм *цян* и *сюнь* (утончение, проникновенность, ветер, дерево, первая дочь).

С

ердце опустоши и наполни живот —

сокрыт здесь глубокий смысл,

Ведь только сердцем пустым познать

сердце следует нам.

Но лучше еще, переплавив свинец,

наполнить им раньше живот;

Тогда поучают,

как брать и хранить золото,

что зал наполняет.

Это четверостишие является своеобразным примером гностического или эзотерического толкования даосских философских текстов; когда даос, посвященный в тайное значение того или иного «откровенного» текста (здесь «Дао дэ цзина»), обнаруживает в нем содержание, которое сторонний, не посвященный в «правильное» прочтение текста читатель вряд ли бы даже мог заподозрить.

В этом четверостишии 1-я и 4-я строки представляют собой цитаты из чжанов 3 и 9 «Дао дэ цзина». Приведем эти цитаты в их контексте: «...а совершенномудрый управляет так: опустошает [подданных] сердца, их животы, [напротив], наполняет, их ослабляет волно-самочинность, [взамен же] укрепляет костяк. Стремится, чтобы у народа не было ни знаний, ни желаний, а мудрые чтоб действовать не смели. Недеяние он свершает, поэтому нет ничего, не упорядоченного [таким правленьем]» (чжан 3).

«Чем собирать да копить, не лучше ли использовать? <...> Золотом и нефритом наполнен зал — никто его не в силах сохранить. Богатством, знатностью кичатся люди, в удел же им остается печаль...» (чжан 9).

Чжан Бо-дуань переосмысливает эти строки «Дао дэ цзина» совершенно неожиданным образом, и текст Лао-цзы, провозглашающий принципы естественности и недеяния, становится тайнописью внутренней алхимии. И требование «опустошения сердца» (от страстей, вожделений и т. п.) становится для Чжан Бо-дуаня синонимом указания на необходимость «совершенствовать природную сущность» (*сю син*), а слова «наполни живот» для него являются требованием «совершенствования жизненности» (*сю мин*). Подробнее см. комментарий на 8-е восьмистишие I части.

Но если ключом к совершенствованию природной сущности является созерцание сердца, его медитативное познание, то ключом к совершенствованию жизненности является выплавление истинного свинца, от рицательной жизненности, *инь ци*. Но стихией свинца является металл. Напомним, что по-китайски «золото» и «металл» пишутся одинаково *изинь*; только в отдельных случаях для конкретизации (которая как раз, по мысли Чжан Бо-дуаня, Лао-цзы нужна была меньше всего, ибо ему надо было скрыть тайное значение текста от профанов) иероглиф *изинь* в значении «золото»

получает определение «желтый» (*хуан цзинь*). Лао-цзы для Чжан Бо-дуаня направил невежд по заведомо ложному следу, напрямую обманув их иероглифом *хуан* и вместе с тем заставив их думать о металле как о золоте. Кстати, синонимом положительной жизненности, *ян ци*, ртути будет нефрит, о котором также говорится у Лао-цзы. Здесь для Чжан Бо-дуаня важен металл, поэтому о нефрите он не упоминает. Зал здесь выступает для обозначения нижней части живота и нижнего киноварного поля - - сферы свинца, *инь ци*, воплощенного в эссенциальной пневме, которая, овеществляясь, превращается, по учению внутренней алхимии, в сперму.

Гексаграмма, соответствующая данному стиху, - - «наступление» (*ли*); состоит из триграмм *дуй* (разрешение, радость, водоем, третья дочь) и *гань*.

Бессмертный Ли Те-гуай

修性
修命

金

С

он мне приснился, что я посетил
 Цветник Запада, Девять Небес;
 Вручил совершенный человек
 "Указующие Сокровенное главы мне.
 Их содержание просто, легко,
 и речений так мало в них;
 Они только учат нас, людей,
 как ртуть и свинец выплавлять.

Это четверостишие как бы завершает один раздел цикла II части и открывает другой. Б симво- ; лике «Глав о прозрении истины» оно соответствует - 11-й гексаграмме «Книги Перемен» (*тай* - «расцвет»);, состоящей из триграмм *цянь* и *кунь*.

Девять Небес - - девять участков, на которые древние китайцы делили небесный свод: стороны света и центр. Даосская религия населила небо высшими бессмертными (небесными бессмертными — см. комментарий к 3-му восьмистишию I части) и божествами. Основание той или иной даосской традиции зачастую приписывалось бессмертному или божеству, явившемуся во сне или во время созерцания тому или иному адепту даосизма и передавшему последнему текст откровения, который и ложился в основание новой традиции (ср. явление Лао-цзы основателю Школы «Небесных наставников» Чжан Дао-лину, II в., откровение которого приобрело исключительную значимость для всех направлений даосизма, даже и не признававших наследственную преемственность «Небесных наставников» из рода Чжан). Здесь Чжан Бо-дуань, вероятно, связывает написание «Глав о прозрении истины» с подобным откровением. Правда, текст назван «Главами, указующими Сокровенное» (*чжи, сюань пянь*'), что несколько напоминает название анонимного сунского сборника даосских стихов «Главы о прозрении Сокровенного» («У сюань пянь»). Одни комментаторы «Глав о прозрении истины», впрочем, предполагают, что здесь речь идет о другом стихотворном тексте, утерянном к XV в. (Дай Ци-цзун), а другие (например, Дун Дэнин) отождествляют его с «Песней о [вознесении] к бессмертным в сновидении» («Мэн сянь гэ»»), написанной неким Гао Сян-сянем и также описывающей «Путешествие к бессмертным».

Цветник Запада (или «цветы Запада», *си хуа*.) - еще один эпитет *инь ци*, свинца.

В последней строке четверостишия Чжан Бо-дуань еще раз говорит о главной теме своего сочинения — учении внутренней алхимии о выплавке эликсира бессмертия из пневм *инь* и *ян*, свинца и ртути.

指玄篇

悟玄篇

夢仙歌

西華

уст Дао-Путь, в отсутствии сокрыт,
порождает единую пневму;

Из единой той пневмы
родятся затем два ряда: *инь* и *ян*.

Инь и *ян* соединились вновь —
три субстанции завершены;

Три субстанции обрели полновесность —
родили все сущее для процветанья.

Это четверостишие представляет собой видоизмененную цитату из «Дао дэ цзина» (чжан 42): «Дао-Путь рождает Одно, Одно рождает Два, Два рожают Три, Три рожают все сущее». Здесь Чжан Бо-дуань не только цитирует, но и комментирует Лао-цзы. Так, Одно - - это единая, недифференцированная пневма-г^м, поляризуемая на отрицательную (*инь*-) и положительную (*ян*') - - Два. Они, соединяясь, порождают «Три творящих» (или «Три дара») -- Небо, Землю и Человека. Эта триада порождает все сущее (Человек сопчислен к космическим силам, поскольку также способен к творчеству). Но еще важнее то, что космический процесс, описанный у Лао-цзы, алхимически переосмысливается Чжан Бо-дуанем, что и является причиной помещения этого четверостишия в «Главы о прозрении истины». Так как, что уже отмечалось выше, алхимический процесс мыслился аналогом космического, то и соответствующее место из Лао-цзы с легкостью поддается и алхимической интерпретации.

Так, Дао-Путь порождает единую прежденебесную пневму; в организме она поляризуется на *инь ци* и *ян ци* (свинец и ртуть). В процессе внутренней алхимии свинец и ртуть, соединяясь, порождают третье (и триединое: *ин ци*, *ян ци* и собственная, несводимая к ним природа): эликсир (золото и киноварь), бессмертный зародыш, дарующий адепту бессмертие и способность к бесчисленным превращениям — метаморфозам в единстве со всем сущим.

Гексаграмма, соответствующая данному стиху, - «упадок» (*ни*); символизирует разделение, дезинтеграцию — триграмма *кунь* опускается вниз, триграмма *цян* поднимается вверх и гексаграмма распадается. Поэтому не случайно, что именно в стихе 28(12) речь идет о дифференциации, разделении Дао.

Триграмма «вода» молнию, гром дарит, она
 из сферы воды и металла;
 Огонь появляется на Куньлуне
 в двух силах: *инь* и *ян*.
 Если две сущности возвращены
 к гармонии и покою,
 Созреет наш естественный эликсир,
 и все тело наполнится ароматом.

Это четверостишие продолжает линию раскрытия символики «Книги Перемен» в «Главах о прозрении истины». Триграмма «вода» (*кань*), как уже многократно отмечалось выше, представляет собою две слабые крайних черты и сильную в центре $\equiv$, т. е. это сила *ян*, скрытая в глубинах *инь*, *иньньгх* стихии — воды и металла. Другими словами ее можно уподобить огню (*ян*), скрытому в воде (облака, дождь и т. п.), т. е. молнии, как это и делает Чжан Бо-дуань.

Но вместе с тем огонь молнии возникает от столкновения *иньньгх* и *янных* стихий, металла и дерева, т. е. когда высвобождаются энергия *инь*, скрытая в глубинах *янной* триграммы «огонь» (*ли*) $\equiv$, и энергия *ян*, скрытая в *иньной* триграмме «вода», как это уже объяснялось выше. Куньлунь здесь упоминается, с одной стороны, как высочайшая вершина мира, по воззрениям даосизма, и соответственно ближайшее место к небесному *ян*, а с другой стороны — как место, находящееся на западе, в сфере *иньной* стихии металла. Куньлунь здесь — как бы зримый образ триграммы «вода».

В контексте внутреннеалхимического содержания «Глав о прозрении истины» вспышке молнии, возникшей от столкновения *иньньгх* и *янных* энергий, уподобляется возникновение бессмертного зародыша, эликсира, появляющегося в результате взаимодействия *инь ци* и *ян ци* и преобразующего тело адепта, как бы полнящегося сверхъестественным ароматом.

Соответствующая гексаграмма — «родня»

(*тиун жэнь*); состоит из триграмм *ли* и *цян*.

Если триграммы «вода» и «огонь»
 не вернулись к знаку у *ци*,
То, пусть объемлют они и четыре образа,
 все ж не получится эликсир.
 Лишь если триграмма и та, и другая
 истинную землю воспримет в себя,
 Тогда только смогут опять
 возвратиться золото и киноварь.

Соитие *инь ци* и *ян ци*, утверждает Чжан Бо-дуань, все лее будет невозможно без участия некоей посредствующей стихии, причастной и *ян*, и *инь*, т. е. стихии земли (подробнее см. комментарий к 14-му стиху I части). «Четыре образа» — триграммы «небо» (*цян*) и «вода» (*кань*), соответствующие четырем стихиям: огню, воде, дереву и металлу (см. комментарий к 11-му стиху I части).

Но соединение *инь* и *ян*, взаимопревращение триграмм (и, соответственно, стихий) невозможно без пятой стихии — земли.

Хотя можно сказать, что в дереве сокрыт огонь, а в металле — вода (в алхимической терминологии — в киновари-вермиллионе сокрыта ртуть, а в свинце — серебро), т. е. можно констатировать наличие плавного перехода внутри *иньной* или *янной* двойцы стихий, но сам переход от одной двойцы к другой без опосредствующего элемента (земля) остается необъяснимым.

Таким образом, хотя *кань* и *ли* (вода и огонь) и обладают уже явно или скрыто качествами четырех стихий (каждый имеет качества своей двойцы), но объединяет их воедино только пятая стихия, земля, символически обозначаемая центральными циклическими знаками десятиричной системы у *изи*.

Таким образом, только соединение *инь ци* и *ян ци* в сфере истинной земли (в центральном киноварном поле, в районе солнечного сплетения) может, по учению внутренней алхимии, породить бессмертный зародыш (эликсир бессмертия, золото и киноварь).

Соответствующая гексаграмма — «обладание великим» (*дао ю*); состоит из триграмм *цян* и *ли*.

олнце живет в триграмме «огонь»,
 но становится женским оно;
 Обретается в жабьем дворце
 триграмма «вода»,
 превращаясь в мужское вдруг.
 Кто не проник в потаенный смысл
 взаимобращенности этой,
 Не тратит пусть слов высоких совсем,
 ибо он словно в трубку глядит.

Все содержание этого четверостишия является развитием положений 3-й и 4-й строк 4-го восьмистишия I части «Глав о прозрении истины*» и 1-го четверостишия II части (см. комментарии). Однако представляется необходимым *еще* раз вкратце напомнить эти положения. Так, триграмма «огонь*» (*ли*), хотя и соответствует востоку, стихии дерева и *ян*, но в алхимической традиции может в определенных случаях, как раз напротив, относиться к *инь* (женскому, отрицательному), поскольку центральная слабая черта свидетельствует о скрытой потенции *инь* в глубине *ян ци*. То же самое относится и к триграмме «вода» (*кань*), которая, будучи *иньной* (женской), несет в себе *ян* (мужское) в виде центральной сильной черты.

Здесь триграммы *ли* и *кань* уподоблены солнцу, в котором противоположное, *иньное* начало скрыто в образе ворона и луны, в последней же противоположное ей *янное* начало скрыто в образе жабы (см. 1-е четверостишие II части). Как уже говорилось выше (см. комментарий к 4-му стиху I части), в практике внутренней алхимии достижение бессмертия связывалось с изменением направления потоков энергии в теле на противоположное: *инь ци* направляется вверх, а *ян ци* — вниз. Их встреча, ведущая к образованию эликсира, должна произойти во втором киноарном поле (он же «желтый двор» — *хуан тин*). Эта идея, собственно, и выражена в тезисе о перемене знака триграмм *ли* и *кань*. Это и есть «желтый путь» {*хуан дао*}, путь следования природе и *инь ци*, и *ян ци*, когда *инь ци*, скрытое в *ян* (истинная вода), используется для плавки ртути, а *ян ци*, скрытое в *инь* (истинный огонь), используется для плавки свинца. Адепт, не понимающий этой взаимобращаемости, подобен человеку, пытающемуся охватить весь горизонт, смотря на него через бамбуковую трубку, т. е., другими словами, пребывает в шорах.

Соответствует стиху гексаграмма «смирение» (*иань'*). состоящая из триграмм *гэнь* и *кунь*.

з самого сердца триграммы «вода»
 возьми ее крепкую суть;
 Ей замени во дворце триграммы «огонь»
 внутреннее *инь* ее утробы.
 Она превратится в триграмму «небо»,
 плоть ее воссоздастся;
 Способность сохранять и скрывать,
 прыгать, взлетать —
 все проистекает из сердца.

Следует напомнить, что триграммы *цянь* (небо ☰) и *кунь* (земля ☷) рассматриваются как субстанции (*пи*) триграмм *ли* (огонь) и *кань* (☵), которые считаются их функциями (*юй*). Согласно прежденебесному порядку («схема фу-си») *цянь* и *кунь* соответствуют югу и северу, и первенствуют, а *ли* и *кань* - - востоку и западу, и подчиняются. Согласно посленебесному порядку («схема Вэнь-вана») *цянь* и *кунь* соответствуют юго-западу и северо-западу, и подчиняются, а *ли* и *кань* — югу и северу, и первенствуют. Внутренняя алхимия, направленная на обретение бессмертия, стремится, исходя из закономерности после-небесного порядка, восстановить несущий бессмертие прежденебесный порядок. Эта установка внутренней алхимии и отражена в комментируемом четверостишии. Символически она выражена и операции с чертами триграмм. Так, если взять центральную, сильную черту из триграммы «вода» (*кань*) и поместить ее на место слабой центральной черты триграммы «огонь» (*ли*), то получится триграмма «небо» (*цянь*), состоящая только из сильных черт. На уровне практики внутренней алхимии это выражается в использовании *иньньгх* пневм для создания нового бессмертного тела, состоящего уже только из *ян ци*. Залогом возможности этих манипуляции с пневмами, согласно Чжан Бо-дуаню, является природа сердца (*синь*) человека, микрокосмического выражения Дао, которое, будучи стержнем, осью, пружиной организма, ответственно как за *инь ци* (скрытое, хранящееся), так и за *ян ци* (прыгающее, взлетающее^ и может контролировать их.

Стиху соответствует гексаграмма «вольность» (*юй*), состоящая из триграмм *кунь* и *чжэнь*.

И з «грома» исходит ртуть-дракон —
 это область триграммы «огонь»,
 Из «водоема» рождается тигр-свинец — это
 сфера триграммы «вода»;
 Поэтому совокупны две сущности те,
 ведь дитя порождает мать,
 Целостность пяти стихий непременно должна
 вступить в самый центр.

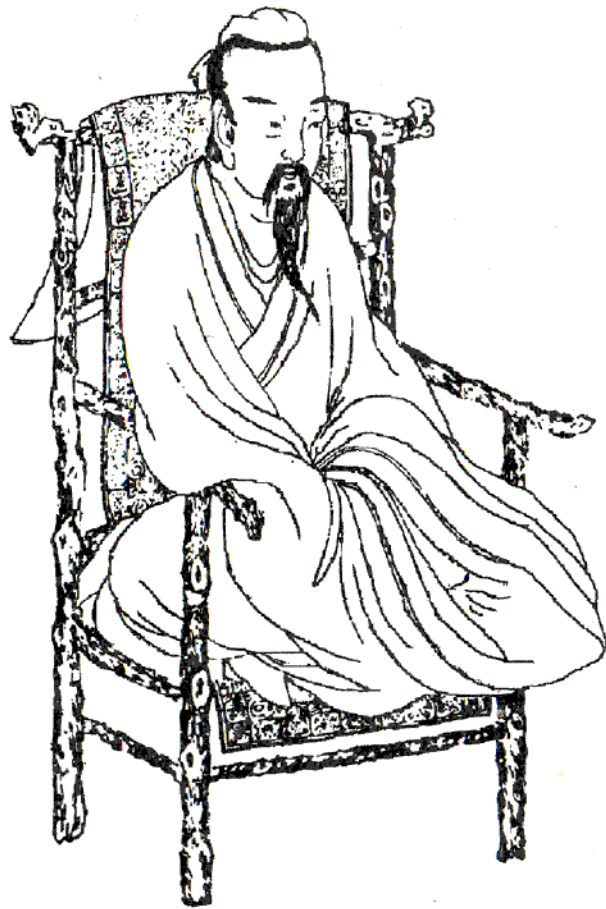
Это четверостишие развивает и конкретизирует идею предыдущего стиха.

Следует прежде всего вспомнить порядок порождения пяти стихий: дерево (незрелое *ян*) порождает огонь (зрелое *ян*), а металл (незрелое *инь*) порождает воду (зрелое *инь**). Земля находится в центре и осуществляет переход от *иньных* стихий к *янным*, и наоборот. Таким образом, если рассмотреть триграммы «Книги Перемен», то окажется, что четыре основные триграммы (*сы ян*) будут соответствовать зрелому *ян* (*цян*), незрелому *ян* (*ли*), зрелому *инь* (*кунь*) и незрелому *инь* (*кань**), причем «зрелые» триграммы соотносятся с «незрелыми» как субстанция и ее функция. Остальные четыре триграммы, порожденные вышеназванными, также будут иметь *иньность* или *янность*, но будут функциями уже не *цян* и *кунь*, а *ли* и *кань*. Так, триграмма «гром» (*чжэнь*) ☳☳ принадлежит к *янной* группе и соотносится с триграммой «огонь» (*ли*), а триграмма «водоем» (*дуй*) ☵☵ принадлежит к *иньной* группе и соотносится с триграммой «вода» (*кань*). Более того, гром как бы скрыт в огне, а водоем — в воде, подобно тому, как плод скрыт в материнском чреве. Однако процесс внутренней алхимии предполагает и воздействие на эти третичные пневмы - 1) *цян*—*кунь*; 2) *ли*—*кань*; 3) *чжэнь*—*дуй*, - - для того чтобы выявить вторичные, играющие особую роль в процессе. Подобное воздействие сходно фантастической ситуации, когда дитя рождает свою мать, что и отмечает Чжан Бо-дуань в 3-й строке четверостишия, об этом же юворил и предшественник Чжан Бо-дуаня, знаменитый Вэй Боян: «Мать таит в себе зародыш дитяти; дитя скрывает в себе утробу матери (*Му инь цзы тай. Цзы цзан му бао-*)>>. Эта «взаимопорождаемость» опять-таки связана с шаимопревращаемостью *инь*—*ЯН* и их взаимозаключенностью (кроме того, в великом *ян* скрыто малое *ян*, и наоборот; то же относится и к *инь*). В последней строке четверостишия еще раз подчеркивается важность центра -- стихии земли, обеспечивающей переход от *Инь* к *ян* и от *ян* к *инь* и поэтому являющейся непременным условием зачатия бессмертного зародыша. Б плане практики внутренней алхимии с землей ассоциируется среднее киноарное поле (желтый двор), где и порождается бессмертный зародыш.

母隱子胎
子藏母胞

Стиху соответствует гексаграмма «исследование» (*суй*), как раз и состоящая из триграмм *чжэнь* (гром) и *дуй* (водоем), о которых ШЛЕ. в нем речь.

T

Только лишь половина диска луны
озарила весь горизонт,
Сразу же слышен отчетливо стал
стон дракона и тигра свист.
Как прекрасно в этот чудесный час
усердно свершать два к восьми;
Тогда в одночасье в стражу *чэнь* создание
внутреннего эликсира завершится.

Это четверостишие посвящено рассмотрению зачатия бессмертного зародыша со стороны анализа соотношения пневм, зачинающих его, хотя по видимости речь идет о сроках приготовления эликсира,

弦

Согласно традиционному китайскому календарю, в каждом месяце выделялось два периода во 8 дней в каждом, так называемые *сянь* (буквальное значение этого слова — «тетива лука»; имеется в виду форма лунного серпа, напоминающего лук). Первый *сянь* — первые 8 дней месяца, второй *сянь* — последние 8 дней месяца. Первый *сянь* соотносится с *янной* половиной месяца (луна растет), второй — с *иньной*. Между двумя *сянь* находится промежуток, когда луна имеет вид половины полного диска (или близко к тому). Он соотносится с временем равновесия, гармонии *инь—ян*.

Следовательно, в первой строке четверостишия Чжан Бо-дуань указывает на то, что эликсир бессмертия следует выплавлять только тогда, когда пневмы тела находятся в равновесии, одинаково развиты, ни одна не господствует над другой, самка-тигр (*инь ци*) зовет самца-дракона (*ян цзи*) и он тоже отвечает ей призывным криком.

Третья строка конкретизирует эту тему, вновь говоря о соотношении двух и восьми (см. комментарий к 7-му стиху I части). Здесь это и дважды взятые по восемь *ляп* (унции) (9 *яньгх* и 8 *иньных*), составляющие *гринь* (фунт), и два *сянь* (8 дней *яньных* и 8 дней *иньных*). Общий смысл строки все тот же: *иньные* и *яньные* пневмы, необходимые для порождения бессмертного зародыша, должны быть взяты в равной пропорции, они равно важны для адепта.

Последняя строка завершает тему, еще раз уверяя адепта в успехе алхимического делания. Срок, указанный в этой строке, — стража *чэнь*, время с 7 до 9 утра, равно как и 5-й месяц года, — имеет также иносказательный смысл: это время роста *ян*, его возмужания, поэтому оно и выбрано Чжан Бо-дуанем для обозначения родившегося от соединения пневм зародыша будущего бессмертного тела, состоящего только из одного *ян*. Впрочем, все образы этого стиха не изобретены Чжан Бо-дуанем. Задолго до него они уже использовались глубоко чтимым Чжан Бо-дуанем и всей традицией внутренней алхимии Вэй Бо-яном (ср.: «Два периода -

сянь в гармонию привели свои эссенции, и свершилась субстанция и *цянь*, и кум»»)

Стиху соответствует гексаграмма «исправление порчи» (*гун*), состоящая из триграмм *сюнь* и *гэнь*.

а вершине кряжа горы Хуашань
 тигр-самец одиноко свистит; На
 дне, в пучине моря Фусан
 самка-дракон одиноко вздыхает.
 Желтая тетушка знает сама,
 как их свести и сосватать;
 Укажет, как стать им мужем-женой,
 сердца воедино слить.

Данное четверостишие посвящено второстепенным третичным пневмам, производным от пневм, обозначаемых триграммами *ли* и *кань*. Их символика - триграммы *дуй* и *чжэнь*, см. выше, четверостишие 33(17). Здесь третичная, отрицательная (*иньная*) пневма триграммы «водоем» (*дуй*) олицетворяется тигром-самцом. Гора Хуашань — одна из пяти священных гор древнекитайской религии, расположена на территории современной провинции Шэньси, т. е. в западной части страны (напомним, что запад в даосской символике связан с отрицательными пневмами — стихией металла). Вместе с тем в *инь* уже присутствует зародыш *ян*, поэтому здесь речь идет о тигре-самце.

Фусан --- мифическая страна в восточных морях (иногда отождествляется с Японией), здесь — синоним восточных морей. Символика востока связана с *янными* пневмами стихии дерева. Соответственно, в *ян* уже присутствует *инь*, почему речь и идет о драконе-самке. *Иньньге* и *яннис* пневмы триграмм *дуй* и *чжэнь* стремятся к соединению друг с другом, что отображено в призывном свисте и вздохах тигра и дракона.

«Желтая тетушка» (сваха) - - эпитет земли как посредствующей стихии (*хуан по*). Здесь под желтой тетушкой понимается сердце как срединный орган, регулирующий взаимопереход и соединение пневм, соитие которых (пневмы становятся супругами) также вносит свою лепту в зачатие бессмертного (киноварного) зародыша.

Стиху соответствует гексаграмма «посещение» (*линъ*'), состоящая из триграмм *дуй* и *кучь*.

華山

扶桑

黃婆

а Западной горе, Сишань,

свирепствует белый тигр;

В восточном море не может

найти места зеленый дракон.

Двумя руками ты их схвати,

страви их, чтоб насмерть дрались;

Тогда, превратившись, вдруг станут они

комком золотого пурпурного инея.

В этом четверостишии, построенном точно по тому же образцу, что и предыдущие, речь идет уже о соединении вторичных *инь ци* и *ян ци* (триграммы *кань* и *ли*). Потому и их цветовая символика дана более четкой: тигр белый (запад, металл), дракон сине-зеленый (*циши* — восток, дерево). В алхимической терминологии это свинец и ртуть, но незрелые. Дракон и тигр безумствуют в своем обособлении, одиночестве, стремятся к соединению. Однако само это соединение описано в данном четверостишии не в виде соития, как в предыдущих, а в виде смертельной битвы между драконом и тигром. Впрочем, разница не так уж велика, если учесть, что китайские трактаты по «искусству внутренних покоев» (эротология) часто писались в форме сочинений по военному искусству, в которых супруги сравнивались с воителями (ср. описание эротических сцен в романе «Цзинь, Пин, Мэй»). Но здесь образ смертельной схватки имеет и дополнительную нагрузку: пневмы, соединяясь, порождая эликсир, гибнут как таковые, переходя в новое качество андрогенного зародыша.

«Золотой пурпурный иней» (*грьг цзинь туан*) — тот элемент, та сторона эликсира, бессмертного зародыша, которая образуется от соединения пневм, обозначаемых триграммами «огонь» и «вода* (*ли* и *кань*)».

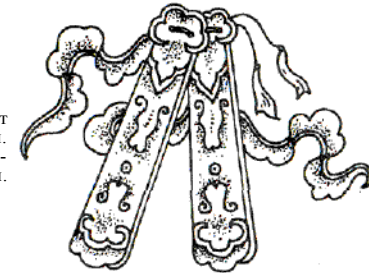
Стиху соответствует гексаграмма «созерцание» (*гуань*), состоящая из триграмм *кунь* и *сюнь*.

紫金霜

Кастаньеты Цао 1 о-цзю

Цао Го-цзю (XI в.) ушел в горы, спасаясь от разврата мирской жизни, и стал отшельником. Встретившись с Чжунли Цю-акем и Люй Дунбинем, узнал от них секрет бессмертия. Изображается обычно с парой кастаньет.

битают красный дракон, черный тигр
на западе и на востоке;

Четыре образа соединились

в середине знаков у *цзи*,

Гексаграммы «возвращение» и «встреча»

сами могут в движение прийти;

Кто же скажет тогда,

что завершены золото и киноварь?

В этом четверостишии речь идет о соединении зрелых пневм *инь* и *ян*, обозначаемых триграммами *кунь* (земля) и *цянъ* (небо). Отсюда и их цветовая символика: красный дракон — зрелое *ян*, стихия огня, юг; черный тигр — зрелое *инь*, стихия воды, север. В терминологии внутренней алхимии это ртуть, сокрытая в вермиллионе, и серебро, сокрытое в свинце. Из стран света здесь, правда, названы опять запад и восток, а не север и юг. Причина этому в том, что зрелые пневмы вырастают из незрелых, их истоки, таким образом, как бы находятся на западе и востоке. Это подтверждается и второй строкой четверостишия, где говорится о соединении «четырех образов» (см *сян* — четыре стихии и соответствующие им триграммы) в пятой стихии земли (обозначаемой знаками у *цзи*).

Гексаграммы «возвращение» (*фу*) и «перечение» (*гоу*) представляют собой зеркально соответствующие комбинации черт: «возвращение» является комбинацией пяти слабых черт и одной (нижней) сильной, а «перечение» — пяти сильных и одной (нижней) слабой. Эти гексаграммы соответствуют: 1-я -- полночи и зимнему солнцестоянию, когда в недрах *инь* появляется

«перечение»

«возвращение»

первый зачаток *ян*, а 2-я - полудню и летнему солнцестоянию, когда высшее развитие *ян* приводит к появлению ростка *инь*. Отметим, что гексаграмма «возвращение» состоит из триграмм «гром» (нижняя) и «земля» (верхняя), а гексаграмма «перечение» - - из триграмм «ветер» (нижняя) и «небо» (верхняя). Та-ким образом, первая представляет собой соединение незрелого и зрелого *инь*, а вторая -- незрелого и зрелого *ян*. Их взаимопереход, взаимопревращение, о котором говорится в третьей строке, и представляет собой полную интеграцию *иньных* и *янных* пневм тела, приводящую к появлению бессмертного зародыша, который, таким образом, представляет собой результат тройного соития *инь ци* и *ян ци*: 1) третичные незрелые пневмы - - триграммы *сюнь* и *чжэнь*; 2) вторичные незрелые пневмы — триграммы *кань* и *ли*; 3) первичные зрелые пневмы — триграммы *кунь* и *г^янъ*. В более схематическом виде можно говорить о процессе, как соединении зрелых (первичных) и совсем незрелых (третичных) пневм, как это и делается в настоящем четверостишии.

Стиху соответствует гексаграмма «стиснутые зубы» (*ши хо*), состоящая из триграмм *чжэнь* и *ли*.

В

начале следует созерцать

пять воров Небесного света;

Затем необходимо Землю обозреть,

дабы народ успокоить.

Народ успокоен, богата страна,

но это приводит к войне;

Окончена война, и в этом краю

совершенномудрого можно узреть.

陰符經

Первая строка настоящего четверостишия является измененной цитатой из «Книги о единении сокрытого» (<<Инь фу цзин>>), весьма почитаемой поздней даосской традицией вплоть до настоящего времени. Даосы приписывают написание этого небольшого по объему текста (384 иероглифа) мифическому императору Хуан-ди и иногда ставят выше «Дао дэ цзина». Несмотря на то что упоминания об этом тексте есть в очень древних сочинениях («Чжань го цэ>>, «Ши цзи>> Сыма Цяня — «Жизнеописание Су Циня»), известный Чжан Бо-дуаню (равно как и в настоящее время) текст, видимо, представляет собой сочинение, написанное во 2-й половине VIII в. н. э. ученым-даосом Ли Цюанем. Текст этот гласит: «Созерцай Небесное Дао-Путь, осуществляй действия Неба — вот и все. Небо имеет пять воров — видящий их процветает. Пять воров в сердце действуют согласно с Небом — тогда Вселенная в твоих руках и мириады превращений в твоём родятся теле».

Под «пятью ворами» имеются в виду пять стихий как в макрокосме, так и в микрокосме. Ворами они названы потому, что существуют как бы за счет друг Друга, за счет постоянных взаимопревращений — перекачки энергии от одного к другому. Ниже в «Книге о единении сокрытого» «грабителями» (*dao~*) названа и космическая триада -- Небо, Земля, Человек, а также и все сущее, поскольку они существуют один за счет другого и вместе с тем за счет Дао — единственного источника и подателя жизненной энергии.

В комментируемом четверостишии Чжан Бо-дуань говорит о важности упорядочения пневм пяти стихий и приведения их в гармонию. Наличие параллелизма (правда, нечетко выраженного) в первых двух строках стиха (Небесный свет — обозрение Земли) позволяет также увидеть в этих строках намек на «Си цы чжуань» — один из комментариев (крыльев) на «Книгу Перемен», введенный в ее текст. Авторство приписывается Конфуцию. В «Си цы чжуань» говорится, что путь Неба — это чередование *инь* и *ян*, путь Земли -- это чередование мягкого и твердого, путь Человека -- это чередование гуманности и справедливости.

В контексте внутреннеалхимического содержания «Глав о прозрении истины»* эти строки стиха следует понимать как указание на важность гармонизации пяти стихий и упорядочения духа (небо) и пневмы (зем-

盜

ля) — «природы» (*син*) и «жизненности» (*мин*), см. комментарий к 9-му стиху I части.

Под «умиротворением народа» здесь имеется в виду упорядочение телесных функций, прежде всего - даосские упражнения, направленные на очищение пневмы *ци* (еще в древности тело человека уподоблялось государству, и даосский мыслитель III—IV вв. Гэ Хун в 18-й главе внутренней части «Баопу-цзы» и сочинении «Рассуждение Баопу-цзы о питании жизни» («Баопу-цзы ян шэн лунь») не только сравнивает тело с государством, но и уподобляет *ци* народу).

Когда народ умиротворен, тогда богато и государство — говорит далее Чжан Бо-дуань, т. е. когда пневма упорядочена, тогда и тело здорово. Однако это только подготовительная стадия процесса внутренней алхимии, состоящего из нескольких последовательных соитий или битв, как в этом стихе; также см. комментарий к стиху 36(20). Конец этих битв — восстановление спокойствия на новом уровне: зачатие бессмертного зародыша, названного в четвертой строке «совершенномудрым» (*шэн жэнь*),

Стиху соответствует гексаграмма «убранство» (5м), состоящая из триграмм *ли* и *гэнь*.

Цветы Лань Цан-хэ

Лань Цай-хэ, китайский женоподобный юродивый, славился странным поведением и необычным видом, а также неумеренным употреблением вина и щедростью — собранную милостыню он раздавал нищим. Часто его видели с корзиной цветов, символизирующих долголетие (как правило, хризантемы).

битве армию генерал
разделил на левое и правое войска;

Если противник меня окружил,
мы стали: я гость, он хозяин.

Призываю тебя: осторожен будь,
приближая полки к врагу;

Боюсь, потерять можешь ты
своей семьи бесценное сокровище.

В этом четверостишии продолжается развитие уподобления алхимического делания бою (см. комментарии к предыдущему стиху и к стиху 36(20)).

Левое и правое войска — здесь образы, обозначающие *инь ци* и *ян ци* (левое — *ян*; правое — *инь*). В процессе нагревания, раскаливания огнем (имеются в виду дыхательные упражнения, сопровождающие выплавление эликсира в теле адепта) следует то двигать энергии-пневмы по их естественному пути (левую пневму, *ян ци* поднимать, а правую, *инь ци* опускать), то обращать их вспять (*ян ци* вниз, а *инь ци* вверх). Таким образом, хозяин и гость постоянно меняются местами (в терминологии «Книги Перемен» образуется то 63-я гексаграмма *ци ци*; то 64-я *вэй ци*, т. к. триграммы *кань* и *ли*, символизирующие потоки *инь ци* и *ян ци* постоянно меняют направление (см. комментарий к 4-му стиху I части). «Я» (хозяин) — обычно *инь ци*, триграмма *кань*, поскольку эта пневма направлена вниз и ее триграмма оказывается внутренней, хозяином. Однако в процессе внутренней алхимии *инь ци* направляется вверх, и в роли хозяина оказывается *ян ци* (триграмма *ли*), а новая гексаграмма характеризуется полной уместностью черт.

Далее Чжан Бо-дуань призывает адепта к осторожности: ведь если проявить небрежность, начиная соединять пневмы тела, и злоупотребить огнем, то молодой, только еще появившийся зародыш сгорит, и бессмертие нельзя будет обрести. Напротив, небрежение к огню может помешать зародышу, названному здесь «семью бесценным сокровищем», зреть. В заключение еще раз хотелось бы подчеркнуть лексическую и стилистическую тождественность даосских внутреннеалхимических текстов с военной символикой текстов по сексуальной гигиене. Так, комментируемое четверостишие очень легко истолковать и в эротическом плане, если¹ под левым и правым войсками (*ян* и *инь*) понимать мужчину и женщину, а под бесценным сокровищем — сперму, т. к. семяизвержение, влекущее, по средневековым представлениям, утрату жизненной силы, нК* рекомендовалось китайскими эротическими пособиями.

Стиху соответствует гексаграмма «разрушение»

(6Ь), состоящая из триграмм *кунь* и *гэнь*.

ожидается в дереве огонь,

в корне скрыто его острие;

Если не можешь сверлом вращать,

не иди непреклонно в атаку.

Если беды тогда вдруг придут,

зло они принесут тебе;

Чтобы с ними ты справиться мог,

нужно искать свинец:

он господин металла.

Это четверостишие продолжает развитие темы накаливания, использования огня в процессе создания бессмертного зародыша. Первая строка четверостишия представляет собой измененную цитату из «Книги о единении сокрытого» («Инь фу цзин»). В «Инь фу цзине» сказано: «Огонь рождается в дереве; беда лишь начала проявляться, но ее нужно преодолеть»; Дело в том, что хотя дерево и огонь относятся к родственным, *янным* стихиям, но огонь, как зрелое *ян*, уничтожает дерево, незрелое *ЯН*. Соответственно, применительно к внутренней алхимии Чжан Бо-дуаня речь идет о том, что злоупотребление огнем приведет к гибели пневм и неудаче. В свою очередь, неумение обращаться с огнем (несмотря на символику стихий, здесь, впрочем, речь идет не об огне как стихии, а об алхимическом огне, раздуваемом дыханием адепта; поэтому огонь и дерево здесь выступают не как стихии, а просто как образы эмпирических вещей, взятые для разъяснения алхимического учения) может, по мысли Чжан Бо-дуаня, привести к отрицательным последствиям. Поэтому неискушенному новичку следует быть осторожным и не усердствовать чрезмерно, иначе от трения сверла появится искра, которой уже достаточно, чтобы сжечь все дерево, о чем говорится в третьей строке стиха. Для обозначения свинца в четвертой строке использован не иероглиф *цянь*, как обычно, а иероглиф *гун*, данный к тому же в виде двух иероглифов (оба составляющих его элемента расчленены как самостоятельные знаки, что дает значение «господин металла» — *гринь гун*). Здесь под свинцом понимаются не «первичные» (*кунь*) или «вторичные» (*кань*), а «третичные» (*дуй*) *иньные* пневмы (поэтому и употребляется особый иероглиф).

鉛, 公

金 公

Стиху соответствует гексаграмма «возвращение» (*фу*), состоящая из триграмм *чжэнь* и *кунь*.

значально господин металла

был сыном восточной семьи,

Однако был послан к соседям на запад,
где плоть взрастили его.

Но вдруг его ты узнал и позвал за собой,
вернулся он под отчий кров;

С прекрасною девой он сочетался,
их чувства сроднились навек.

Здесь мы опять встречаемся с алхимической переменной полярности стихий и-за того, что в них, по учению традиционной китайской космологии, уже содержится их противоположность, через призму которой могут рассматриваться стихии.

Так, хотя свинец и принадлежит к *инь* (здесь опять для его обозначения употреблен иероглиф *гун*~), но в нем есть потенция *ян*; поэтому Чжан Бо-дуань и относит его к восточной семье (стихии дерева), производя его от вторичной пневмы (дерево), незрелого *ян*. Но в себе свинец все же имеет *иньную* природу и связан с западом (стихия металла), Поэтому и говорится, что он «был послан к соседям на запад».

В процессе же внутренней алхимии движение пневм меняется на противоположное и *иньная* пневма свинец при посредстве центра (стихия земли) возвращается на восток — в сферу *янных* пневм, о чем говорится в третьей строке стиха.

Однако само зачатие бессмертного зародыша возможно только в результате соединения *иньных*, пневм с *янныхми*, брачного соития господина металла (свинца) с прекрасной девой (*ча ньюй* — ртутью). Отметим в заключение, что в соответствии с обозначением через противоположное здесь свинец обрел мужской пол («господин металла»), а ртуть - - женский («прекрасная дева»), т. е. андрогенность бессмертного зародыша как бы имеет, в свою очередь, двойственную природу, происходит перекрестное соединение *иньной* и *янной* природ и соединение *ян*, скрытого в *инь*, с *инь*, скрытым в *ян*, о чем, собственно, и говорится в комментируемом четверостишии.

Стиху соответствует гексаграмма «беспорочность» (*у ван*), состоящая из триграмм *чжэнь* и *г'янь*.

ама прекрасная дева

скиталась в знакомой ей стороне;

Ее первое странствие было коротким,
второе было длинней.

Теперь она вернулась домой
и вступила в жилище желтой тетушки,

Выдана в жены она господину металла,
встретилась с ним,
как со старым супругом.

Данное четверостишие непосредственно продолжает тему предыдущего. Оно описывает ту же стадию процесса внутренней алхимии, что и стих 41 (25), но уже со стороны прекрасной девы -- ртути. Если выше говорилось о стремлении свинца — *инь ци* к единению с *ян ци*, то теперь то же самое констатируется относительно ртути, *ян ци*. Под путешествиями, странствиями «прекрасной девы» подразумевают два цикла алхимического процесса: введение ртути в треножник, котел (одно из киноарных полей тела), за которым следует выведение — ртуть направляют по одному из «каналов» (*цзин*) тела и затем вновь возвращают в треножник (желтый двор, среднее киноарное поле, сфера стихии земли — желтой тетушки).

Движение ртути по телу адепта описывается путем использованию циклических знаков. Первое скитание короткое — от 9-го знака *шэнь* (обозначает 9-й месяц и время с 15 до 17 часов) до 11-го знака *сюй* (обозначает 11-й месяц и время с 19 до 21 часа); а второе длиннее — от 3-го знака *инь* (обозначает 3-й месяц и время с 3 до 5 часов) до 9-го знака *шэнь*, т. е. представляет собой полный цикл, круг пневмы по телу адепта.

Странствие «прекрасной девы» завершается в желтом дворе браком со свинцом и зачатием бессмертного зародыша, точнее его 3-й части.

Стиху соответствует гексаграмма «воспитание великим» (*да чу*), состоящая из триграмм *цян* и *гэнь*.

徑

申
戌

寅

Хотя все ты узнал теперь о красном
вермиллионе и черном свинце,

Если не знаешь горенья огня,
считай, что все знания тщетны.

Залог же свершенья великого в том,
как ты упражняешься,
каковы твои силы;

Но если от правил
ты хоть на волосок отступил -
не жди, не получится эликсир.

Это четверостишие как бы подводит итог тематике четырнадцати предшествовавших стихов. Здесь Чжан Бо-дуань говорит о том, что тайны киновари (т. е. ртути, скрытой в киновари, вермиллионе) и свинца им раскрыты полностью, т. е. природа *ян ци* (красное, юг, стихия огня, триграмма *цянъи* ☲) и (черное, север, стихия воды, триграмма *кунь* ☵) объяснена им

предельно подробно, но этого все же недостаточно, чтобы перейти к практике создания внутреннего эликсира. Для подобного перехода необходимы наставления о принципах нагревания, использования огня. Эти наставления может дать только посвященный адепт внутренней алхимии. От ученика лее требуется усердие и

ре-
зультата.

Стиху соответствует гексаграмма «питание» («), состоящая из триграмм *чжэнь* и *-гэнь*.

Бессмертный Лань Цан-хэ

высшей истине возвещают песнопения,
каноны, трактаты и «Цань тун ци»;

Но ни один из них не облакает
в слова учение об огне.

Наставление устное ты обрети,
в обитель сокровенную проникни;

В видении святых бессмертных встретишь ты,
тонкостям искусства они тебя научат.

經歌
論

Здесь Чжан Бо-дуань говорит о том, что хотя даосские канонические книги (*гузин*), песнопения (?э), трактаты (*лунь*) и авторитетнейшие для адептов внутренней алхимии сочинения Вэй Бо-яна «Цань тун ци» и возвещают высшую истину даосского учения, однако практически ничего не сообщают о тонкостях использования огня. Но это для Чжан Бо-дуаня отнюдь не является свидетельством ущербности канонических сочинений, вовсе нет. Это для него лишь подтверждение эзотеричности учения об огне, которое не может быть доверено письменным знакам, а может только передаваться в устном наставлении (*коу грюэ*) от учителя к ученику. Таким образом, в этом, равно как и в предыдущем, стихе вновь возникает тема совершенного учителя, без которого адепт не может добиться успеха.

口訣

Стиху соответствует гексаграмма «спереразвитие великого» (<?й го), состоящая из триграмм *сюнь* и *дуй*.

пятнадцатый день восьмой луны

жаба сверху ярко сияет;

Это поистине время расцвета и полноты
семени металла.

Когда возникнет одна линия *ян*,
вновь оживет возвращение;

Тогда не медли и не мешкай,
время огня наступило.

Это четверостишие, как и большинство стихов «Глав о прозрении истины», может (и должно) восприниматься на двух отличных, но связанных между собой уровнях. Казалось бы, четверостишие описывает определенные изменения в природе и полностью связано с внешним миром. Но последняя строка показывает, что предшествовавшие три строки следует понимать аллегорически.

Проанализируем вначале первый, аллегорический уровень стиха.

В 15-й день 8-го месяца по лунному календарю отмечается традиционный китайский праздник середины осени. Понятно, что этот праздник приходится на полнолуние, о чем и говорится в стихе (жаба — традиционный эпитет для луны). Стихия, соответствующая осени, — металл. В 15-й день 8-й луны стихия металла обретает максимальное развитие. Но праздник середины осени — преддверие начала 9-й луны, которая обозначается гексаграммой с единственной сильной (верхней) чертой («разрушение»), т. е. это время угасания *ян*, его минимального присутствия в природе и одновременно залог того, что в день зимнего солнцестояния ситуация полностью изменится: вновь гексаграмма этого момента будет состоять из пяти слабых и одной сильной черты, но это уже будет нижняя, первая черта, признак начала роста *ян* («возвращение»).

Теперь можно перейти к действительному, эзотерическому содержанию стиха.

Как уже говорилось, 15-й день 8-го месяца — период наибольшего развития стихии металла. Переходя от космологии к пневмам внутренней алхимии, отметим, что под днем середины осени понимается та фаза алхимического процесса, когда *инь ци* (триграмма *кань*), т. е. свинец (металл) окажется в наивысшей точке развития. Здесь речь идет о том же времени под знаком *гуй* (когда свинец следует использовать), о котором говорилось в 7-м стихе I части (см. перевод и комментарий).

Напротив, внутреннеалхимическое накаливание огнем следует начинать позднее, когда сила *инь* разовьется настолько, что начнется ее переход в свою противоположность и появится сила *ян*. В природе этому соответствует зимнее солнцестояние, обозначающееся гексаграммой «возвращение» с единственной сильной

чертой — нижней. никоим образом нельзя «накаливать огнем» в период осени и полнолуния -- времени господства стихии металла.

Стиху соответствует гексаграмма «двойная бездна» (*си кань*), состоящая из двух триграмм *кань*.

Аишь только возникла здесь сила *ян*,
 создавать эликсир пришло время;
 Свинец и треножник теплы, горячи,
 их свет освещает пологи, занавеси.
 Хотя обрести эту пневму легко,
 когда она лишь появилась,
 Все ж осторожнее следует убавлять, прибавлять,
 чтоб от опасностей защититься.

Здесь дается описание следующей стадии алхимического нагрева. В момент, когда сила *ян* начала возрастать вследствие упражнений питания *ян ци*, свинец (*инь ци*) уже находится в киноварном поле (треножник), который начинает нагреваться адептом. Наступило время соития пневм и порождения эликсира.

Под занавесями и пологами понимаются глаза (иероглиф *хуан* — «светлый», «ясный» вместо другого иероглифа *хуан* — «занавеси») и вес тело (иероглиф *вэй* — «всё вокруг», «окружать», «охватывать» вместо другого иероглифа *вэй* — «<<ПОЛОР>>»). Таким образом, здесь Чжан Бо-дуань говорит о том, что пневмы, собранные в треножнике, как бы излучают энергию в глаза и по всему телу. Далее происходит соитие пневм и зачатие бессмертного зародыша. После его получения адепту следует быть особенно внимательным и осторожным с огнем, т. к. излишнее усердие легко может привести к разрушению незрелого бессмертного зародыша и бесславному концу алхимического делания.

Стиху соответствует гексаграмма «сияние» (ли), состоящая из двух триграмм.

晃
幌
圍
幃

Бессмертный Цао Го-цзю

С

окровенной жемчужины облик

вслед за рождением *ян* возникает;Развитие *ян* до предела дошло,сила *инь* появилась,

образ гексаграммы «разрушение»

утверждая.

В десятой луне ветер иней принес,

эликсир созреть только начал;

В это время божества и демоны

испугались и устрашились.

Это четверостишие представляет особый интерес, так как здесь впервые дается описание всего алхимического процесса, а не только зачатия бессмертного зародыша. Чжан Бо-дуань опять прибегает к календарной символике. В первой строке говорится о зачатии бессмертного зародыша (названного здесь «сокровенной жемчужиной» — *сюань адсу*), которое происходит в период рождения *ян*, появления единственной сильной черты в сезонной гексаграмме. Далее цикл созревания бессмертного зародыша уподобляется Чжан Бо-дуанем сезонному циклу. В 4-й месяц *ян* в природе доходит, по традиционным китайским представлениям, до вершины своего развития (гексаграмма *цянъ* - - шесть сильных линий), после чего происходит зарождение *инь* (появляется одна слабая черта в гексаграмме). В 10-м месяце господствует чистое *инь* (гексаграмма *кунь* - - шесть слабых линии), а в 11-м вновь рождается *ян*.

Здесь под этой сезонной терминологией подразумевается процесс созревания зародыша, эликсира, от его зачатия (гексаграмма «разрушение»), через период нагревания (до пятого мес да рождается *инь*) вплоть до его «возвращение» рмирования в девятом месяце «разрушение», как бы антипод «возвращение») и созревания в десятом месяце (*кунь*). Начало нового цикла (11-й месяц) совпадает с завершением процесса и обретением adeptом бессмертия.

Следует еще раз напомнить, что о сезонах, месяцах и т. п. в «Главах о прозрении истины» говорится не о как таковых, а только как о символах, удобных для обозначения этапов алхимического процесса, хотя следует помнить о принципе аналогии, подобия микро- и макрокосма. Для Чжан Бо-дуаня процессы, протекающие в теле адепта, действительно являются аналогом макрокосмических, природных процессов, причем сам срок процесса мог, по учению адептов внутренней алхимии, быть различным, важно только, чтобы были пройдены все стадии созревания зародыша

Стиху соответствует гексаграмма «вз йствие» (ошь), состоящая из триграмм *гэнь* и *дуй*.

осле того как прошла
одна половина луны,
но не наступила вторая,
Снадобья вкус будет ровным совсем,
восполнится образ пневмы.
Тогда собери его снова в печь,
чтоб закалить переплавкой;
Переплавляя, теплом его напитай,
варя его и выпаривая.

Это четверостишие завершает первую половину «Глав о прозрении истины». Содержание его продолжает раскрывать календарную символику применительно к процессу внутренней алхимии.

О значении образа двух половин лунного месяца (*сянь*) см. комментарий к стиху 34(18). В данном случае день, лежащий на границе двух *сянь*, оказывается символом состояния равновесия двух пневм, *инь ци* и *ян ци*, когда ни одна из них не возрастает и не убывает. Вторая строка, по существу, разъясняет характер этого равновесия: обе пневмы соединены в равной пропорции, причем каждая из них созрела в полной мере. Именно подобное состояние пневмы, по учению внутренней алхимии, наиболее благоприятно для создания зародыша и его последующего вращения.

Соединившись в желтом дворе, пневмы опускаются вниз, в печь нижнего киноварного поля, где и начинается процесс алхимической плавки — вскармливания зародыша, описанный в предыдущем стихе. Заключительная строка вновь указывает на важность правильного нагревания зародыша, которое должно проводиться в тот период, когда ситуация в теле соответствует периоду роста *ян* в природе. Ко времени десятого месяца природного цикла, зародыш должен нагреться и созреть, и нагрев, таким образом, прекращается.

Стиху соответствует гексаграмма «постоянство»* (☶), состоящая из триграмм *сюнь* и *чжэнь*,

В

ысокий мужчина вдруг начал

пить вино из западных стран;

Низкая женщина только вошла

в сад цветов северных земель.

Если на встречу отправить к ним

прелестницу лазоревую,

То в одночасье после запрутся они

в желтом семействе надолго.

Под «высоким мужчиной» (*чан нль*) здесь имеется в виду пневма триграммы «гром» (*чжэнь*), принадлежащая стихии дерева и, соответственно, востоку. «Вино западных стран» (*си фан грю*), напротив, «сок» стихии металла (запад) и пневма триграммы «водоем» (*дуй*). Речь идет о единении «третичных» *иньных* и *янных* пневм для создания бессмертного зародыша, причем такого соединения, когда *ян ци* (*чжэнь*~) вбирает в себя (пьет) *инь ци* (*дуй*).

Под «низкой женщиной» (или «молодой женщиной» - - *шло нью*) имеется в виду третичная *иньная* пневма стихии металла, т. е. «водоем» (*дуй*). Она отправляется на север, в сферу зрелых *иньных* энергий и там завершает свою *иньную* природу.

В виде «лазоревого» («зеленой» - - *цин*) прелестницы» перед нами появляется четвертичная пневма триграммы «ветер» (*сюнь* ☴). Здесь она ассоциируется со стихией земли и центром и, естественно, осуществляет миссию посредничества.

Таким образом, пневмы соединяются в желтом семействе (оно же желтый двор), в сфере земли (*у гри*) и там порождают бессмертный зародыш. Особенности описания этого процесса в данном стихе в том, что схема соединения пневм несколько иная: *ян ци* (*чжэнь*~) поглощает *инь ци* (*дуй*), которая в свою очередь доводит себя до полной созревания, после чего они соединяются посредством пневмы *сюнь* в сфере земли.

Стиху соответствует гексаграмма «бегство» (*дунь*), состоящая из триграмм *гэнь* и *цянь*.

長男

西方酒

Когда наступило время
прийти месяцам зайца и курицы,
Благо и наказание к вратам подошли,
отображает их снадобье.
К этому времени надо тебе
омыть порошок и металл;
Если же снова огонь начнешь прибавлять,
непреренно опасность приблизишь.

Месяц зайца - - второй месяц года, обозначающий циклическим знаком *мао* и согласно со звериному календарному циклу называющийся месяцем зайца. Соответственно, месяц курицы - - восьмой месяц года (циклический знак *ю*), соотносящийся с курицей.

Второй месяц — весенний месяц (середина весны), а весна, по представлениям традиционной китайской космологии, - - сезон, когда господствует Сила-Дэ — сила, питающая и пестующая все сущее, время рождения и обновления.

Восьмой месяц приходится на середину осени, связывающей с собиранием плодов, подведением итогов, воздаянием каждому по заслугам, а также - - с умиранием и увяданием природы (т. е. это сезон наказания, возмездия). Но уже в Благе сокрыто наказание, а в наказании -- Благо (т. е. в *ян*, весна, сокрыто *инь*, осень, и наоборот). Сельскохозяйственный образ: весна — время смерти озимых, а осень — время их рождения.

У Чжан Бо-дуаня второй и восьмой месяцы -опять-таки календарные символы (следует обратить внимание на уже знакомую нам символику двух и восьми). Конкретно речь здесь идет о важности равновесия нагревания и охлаждения (их нейтрализации) во внутреннеалхимическом процессе в период равновесия сил *инь* и *ян* (время, когда каждая из них находится в средней фазе своего развития). Следовательно, период срединности *ян* не должен сопровождаться нагреванием, а период срединности *инь* — охлаждением. Металл и порошок, о которых говорится в третьей строке, — это свинец и ртуть (*ша*, «порошок», т. е. *дань ша*, «вермиллион», «киноварный порошок»; и *хун*, «ртуть»), т. е. *инь ци* и *ян ци*. Омовение — образ бережного, родительского отношения к пневмам (аналог купели новорожденного вскоре после его рождения). Цель его — сохранить качества *инь ци* и *ян ци*, не разрушить излишним нагреванием пневменную суть вновь зачатого бессмертного зародыша. Еще раз отметим в заключение использование Чжан Во-дуанем алхимической терминологии (металл, порошок, омовение-купель и т. п.) в тексте по внутренней алхимии. Еще одно подтверждение того, что внутреннеалхимический процесс мыслился полным аналогом макро-

卯
酉

космического и уподоблялся внешнеалхимической модели последнего.

Стиху соответствует гексаграмма «великого» (да чжуан), состоящая из триграмм. I Сянъ и чжэнь.

Бессмертный Хань Сян-цзы

З

а три декады солнце и луна

встретятся только раз;

В день подходящий в этот срок

следуй действиям духа.

Охраняй город, на пустоши бейся,

зная и горе и счастье;

Тогда возрастет порошок духоносный,

треножник заполнив, краснея.

法神功
法天地
之神功

攝, 養
神氣

精華
上宮

四柱
沐; 浴

Согласно комментарию Дун Дэ-нина, каждые тридцать дней на границе между последним и первым днем лунного месяца солнце и луна «встречаются» (возможно, имеется в виду тот факт, что каждые тридцать дней солнце и луна восходят в одной и той же точке). Эта встреча солнца и луны является как бы выражением гармонического единения *иньных* и *яннъгх* пневм. Но, по учению внутренней алхимии, это лее происходит и с пневмами человеческого тела, уподобляемыми солнцу и луне. Таким образом, календарный факт оказывается символом для обозначения определенной стадии внутреннеалхимического процесса — периода равновесия пневм. Следование действиям духа (или «взятие за образец действий духа» — *фа шэнь гун*) — это определенные даосские упражнения для сохранения данной гармонии (другое название — следование действиям духа Неба и Земли — *фа тянь ди чжи шэнь гун*, ср. чжан 25 «Дао дэ цзина»).

Охрана города — защита подступов к городу, высоты; сражение на пустоши — бой на равнине, внизу. В терминологии внутренней алхимии «бой на пустоши» — психофизические упражнения «схватывания» (*шэ~*) или «питания» (*ян*) тела и сердца для подчинения дракона и тигра (т. е. для овладения пневмами *инь* и *ян*, обретения контроля над ними). В этой практике боя на пустоши «духовная пневма» (*шэнь гуи*) направляется сверху в нижнюю часть тела, так называемую нижнюю пещеру. Напротив, охрана города — это дыхательные упражнения, связанные с регуляцией вдоха и выдоха, в результате которых «цветок сущности» (эссенции, спермы -- *грин хусГ*) направляется в верхнее киноарное поле, или, иначе, «верхний дворец» (*шан гун*).

Эти упражнения должны, по мысли даосов, привести, к равновесию пневм и созреванию в треножнике нижнего киноарного поля чистого *ян ци* будущего бессмертного тела — красного (киноварного) одухотворенного порошка.

Это и предыдущее четверостишие дают краткое изложение всего процесса внутренней алхимии, описывая две его половины и так называемые «четыре столпа» внутренней алхимии (да чжу): два вида «омовения»

(*му; юй*), охрана города и бой на пустоши.

Стиху соответствует гексаграмма «восход» (*гринь*), состоящая из триграмм *кунь или*.

ве гексаграммы «упадок» и

«расцвет» соединились, все сущее

переполняют;

Две гексаграммы «начальная трудность» и «недоразвитость» исконно все рождают и завершают.

Если ты понял скрытый здесь смысл,
зачем тебе образ нужен?

Если изучишь все чертежи,
чувства твои в заблуждении пребудут.

Гексаграмма «упадок» (*ли*) состоит, как уже говорилось, из триграмм «небо» (наверху) и «земля» (внизу) и соответствует седьмому месяцу года. Гексаграмма «расцвет» (*тай*) имеет порядок черт, обратный порядку черт предыдущей гексаграммы, и соответствует первому месяцу года. Поэтому эти гексаграммы (начало года и его середина) являются как бы образами фаз гармоничным пеом и Земли, образами соответствующих календарных изменений. Они также являются образами равновесия *инь*—*ян*.

Гексаграммы «начальная трудность» (*чжунь*) и «недоразвитость» (*мэн*) соотносятся с утром и вечером.

«упадок»

«расцвет»

«недоразвитость»

«начальная трудность»

Первые две гексаграммы символизируют в процессе внутренней алхимии две стадии омовения эликсира, с одной стороны, и прекращение омовения — с другой. Две последующие гексаграммы — потоки пневмы, текущей вверх (*чжунь*) и вниз (*мэн*), — последовательность направления пневм в ту или другую сторону во время внутреннеалхимического делания — символизируют завершенность или незавершенность процесса. Если в ицзиновской символике «Глав о прозрении истины» гексаграммы (и одноименные им триграммы в определенной степени) «небо» и «земля» символизируют созданные адептом из *инь*-х. и *янь*-х. пневм тигель и печь, а гексаграммы «вода» (*кань* или *си кань*) и «огонь» (*ли*) — пневмы, идущие на создание снадобья, то остальные 60 гексаграмм как раз и связаны с обозначением фаз регуляции движения потоков пневм вверх или вниз. Что касается оппозиции гексаграмм «небо»—«земля» и «начальная трудность»—«недоразвитость», то следует отметить еще, что если первые указывают и на главные фазы всего процесса в целом (год), то последние — на его подфазы (месяцы) и субфазы (дни).

Последние две строки четверостишия предостерегают от буквализма в понимании текста. Если его понимать буквально, говорит Чжан Бо-дуань, то истинный смысл текста как наставления адепту внутренней алхимии будет не понят, а понимание его просто как сочинения по нумерологии (*шу сяк*), написанного ради непосредственного анализа гексаграмм и триграмм, не только бесплодно, но и вредно. Нужно, утверждает

Чжан Бо-дуань, уметь увидеть за ицзиновской символической скрытый внутреннеалхимический смысл.

Стиху соответствует гексаграмма «поражение света» (*мин и*), состоящая из триграмм *ли* и *кунь*.

Это четверостишие подробно развивает мысль заключительных слов предыдущего. В нем совершенно очевидна критика в адрес школы «ицзинистов-нумерологов» (*сяк шу гэзя*), склонных погружаться в отвлеченные спекуляции исходя из начертания триграмм или гексаграмм и усматривая в самом начертании их глубокий смысл.

Чжан Бо-дуань в противовес этому, утверждает, что высшее понимание образов «Книги Перемен» заключается в восприятии их как символов или знаков, указывающих на различные состояния пневмы-уи и фазы процесса внутренней алхимии. Для научившегося регулировать пневму, постигшего ее, образы «Книги Перемен» уже не нужны. Следовательно, ицзиновская символика для Чжан Бо-дуаня, по существу, является только удобным языком описания внутреннеалхимического процесса.

Стиху соответствует гексаграмма «домашние» (*гря жэнь*), состоящая из триграмм *ли* и *сюнь*.

образ, что скрыт в гексаграммах,
знай, только лишь внешний облик;

Если ты образа суть постиг,
забудь о словах,
сам смысл тебя просветит.

Но заблудшие люди последних времен
замарали образы грязью:

Следуя начертанию гексаграмм и их пневмам,
летать и парить они вознамерились.

Свой черед непреложный имеют
 Неба и Земли наполненность и пустота;
 Кто вникнуть смог в смысл *си* и *сяо*,
 Пружину сразу может тот познать.
 Тогда сама собой понятна ему станет
 причина появленья *гэн* и *цзя*,
 Убиты все три трупа тотчас будут;
 он Дао-Путь, бесспорно, обретет.

Понятия «наполненность» (ш*) и «пустота» (*сюи*) имеют сложное значение. В самых общих чертах первое из них означает период роста *ян*, второе - период уменьшения *ян* и возрастания *инь*. Так, время суток до полудня будет временем наполненности, а время после полудня — временем пустоты. Или время от новолуния до полнолуния будет наполненным, а время от полнолуния до новолуния -- пустым. То же относится к весне и лету, с одной стороны, и к осени и зиме — с другой.

Таков же смысл и знаков *СЯО* и *си*. Первый соотносится с растущим *ян* (от циклического знака *цзы* до знака *сы*), а второй — с растущим *инь* (от знака *у* до знака *хай*). Равновесие этих тенденций, их порядок чередования или закон их чередования называется Пружиной (или «Небесной Пружиной» — *тянь цзи*)

Циклический *цзя* (первый по десятиричной системе, в отличие от предыдущей, двенадцатеричной) соотносится со стихией дерева (восток, рождение, жизнь), а знак *гэн* (седьмой знак) соотносится со стихией металла (спад, смерть).

«Три трупа» (*сань ши*) или «три червя» (*сонь чунь*) ~ разрушительные тенденции человеческого организма, неизбежно влекущие человека к смерти. Мыслились даосами в виде духов, паразитирующих в «киноварных полях» (*дань тянь*~) и высасывающих *янную* пневму, превращая ее в *иньную*.

Общий смысл этого четверостишия заключается в том, что адепту внутренней алхимии следует уметь регулировать процесс взаимоперехода *ян ци* и *инь ци* и использовать и *иньные*, и *янные* пневмы для преодоления *инь ци* и создания нового бессмертного тела из одних *янных* пневм. Умение адепта контролировать пневмы должно, по учению даосизма, привести к преодолению смертоносных тенденций, первому условию **движения** по пути оессмертных.

Стиху соответствует гексаграмма «разлад» (*куц*), состоящая из триграмм *дуй* и *ли*.

盈 虛

消 息
子 巳, 午 亥天 機
甲

庚

三 尸 蟲

Непременно следует обрести

дух ложбины вечно бессмертный;

На сокровенную женственность опираясь,

надо установить корень, основу.

Вернулось истинное семя вновь

в покой желтого золота,

Тогда крупинка сияющей жемчужины

вовек тебя не покинет.

Первые две строки представляют собой видоизмененную цитату из чжана 6 «Дао дэ цзина»: «Ложбинный дух бессмертен. Называют его женственностью сокровенной». Этот фрагмент «Дао дэ цзина» связан с мифологемой Дао-женственного, Дао-матери, весьма характерной для этого памятника. Первый иероглиф (谷, «долина», «ложбина»); опять-таки символ женский, ктесический, трактуется некоторыми комментариями как замена иероглифа 養 («вскармливать», «пестовать»). Тогда здесь речь идет или о даосской технике «питания жизни» (ян гаэн), или, учитывая онтологический характер данного текста, о Дао как матери - - кормилице сущего. Согласно большинству комментариев, Дао названо долиной потому, что, подобно долине (ложбине), оно пусто и всеобъемлюще, причем склоны его -- это инь ци и ян ци. Само же Дао — как бы грань между ними, их источник и предел. В алхимической традиции иероглифы «сокровенная женственность» (сюань пинь, иначе - - «сокровенная самка») понимаются как однородные члены: сокровенное и женственное, а не как определение и определяемое. Под сокровенным (темным, черным) понимается Небо и, соответственно, ян ци, а под женственным — Земля и инь ци. Ложбинный дух — Дао как «изначальный дух» (юань шэнь), корень и источник инь ци и ян ци, которые в свою очередь являются корнем всего сущего. Истинное семя (истинная эссенция, чжэнь цзин~) — истинная сущность пневм инь и ян. «Покой желтого золота» (хуаи цзин ши) -- еще одно название желтого двора — среднего киноарного поля. Следовательно, здесь речь идет о направлении истинной сущности ян ци и инь ци в желтый двор, где они, соединившись, порождают «сияющую жемчужину» (мин чжу) — еще один синоним бессмертного зародыша. Его наличия в теле адепта, согласно внутренней алхимии, достаточно для обретения земного бессмертия, для чего не обязательна полная трансформация тела адепта или создание нового тела.

Все четверостишие является превосходной иллюстрацией даосского учения о подобии микро- и макрокосма (космические сокровенное и женственное соотносятся с инь ци и ян ци в человеческом теле и т. п.)

Стиху соответствует гексаграмма «препятствие» (цзянь~), состоящая из триграмм гэнь и кань.

谷
養

元神

真精
黃金室

明珠

Р

едко кто из мирян поймет, что
такое

врата сокровенной женственности;

К чему же, скажите, попусту вы
нос и рот обременяете?

Пусть неустанно трудитесь вы,
вдохов и выдохов делая тысячи,

Но разве ворона золотого этим поймать,
этим схватить ли зайца?

«Врата сокровенной женственности» (или «сокровенного и женственного* -- о «женственном» см. комментарий к стиху 55(39)) -- выражение опять же из чжана 6 «Дао дэ цзина»: «Врата сокровенной женственности — корень Неба и Земли. Он существует подобно нескончаемой нити, используй его без усилий». Под вратами понимается в макрокосмическом плане Дао как предельный источник *инь ци* и *ян ци*, а в микрокосмическом плане — закон равновесия *инь* и *ян*, энергетический средний центр - киноарное поле, энергетическое равновесие верхней и нижней, левой и правой частей тела. Именно этот-то закон равновесия, утверждает Чжан Бо-дуань, и не понимают профаны, стремящиеся обрести Дао посредством утруждения носа и рта - - дыхательных упражнений, которые сами по себе, вне понимания цели — гармонизации *инь ци* и *ян ци* абсолютно бесполезны для уловления «золотого ворона» и « [нефритового] зайца» — пневмы *ян* и *инь* в их зрелости, зачинающих основу бессмертного зародыша.

Стиху соответствует гексаграмма «разрешение» (*цзе*), состоящая их триграмм *кань* и *чжэнь*.

Их имена различны, но вместе они рождаются»

— эти слова мало кто понимает.

«Эти двое - - Сокровенное
и вновь Сокровенное» —
вот насущная Пружина.

Тот, кто жизненность хранит, тело восполняет,
ясно должен понимать

гексаграммы «приумножение» и «убыль».

Эликсир пурпурного золота и киновари
наиболее духовен и удивителен.

Это четверостишие соответствует в ицзинговской символике «Глав о прозрении истины» 41-й гексаграмме «Книги Перемен» «убыль» (сунь), ко-ПЗ^Г торая вместе со следующей, 42-й гексаграммой «приумножение» (и), упоминается прямо в данном тексте. Первые две строки представляют собой на-

мек на чжан 1 «Дао дэ цзина»: «Те двое рождаются вместе, но их имена различны. Их вместе назову я Сокровенным. И Сокровенное вновь Сокровенным стало. Таковы врата всех тайн». В «Дао дэ цзине» «двое» — это два аспекта Дао-Пути: Сокровенное, безымянное, постоянное Дао, пребывающее в неявленности отсутствия (у), и его явление, обнаруживающееся в вещах, которое достигает в них и через них предела своего бытия, своего наличного воплощения и вновь возвращается к Сокровенному отсутствию, которое в свою очередь стремится к проявлению и т. д. Таким образом, этот круг вечного возвращения от Сокровенного к Сокровенному является в понимании Лао-цзы своеобразным механизмом, пружиной, стержнем бытия, ключом к тайне сущего. Это полностью понимает и Чжан Бо-дуань, истолковывающий, однако, данное место «Дао дэ цзина» применительно к микрокосмическим процессам, совершенствуемым внутренней алхимией. Для него двое Сокровенных, согласно универсальному принципу (дао) вечно переходящие одно в другое, являются полярными пневмами тела: *инь ци* (у, отсутствие) и *ян ци* (ю, наличие), - движущимися по микрокосмическому кругу внутри тела человека. Поток течет снизу вверх, затем сверху вниз и т. д., меняя при изменении направления и свой знак. Гармонизация, упорядочение этого процесса и есть, по Чжан Бо-дуаню, гарантия создания эликсира, «снадобья эликсира пурпурного золота и киновари» (*гры гринь дань яо*).

Гексаграммы *сунь* и *и*, упоминаемые в четверостишии и соответствующие данному и следующему стихам (по их соотношенности с фазами внутреннеалхимического процесса), представляют собой соединение триграмм *дуй* (водоем) — внизу и *гэиь* (гора) — наверху (гексаграмма *сунь*) и триграмм *чжэнь* (гром) — внизу и *сунь* (ветер, дерево) — наверху (гексаграмма *и*). Графически обе гексаграммы являются как бы перевертышами, зеркальными отражениями друг друга (первая

черта одной будет последней чертой другой и т. д.), что, по мысли Чжан Бо-дуаня, должно быть наглядным символом взаимообращаемости, циклической замкнутости кругообращения *иньных* и *янных* пневм. Таким образом, единство, гармония этих гексаграмм является как бы образом, знаком гармонизации пневмы тела адепта, ведущей его «жизненность» (*мин*) к совершенству и полагающей начало эликсиру бессмертия.

Вдеянии скрыто начало пути,
трудно людям его увидеть;

Достигнуто недеянье теперь,
все начала отныне познаны.

Смотри на недеянье все же ты
как на первойшую тайну;

Как же познать, что деяние
составляет его основу?

有作
有為

«Деяние* (*ю цзо*) — синоним даосского *ю вэй*. С одной стороны, это целеплагающая деятельность человека, знаменующая отступление от Дао, с другой — действие самого Дао как принципа, явленного в вещах и их направляющего. В терминологии «Глав о прозрении истины» под деянием понимается «питание жизненности» (*сю мин*), под недеянием — «питание природной сущности» (*сю син*) — см. комментарий к стиху 9-му I части.

三品大藥

Внутренняя алхимия вначале учит создавать «трехсоставное снадобье» (*сань пинь да яо*), т. е. единение двойственных пневм трех родов, дающих начало эликсиру — золоту и киновари. После этого следуют упражнения по «охвату изначального» (*бао юань*), «зерцанию-актуализации сердца и хранению Одного» (*цунь синь шоу и*) и т. п., то есть медитативная практика, связанная уже не с регуляцией пневм тела, а с психической деятельностью в духе религиозной практики буддийских созерцателей. Обе эти стороны даосской Йоги и представляют, собственно, то, что Чжан Бо-дуань называет «одновременным питанием природной сущности и жизненности» (*син мин шуан сю*) или «путем святых бессмертных» (*шэнь сянь дао*).

包元

存心守一

性命雙修
神仙道

Таким образом, питание жизненности по времени предшествует питанию природной сущности, составляя его основу; однако питание природной сущности, будучи саияя ппнз устремлений даосского адепта, как бы предшествует логически питанию жизненности, не являющемуся самоценным и считающемуся только подготовительным этапом для величайшей тайны Истинного Сокровенного.

Таким образом, и в этом учении Чжан Бо-дуаня отразился принцип гармонизации противоположностей и их непрерывного круговращения, взаимоперехода, когда конец следует за началом и начало следует за концом. Принцип этот, имеющий своим архетипом онтологическое учение чжана I «Дао дэ цзина>>, наиболее четко изложен Чжан Бо-дуанем в предыдущем стихе 57(41).

Данному стиху соответствует гексаграмма «умножение» (и) (о ней см. 57(41)).

В черном сокрытая белизна —
это мать эликсира;

Женское, покоящееся в мужском, —
это зародыш священный.

Великое Первоначало в печи
со тщанием хранится;

Драгоценности в трех полях собрались,
соответствуя трем террасам.

Первая строка четверостишия вновь говорит о взаимопревращаемости *инь—ян*, коренящихся друг в друге, и о взаимопревращаемости вообще как универсальном методологическом принципе внутренней алхимии. Белизна, скрытая в черном, — это серебро, скрытое в свинце, т. е. очищенная пневма, скрытая в пневме профанической. Кроме того, эта строка, равно как и следующая, содержит намек на чжан 28 «Дао дэ цзина»: «Знай свое белое и храни свое черное... Знай свою мужественность и храни свою женственность». В создании снадобья истинный свинец играет ведущую роль, и поэтому серебро, находящееся в недрах свинца, называется «матерью эликсира».

Вторая строка продолжает развивать те же идеи. Женское, покоящееся в мужском, — это ртуть, скрытая в киновари (вермиллионе).

В процессе создания эликсира, киноварного зародыша, истинная ртуть играет подчиненную роль, поэтому о ней говорится лишь как об «основе священного зародыша» (*гизн таи*).

«Великим Первоначалом» (*тай и*) называется одна из звезд созвездия *Цзывэйюань*. Здесь — метафора, обозначающая все тот же бессмертный зародыш, созревающий в печи тела даоса.

Три поля — три киноварных поля, т. е. три энергетических центра тела, три средоточия пневмы *ци*, играющие огромную роль в даосской религиозной практике (эта роль сопоставима с ролью чакр индийской йоги). Они, по даосскому учению, располагаются в нижней части живота, в районе солнечного сплетения и в голове.

«Три террасы» (*сань таи*) — три звезды в районе созвездия Большой Медведицы, расположенные одна над другой. Здесь — символ трех киноварных полей, их макрокосмическое соответствие. В организме, по учению внутренней алхимии, свинец локализуется в нижнем киноварном поле, а ртуть — в верхнем (после процедуры их перевертывания); их же соединение происходит в сфере земли —• среднем киноварном поле — желтом дворе, под циклическим знаком *у ци*.

Стиху соответствует гексаграмма «выход» (*гуай*), состоящая из триграмм *цян* и *дуй*.

聖胎
太乙
紫微垣

三臺

туманном и смутном

ищи все наличные образы,

В пучинах бездонных найди истинное семя.

Отсутствие и наличие

отсюда друг в друга проникают;

Я все еще не могу понять -

как мыслью достичь свершенья?

恍惚

Все это четверостишие (за исключением последней строки) является скрытой цитатой из «Дао дэ узина»: первые две строки из чжана 21, а третья — из чжана 2. В тексте Лао-цзы под «туманным и смутным*» (*хуан ху~*) понимается недифференцированное!!), абсолютная безатрибутность Дао, подобно космическому лону, скрывающему зародыш вещей, их образы в виде способной к дальнейшему развитию "тончайшей пневмы" (*цзин*), семени, энергии. Именно с нее начинается процесс мировой дифференциации, завершающийся возвращением сущего (бытия) вновь в лоно Дао отсутствия.

陰極靜

У Чжан Бо-дуаня «туманное и смутное» - - :это чистый, не распавшийся на цвета спектра и оттенки белый свет *ян ци*, в то время как бездонные пучины мрака - - обозначение глубин пребывающею в покое *инь ци*, высший предел покоя *инь (инь гэзи цзин)*.

Вообще же, за общими фразами этого четверостишия скрывается указание на вполне конкретную практику внутренней алхимии. Адепт посредством дыхательных упражнений направляет сгустившийся дух в пещеру пневмы (нижний *дань тянь~*), что должно привести к возвращению сердца (*синь'*) к корню (*гэиь*). Затем максимально успокаивается дыхание (нечто вроде знаменитого зародышевого дыхания, описанного Гэ Хуном) и тело достигает максимальной релаксации (погружается в пучину предельного покоя *мнь*), что является условием порождения истинной ртути, используемой для создания бессмертного зародыша.

Затем адепт приступает к питанию *ян* и начинает посредством созерцания и дыхательных упражнений нагрев одного из киноарных полей (видимо, нижнего). Разогретая пневма направляется в глаза, и сердце ощущает свет туманного и смутного. Соответственно, таким образом рождается истинный свинец *ян ци*. Обе пневмы направляются в желтый двор (среднее киноарное поле), где они сочетаются, зачиная бессметный зародыш.

Под отсутствием здесь Чжан Бо-дуань опять-таки понимает *инь ци* (бездонная пучина), а под наличием *ян ци* (туманное и смутное) и соответствующие им стихии воды и огня. Их единение и взаимопереход - залог зачатия бессмертного зародыша.

Последняя строка содержит осуждение людей, снимающихся лишь спекуляциями относительно Дао и не стремящихся к его практическому осуществлению.

Стиху соответствует гексаграмма «перечение» (*гоу*), состоящая из триграмм *сюнь* и *цян*.

Четыре образа вместе сошлись —
 субстанция сокровенная появилась;
 Пять стихий обрели полноту -
 пурпурное золото светит.
 Зародыш рожденный в рот вошел,
 путь открыт к совершенной мудрости;
 Драконовых духов безмерно число,
 и все пни в страхе дрожат.

Четыре образа — здесь четыре триграммы, символизирующие четыре состояния пневмы-ум: огонь (*ли*), вода (*кань*), небо (*цянь*) и земля (*кунь*). Символические животные, связанные с этими триграммами, — зеленый дракон, белый тигр, киноварно-красная птица и темный (черный, таинственный) воин. Соответствуют они, как уже неоднократно говорилось выше, и стихиям с их пространственной символикой. Их соединение в среднем дворце — киноварном поле приводит к гармонизации пневм пяти стихий (середина, центр связаны со стихией земли) и их целокупности, что также на языке внутренней алхимии называется встречей трех семей (см. выше). Таким образом, начинается бессмертный зародыш — «пурпурное золото» (*цзы цзинь*).

紫金

Далее речь идет о пути выхода уже созревшего нового бессмертного тела адепта из материнской утробы — старого тела. Будучи пневменным по своему характеру, оно поднимается по киноварным полям и каналам до уровня рта, где и дозревает окончательно, после чего доходит до верхнего киноварного поля (головной мозг), часто называемого также «сферой совершенному дрогу» (*шэн юй*). Затем окончательно обретает самостоятельность, приобщаясь к сонму бессмертных. Чжан Бо-дуань в последней строке четверостишия намекает, что бессмертный даос выше всех духов, в том числе и самых царственных (дракон), и его величие повергает духов в изумление и трепет.

聖域

Стиху соответствует гексаграмма «воссоединение» (*цзи*), состоящая из триграмм *кунь* и *дуй*.

Закончен пир на цветочном пруду,
луна явным светом лучится;
Дракона золотого оседлав,
я посещу пурпурные пределы.
Когда увижусь в тех краях
с бессмертными небожителями
В морях, полях, горах, ложбинах
смогу жизнь найти тогда.

«Цветочный пруд» (*хуа, чй*) -- один из центров тела, место пребывания пневм воды и огня, средоточие «изначальной пневмы» (*юань цй*), по-видимому, синоним терминов «изначальное море» (*юань хай*) и «море пневмы» (*ци хай*), т. е. живот. Пир закончен — т. е. закончено вкушение снадобья, процесс его создания. Сияющая ясным светом луна - - целостность пневмы металла, *иньной* пневмы (*цзинь ци*). Напротив, «золотой дракон» (или, точнее, «металлический дракон» - *цзинь лун*) — символ единства *инь ци* (металл) и *ян ци* (дракон — знак дерева и, соответственно, *ян*). «Оседлать золотого дракона» — овладеть, собрать, соединить пневмы *инь* и *ян* (дерево и металл) в теле адепта. «Пурпурные пределы» (*цзы вэй*) — одно из названий «центрального дворца» (*чжун гун*) — среднего киноварного поля или центра за межбровьем; изначально — название созвездия.

Общий смысл первых двух строк состоит в следующем. Когда снадобье, бессмертный зародыш, уже готово, тогда *инь ци* тела адепта обретает полноту и вбирает в себя *ян ци* («сок дерева» -- *му е~*), которое таким образом соединяется с «сущностью (семенем) металла» (*цзинь цзин*) и направляется в среднее киноварное поле, где запечатывается и сохраняется. Под «бессмертными небожителями» здесь опять-таки понимаются различные состояния *инь—ян ци*, различные ступени трансформации пневм (девять перегонок, семь возвращений, восемь возвратов, шесть пребываний), в результате которых две пневмы становятся нераздельными. Когда созданный киноварный эликсир помещается адептом в треножник среднего дворца, тогда все эти виды пневм встречаются в сфере земли (среднем киноварном поле, среднем дворце), после чего зародыш начинает медленно созревать. Когда он созрел окончательно, став новым бессмертным телом адепта, тогда Происходит рождение младенца (см. выше), «дух преображается» (*гиэнь хуа*) и адепт обретает единство с Дао (*юй дао вэй и*). Теперь адепт обрел абсолютную свободу и единение со Вселенной. Отныне весь мир стал его домом и нет для него в мире ничего чуждого, никаких препятствий. Таков плод таинств внутренней алхимии по учению «1лав о прозрении истины».

Стиху соответствует гексаграмма «подъем*» (*шэн*), состоящая из триграмм *сюнь* и *кунь*.

華池

元氣
元海
氣海

金氣

金龍

紫微
中宮神化
與道為一

«Домашний сад» — различные энергетические центры (треножник, киноварные поля) человеческого тела. Адепт внутренней алхимии должен собрать в этих центрах потоки пневм -- энергий (семена) по принципу «сродства видов» (*тун лэй*) и возвращать их посредством питания внутренним огнем и т. п., полагаясь, однако, более на естественные закономерности циркулирования энергии в теле и фазы этого циркулирования, нежели на различные искусственные приемы (дыхательные упражнения раздувание мехов и т. п.), которые в неподходящее время могут скорее повредить, нежели помочь адепту.

Если же он следует естественности, то духовный зародыш благополучно созреет и станет новым телом адепта—бессмертного, которое и покинет, родившись, вскормившее его лоно — прежнее тело.

Стиху соответствует гексаграмма «истощение» (*кминь*), состоящая из триграмм *кань* и *дуй*.

Следует знать выплавления питания
 перегнанной киновари способы;
 Для этого нужно в домашнем саду
 посеять ее семена.
 Зачем понапрасну меха раздувать,
 силы свои тратя?
 Естественнно созреет эликсир,
 родится из него духовный зародыш.

Смотри, не расходуй силы свои
на изощренные лживые методы;
Остерегись от других семейств получать
к бессмертию ведущие рецепты.
В сосуд постепенно ты добавляй вино,
жизнь продлевающее;
Внутри треножника найдешь напиток,
возвращающий *хунь* — разумную душу.

Это четверостишие продолжает развивать мысли предыдущего стиха. Первая его строка предостерегает адепта даосизма от злоупотребления второстепенными вспомогательными упражнениями (дыхательные упражнения, гимнастика и т. п.), а вторая содержит скрытую критику как внешней алхимии, так и вообще употребления каких-либо внешних средств для обретения бессмертия (рецепты других семейств).

Напротив, третья и четвертая строки содержат положительное наставление адепту: ему предписывается заниматься только внутренней алхимией, созданием в сосудах и треножниках тела (киноварных полях) бессмертного зародыша посредством соединения «продлевающего жизнь вина* (*янь мин цзю*) и «напитка, возвращающего *хунь* - разумную душу» (*фань хунь цзан*). Первый термин обозначает *иньную* пневму металла, его семя (*цзинь цзин*) и сущность, а второй - *АЯННЮ* пневму дерева*, «древесный сок» (*му е*), уже

знакомые нам как свинец и ртуть, *кань* и *ли* и т. п. Стиху соответствует гексаграмма «колодец» (*цзин*), состоящая из триграмм *сюнь* и *кань*.

延命酒
返魂漿

а снежных горах отпробуй раз
сливок;

Влей их в печь превращений теперь,
что на востоке, в области *ян*.
Если пройти через гору Куньлунь,
направляясь на северо-запад,
Придешь туда, где фею Ма-гу
встретил Чжан Цянь когда-то.

«Снежные горы* (сюэ *шань*) — горы в западной части Китая. Здесь — символ запада и металла, *инь ци*.

«Сливки* (*ти ху*) — здесь обозначение «золотого раствора* (*цзинь е*), толкуемого как «сок (или раствор) металла», т. е. опять же *инь ци*.

«Печь превращений восточного ян» (*дун ян цзао хуа лу*) - - область северо-востока, место, где начинается возрастание *ян* и убывание *инь*. В практике внутренней алхимии — один из центров тела, связанный с началом алхимического делания.

Куньлунь — мифическая высочайшая гора мира, якобы расположенная на западе; в терминологии внутренней алхимии - - макушка головы, головной мозг, верхнее киноарное поле. Здесь северо-востоку предыдущей строки противопоставляется северо-запад, место максимального расцвета *инь* и умаления *ян*.

Ма-гу - - одна из бессмертных фей; здесь олицетворение женской пневмы, *инь ци*.

Чжан Цянь (II в. до н. э.) — знаменитый путешественник по Средней Азии и дипломат времен ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н. э.). Здесь выступает как олицетворение мужской пневмы *ян ци*.

Общий смысл данного четверостишия заключается в описании внутреннеалхимического упражнения по направлению энергий тела по замкнутому кругу, образуемому двумя основными каналами (*цзян*) энергий: *ду мо* («вена контроля») и *жэнь мо* («вена управления»). Одна из них начинается в промежности, проходит по позвоночнику через макушку и оканчивается у верхней губы. Вторая начинается у нижней губы, проходит по середине туловища и заканчивается в промежности. По одной вверх движутся потоки *ян ци*, по другой вниз — *инь ци*.

Даосский адепт направляет пневму *инь* в печь превращений, т. е. в сферу *ян*, поднимает ее до макушки головы, после чего спускает вниз, где и происходит ее встреча и соединение со встречным потоком *ян ци*. Таким образом, пневма тела совершает полный круг по микрокосму, двигаясь с северо-востока к северо-западу (нижние передняя и задняя части тела) через Куньлунь (голову).

Стиху соответствует гексаграмма «смена* (гэ), состоящая из триграмм *ли* и *дуй*.

雪山

醍醐
金液東陽造
化爐

люди, не знающие о семени *ян*,
 о том, кто гость, кто хозяин,
 Как могут тогда распознать
 близких и дальних?
 Искусство внутренних покоев
 закрывает дверь, ведущую к успеху;
 Ведь скольких легкомысленных людей
 ошибка погубила эта!

«Семя (или сущность) *ян*» (*ян цзин**) здесь - *янная* пневма, вызревающая в глубинах инь. Графически изображается непрерывной чертой в триграмме «вода» (*кань* ^^). В терминологии внутренней алхимии рассматривается как основа жизненности.

«Хозяин и гость», «близкие и дальние» — обозначение различных стадий внутреннеалхимического процесса, когда ведущую роль играют попеременно то *янные*, то *иньные* пневмы, которые таким образом выполняют то ведущую функцию («хозяин»), то подчиненную («гость»). О значении терминов «гость» и «хозяин»* см. выше, комментарий к 4-му стиху I части. Так, например, в той стадии алхимического процесса выплавления киноварного зародыша, когда упор делается на совершенствовании «природной сущности» (*син*), хозяином является дух (*шэнь*), ассоциируемый с природной сущностью, а гостем — пневма (в собственном, узком смысле, в отличие от широкого, согласно которому и дух тоже является видом утонченной пневмы), ассоциируемая с жизненностью. Подробнее см. комментарий к 9-му стиху I части. Когда совершенствуется жизненность, то ситуация становится противоположной.

Заключительные строки стиха представляют собой филиппики против последователей сексуальной практики искусства внутренних покоев, считавших, что под гостем и хозяином следует понимать мужчину и женщину, и смотревших на правильно совершенное соитие как на лучший путь, ведущий к питанию пневмы и бессмертию. В отличие от них Чжан Бо-дуань, равно как и вся сформировавшаяся традиция внутренней алхимии, понимает соитие как иерогамию *иньных* и *янных* пневм в теле .адепта, о чем уже неоднократно говорилось выше.

Стиху соответствует гексаграмма «жертвенник» (*дин*), состоящая из триграмм *сюнь* и *ли*.

любое из бесчисленных существ
стремится возвратиться к корню;

Кто возвратился к корню,
жизненность обрел опять,
став постоянно сущим.

Но тех, кто знает постоянство,
вернулся к корню,
трудно встретить среди людей;

О тех же, кто порочное творит,
зло возлюбя, повсюду можно услышать

Первые две строки четверостишия представляют собой видоизмененную цитату из чжана 16 «Дао дэ цзина»: «Ведь любое из бесчисленных существ возвращается к корню. Возвращение к корню называют покоем. Покой называют возвратом к жизненности (судьбе, естественной участи -- *мин*). Возврат к жизненности называют постоянством». Лао-цзы рассматривает покой, один из атрибутов Дао, как корень движения (ведь и само Дао, в качестве Небесной оси или Пружины будучи неподвижным, приводит в движение мироздание, в свою очередь являющееся вечным взаимно переходом от движения в покой и покоя в движение). Вместе с тем возвращение к корню, к сверхбытию Дао (а именно в «Дао дэ цзине», чжан 6, слово «корень» впервые употребляется в онтологическом смысле: «Врата сокровенной женственности [«самки», *пинь*] - корень Неба и Земли»), Возвращение к корню означает возвращение к Дао как источнику жизненности (*мин*) и обретение вечной жизни. Однако этого достичь чрезвычайно трудно, лишь незначительному числу людей это удавалось. При этом они, как правило, оставались в неизвестности, тогда как шарлатаны и невежды пользуются громкой славой.

Стиху соответствует гексаграмма «молния» (*чжэнь*), состоящая из двух триграмм *чжэнь*.

у Е близким передал умение делать мечи,

Уравновешены мягкость
и твердость металла, воды,
и завершен меч Мо-е.
Кого бы ни встретил владелец меча,
намеренья все он знает;
Нежить на тысячу *ли* вокруг
ударом молнии сражена.

Согласно комментарию Се Дао-гуана, данное четверостишие является метафорой создания киноварного эликсира.

Оу Е полулегендарный оружейный мастер эпохи Чунь-цю, создавший меч Мо-е (Мо-се), обладавший исключительными и почти сверхъестественными качествами, рецепт изготовления которого он будто бы передал потомкам. Его изготовление предполагало доскональное понимание принциповковки и плавки, использование твердости и мягкости. Здесь речь идет о духовном мече, сделанном не из металла, а из пневм *инь* и *ян*. Однако, судя по тексту Чжан Бо-дуаня, можно предположить и то, что здесь говорится лишь об *гсньных* пневмах (*инь ци*) металла и воды. Как уже говорилось, внутренняя алхимия использует *инь ци* для создания бессмертного тела, состоящего уже из одной лишь чистой пневмы *ян* (*чунь ян*).

Впрочем, из комментария Дун Дэ-нина следует, что в данном случае под металлом нужно понимать не стихию «металл», а пневму (*ци*) вообще: подобно тому, как меч делается из металла посредством переплавок иковки, так же и бессмертный зародыш выплавляется в киноварном поле из пневм тела адепта.

Владение мечом Мо-е дает его хозяину ряд преимуществ; по учению даосизма, выплавление эликсира наделяет адепта сверхъестественными способностями и силами экзорциста.

Стиху соответствует гексаграмма «сосредоточенность» (гэнь), состоящая из двух триграмм *гэнь*.

Б

ью в бамбуковый барабан,
 черепаху зову нефритовый гриб проглотить;
 Ударяю по струнам цитры,
 призываю феникса выпить скипетр-нож.
 Когда проникнут в тело мое,
 появится блеск золотой, Но
 не следует с профанами рассуждать
 о принципе этом вовсе.

Игра, на бамбуковом барабане и цитре символизирует привлечение *инь ци* и *ян ци*, соответствующих по сродству видов игре на этих инструментах. Бамбук в даосизме также является символом опустошения сердца. Черепаха — символ севера, стихии воды и, таким образом, зрелой *иньной* пневмы, черного свинца. Призывание черепахи, глотающей продлевающее жизнь снадобье — «нефритовый гриб» (*юй чжи*), символизирует соби́рание в теле адепта *инь ци* для создания эликсира.

玉芝

Феникс, напротив, является символом юга, стихии огня и зрелой *янной* пневмы, красной ртути. Призывание феникса, пьющего снадобье долголетия (*дао гуй*) «скипетр-нож», по одним комментариям — название снадобья, по другим — указание на малую дозу, достаточную для достижения эффекта от его приема), символизирует соби́рание зрелого *ян ци* в теле адепта и сплавление его с *инь ци* черепахи. После обретения бессмертия тело адепта преобразуется, трансформируется, приобретая сверхъестественные качества и золотой блеск. Сияющий круг также появляется перед глазами адепта в конце занятий внутренней алхимией. Но все это, заверяет Чжан Бо-дуань, эзотерические тайны, недоступные профанам.

刀圭

Стиху соответствует гексаграмма «течение» (*цзянь*), состоящая из триграмм *гэнь* и *сюнь*.

Если пневмы родственных видов
в снадобье сошлись,
будет закончен образ;
Если Путь-Дао в тончайшей своей тиши —
самоестественность пребудет в гармонии.
Если одно лишь зерно
одушевленного эликсира
проглочено и попало в живот,
Значит, пойму я сразу, что жизненность отнюдь
не исходит от Неба.

Субстанции, переплавляемые в процессе внутренней алхимии, являются «спермой» (*цзин*), точнее - энергией, овеществлением которой является сперма, пневмой (*ци*) и духом (*шэнь*). Слово «пневма» в данном случае употребляется в особом терминологическом значении, т. к., строго говоря, и сперма, и дух являются модификациями пневмы-ум. Соединение этих пневм, субстанций родственных видов ведет к созданию условий для зачатия бессмертного зародыша. Однако манипуляции с ними относятся только к «совершенствованию жизненности» (*сю мин*), телесности и являются «деянием» (*ю вэи*). «Тончайшая тишь» (*си и*) — выражение, восходящее к чжану 14 «Дао дэ цина»>: «Смотрю на него и не вижу, — именую его тончайшим (*и*). Слушаю его и не слышу, -- именую его тишайшим (*см*). Хватаю его и не могу удержать, -- именую его неуловимым (*вэи*)». Традиционно эпитеты *и* *си* означают неоформленность, безвидность и сокрытость Дао-Пути в его отсутствии. Приобщение к его покою и «самоестественности» (*гэи жань*) посредством созерцания охватывает уже «совершенствование природной сущности» (*сю син*) и относится к «недеянию» (*у вэи*). Таким образом, первые два стиха четверостишия кратко описывают две стороны даосской практики как дополняющие друг друга и основывающиеся на даосской онтологии (Дао-сокровенное, *у вэи*, возвращается к себе).

«Зачатие зародыша» в киноарном поле (или создание «одушевленного эликсира» -- *лип дань*) приводит, согласно Чжан Бо-дуаню, к «возвращению к жизненности» (*фу мин*), коренящейся в самом человеке и восстановленной волей самого человека, а не Неба. Несмотря на явное расхождение здесь с неоконфуцианством, именно в этом пункте заметно влияние даосизма на его формирование (в особенности в сфере терминологии). Обретение бессмертия приводит к единению адептов с «Сердцем Неба» (*тянь синь*) ср. «сердце Дао», *дао синь* неоконфуцианства) и с Дао-Путем, определяемым как «Небесный принцип» (*тянь ли*). Видимо, общее развитие идеологии в период Сун было направлено в одну и ту же сторону и создание неоконфуцианства Чжу Си как бы подвело итог идейному брожению этого периода.

Стиху соответствует гексаграмма «невеста» (*гуй мэи*), состоящая из триграмм *дуй* и *чжэнь*.

希夷

靈丹

復命

天心
道心
天理

Это четверостишие *еще* раз подчеркивает внутренний характер алхимии Чжан Бо-дуаня, которая здесь провозглашается сущностью учения всех бессмертных, древней эзотерической традиции. Успех во внутренне-алхимическом делании зависит не от сроков и обстоятельств, а от правильности силы концентрации, равно как и умения питать природную сущность. Тогда дело создания совершенного бессмертного зародыша, рдеющих золота и киновари можно свершить и за один день.

Стиху соответствует гексаграмма «изобилие» (фэн), состоящая из триграммой и чжэнь.

Р

реющие золото и киноварь
можно за день завершить,

Если почтительнейше внимать
древних бессмертных ученью.

Кто говорит: нужно девять сроков
или три года для этого,

Те лишь растягивают срок, время растрчивая.

совершенствовании великого
снадобья

легкое есть и трудное;

Следует знать, что исходит от нас,

а что исходит от Неба.

Если силы свои не собрал,

чтоб скрытое Благо-Дэ утвердить, То
бесов толпы в движенье придут,
препятствия станут чинить.

Истинный путь к бессмертию, учит Чжан Бо-дуань, состоит в создании внутреннего «великого снадобья» {да яо~}. Однако в этом процессе помимо его двухсоставности, отмечавшейся ранее (природная сущность и жизненность), есть и еще одна двойственность: это процессы, подвластные самому человеку, и процессы, проистекающие от Неба (Дао). Например, человек может посредством созерцания выпрямлять свое сердце, питать природную сущность, но она сама дарована ему Небом (см. выше многократно отмечавшиеся пункты сближения с преднеоконфуцианскими и неоконфуцианскими концепциями). Эта дуальность оборачивается двойственностью алхимического и этического. Бое алхимические упражнения тщетны, если до этого человек не развил своих благих качеств, выявив в них свою дарованную Небом природу. Таким образом, этическое совершенствование, упражнения в выявлении гуманности и Блага-Дэ должны предшествовать собственно алхимической практике, которая в противном случае может привести адепта к краху и гибели (нападениям бесов и демонов). Сам принцип приоритета этического отмечается уже в «Баопу-цзы», где совершение добрых дел является необходимым условием обретения бессмертия и гарантией права приступить к плавке эликсира, но в полной мере он развивается именно в медитативной традиции внутренней алхимии с ее упором на интроспекцию и созерцание.

Стиху соответствует гексаграмма «странствие» (люй), состоящая из триграмм *гэнь* и *ли*.

Ч

лены триады вселенской

извечно грабят друг друга:

мгновенье вкуси —

Пружина Дао-Пути и Дэ-Блага

святых бессмертных такова.

В умиротворении мириады превращений,

в упокоении всякая мысль;

Сотня костей пребывает в норме —

не-деяния доказательство здесь.

Все это четверостишие представляет собой видоизмененную цитату из «Инь фу цзина» («Книги о единении сокрытого») — подробнее см. комментарий к 38(22). В «Инь фу цзине» говорится: «Небо и Земля грабители всего сущего, все сущее грабитель человека, человек — грабитель всего сущего. Трое грабителей пребывают в согласии, и вселенская триада умиротворяется. Поэтому говорится: вкуси свое время, упорядочь свои кости. Двинь свою пружину, и мириады превращений умиротворятся».

Здесь подчеркивается даосское учение о единстве и взаимосвязи всего сущего. Все в космосе существует за счет другого, как бы «ворует» его бытие. Весь космос представляет собой единый, организм, где ничто не является самосущим, сущим «в себе и для себя». Все сущее рождается благодаря пневмам *инь—ян* Неба и Земли. Человек использует все сущее как для удовлетворения жизненных потребностей, так и как материал для своей производственной деятельности.

В свою очередь, все сущее также ворует энергию человека. Таким образом, космическая триада китайской философии оказывается Тремя Грабителями и их гармония гармония Вселенной. Иероглиф *ши*, «съесть», «вкусить», объясняется обычно как *сы*, «вскармливать», «выращивать». Если человек вкушает (в самом широком смысле) в подходящее время, то его организм здоров и кости упорядочиваются. Правильное использование космического ритма для достижения поставленной цели (в даосизме -- бессмертия) является вкушением в должный момент. Человек как бы крадет у природы ее силы для собственного блага, «плывет по течению природы в нужном направлении». Это еще раз подтверждает, что древнедаосский принцип (*у вэй*) отнюдь не противоречит мировоззренческим установкам позднего даосизма. Это же относится и к внутренней алхимии, адепт которой использует протекающие в организме процессы для создания нового бессмертного тела.

Стиху соответствует гексаграмма «проникновение» (сюнь), состоящая из двух триграмм *сюнь*.

食
飼

«Книга о единении сокрытого» «Инь фу цзин» - - см. выше, ее объем - - 447 или (краткая версия) 370 знаков. Пять тысяч духовных писем «Книги о Дао-Пути и Дэ-Благе» - «Дао дэ цзин» (5 000 знаков). Оба текста почитались, в даосской традиции как книги высшего откровения, восходящие к Хуан-ди и Лао-цзы. В традиции внутренней алхимии трактовались символически как тексты по ее методологии, правильное понимание которых -- ключ к собственно алхимической практике.

Стиху соответствует гексаграмма «радость» (дуй), состоящая из двух триграмм дуй.

В

«Книге о единении сокрытого»

больше трехсот драгоценных знаков;

В «Книге о Дао-Пути и Дэ-Благе»

пять тысяч духовных писем.

С древности до настоящего времени

бессмертных, взошедших на Небо,

число несчетно,

Все они черпали понимание истины

из этих творений всегда.

Если даже обильная мудрость твоя
 превосходит познания Яня и Миня,
 Все же, не встретив истинного учителя,
 полного негде достичь понимания.
 Если у тебя есть только лишь
 канонические книги искусства киновари, а
 устного наставленья ты лишен,
 Кто ж научит тебя,
 как зачать духовный зародыш?

Весь данный стих посвящен одной теме — важности передачи традиции непосредственно от постигшего Дао учителя. Сколь бы ни были важны канонические тексты, такие как «Дао дэ цзин» и «Инь фу цзин», о которых говорится в предыдущей главе, однако их учение становится действенным лишь в применении к конкретным наставлениям учителя, не фиксируемым ни в каких текстах. Из этого, в частности, следует подтверждение предположения о методологическом характере даосских философских сочинений, содержание которых не противоречит даосской религиозной практике, а скорее является общей теорией последней.

Упомянутые в стихе (первая строка) Янь и Минь — ученики Конфуция: его любимец Янь Хуэй и Минь Цянь-цзы.

Стиху соответствует гексаграмма «раздробление» (*хуань*), состоящая из триграмм *кань* и *сюнь*.

ледует до конца уяснить
 обезьяны-сердца в вершок пружину;
 Соверши три тысячи дел благих —
 и с Небом тогда сравнишься.
 Самоестественность треножником владеет,
 где можно варить дракона и тигра;
 Зачем же привязанным быть к семье,
 любить сыновей и жен?

Данный стих посвящен даосским методам психотехники достижению особых просветленных состояний сознания. В китайской религиозно-философской традиции сердце — не столько орган, сколько синоним сознания. Первоначально сердце рассматривалось как некий мыслящий орган, расположенный в центре груди, причем орган прежде всего именно сознающий, мыслящий, а не чувствующий. Подобного рода взгляд на сердце характерен для очень многих культур: Китая, Индии («Этот атман в сердце (*хридайя*) моем...» - «Упанишады») и Средиземноморья (ср. «умную молитву» исихастской традиции в православии, предполагающую низведение ума в сердце). Позднее в Китае словом «сердце» (сми) просто стало обозначаться сознание, что хорошо видно по буддийским переводам, где этим словом передаются санскритские термины *चितта* (психика) и *нама*, (психическое, в оппозиции *нама—рупа*, «имя и форма», «психическое и физическое»),

В позднем даосизме, в котором под буддийским влиянием бессмертие все в большей степени начинает восприниматься как особое состояние сознания, его пробуждению, медитативным методам, созерцанию начинает придаваться все большее внимание. При этом следует отметить, что и практика «совершенствования жизненности» (сю *мин*) также предполагала медитативное углубление и созерцание движения пневмы (*ци*) по тем или иным каналам тела, поскольку в соответствии с даосской теорией *ци* следует за мыслью (*и*).

В данном стихе просматривается и связь между даосской психотехникой и этикой. По существу, в данном стихе повторяется тезис, изложенный еще в «Бао-пуцзы», согласно которому совершение трех тысяч добрых дел без какого-либо дурного (оно сразу аннулирует все результаты благих поступков) является необходимым предварительным условием практики достижения бессмертия. Здесь о добрых делах говорится как о предпосылке «уравнования с Небом» (*ци тянь*~), то есть о достижении исконного прежденебсного состояния.

На данном этапе процесс варки дракона и тигра (истинных ртути и свинца) должен протекать совершенно естественно, без каких-либо усилий.

В заключительной строке Чжан Бо-дуань вновь говорит о большей цельности пути даосского совершенствования по сравнению с мирскими ценностями (см. 1-й стих I части).

Стиху соответствует гексаграмма «ограничение» (гре), состоящая из триграмм *дуй* и *кань*.

意

齊天

Н

е выплавившие перегнанную
киноварь

должны быстро ее выплавлять.

Если ее переплавили, начали перегонять —
знать надо, когда пора прекратить.

Если намеренья ты не оставил
держаться за полную мощь,

Не избежать тебе однажды встречи
со смертным позором.

/

Вначале Чжан Бо-дуань вновь призывает людей стать на путь даосского совершенствования, внутренней алхимии. Для мужчин, согласно даосизму, лучшее время занятий ею -- возраст от 16 до 56 лет, а для женщин — от 14 до 49 лет, т. е. возраст, когда жизненная сила созрела, дошла до своего расцвета и не пришла еще в старческий упадок.

Далее Чжан Бо-дуань вновь ставит вопрос о важности знания момента прекращения использования огня (*хо хоу*), т. е. дыхательных упражнениях, выполняющих во внутренней алхимии те же функции, что физический огонь во время занятий лабораторной алхимией.

Согласно даосской теории, огонь следует останавливать в двух случаях: 1) когда только что в *дань тянь* собраны пневмы - - ингредиенты снадобья бессмертия и 2) когда бессмертный зародыш полностью созрел, обрел полную мощь. Продолжение использования огня и в том и в другом случаях приведет к разрушению эликсира и к полной неудаче в поисках Бессмертия.

Данному стиху соответствует гексаграмма «внутренняя правда» (*чжун фу**), состоящая из триграмм *дуй* и *сюнь*.

ледует знать, что двери,
ведущие в смерть,
ведут также и в жизнь;
Однако не смей утверждать совсем,
что можно назвать жизни врата
смерти вратами.
Если встретился ты с убиеньем Пружины,
понял, отчего переворачивается все, I о начал ты
понимать, конечно,
что милосердие рождается во зле.

Ш

Данный стих достаточно сложен и обладает несколькими планами. Вначале приводится распространенное высказывание, цитируемое в знаменитом эротическом романе «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе», XVI в.) и приписывающееся даосскому бессмертному Цзунли Цюаню: «Врата, через которые я в жизнь пришел, являются вратами смерти также». Здесь имеется в виду женское лоно и дающее жизнь, и отнимающее ее из-за растрачивания жизненной силы во время полового акта. Это высказывание предполагает и характерное для мифологического мышления отождествление материнского лона и могилы: ср. инициационные ритуалы, во время которых посвящаемый переживает символическую смерть и погребение, за которыми следует новое рождение-воскресение.

С другой стороны, «вратами смерти» (сы *осу*) называется область нижнего *дань тянь* — «море пневмы» (*ци хай*), через которую проходит овеществляемая в виде спермы жизненная сила перед тем, как истечь и сократить таким образом жизнь человека. «Врата жизни» (*шэн мэн*) -- ноздри и рот, через которые человек получает с дыханием жизненную энергию.

И наконец, космологически *ян* (жизнь) постоянно порождает *инь* (смерть), а *инь*, в свою очередь, порождает *ян*.

Две последние строки стиха представляют собой видоизмененные цитаты из «Инь фу узина»:

1) Стоит Небу проявиться, убивая Пружину (Дао, естественный и должный миропорядок, норма), -- и перемещаются звезды, меняются местами созвездия. Стоит Земле проявиться, убивая Пружину, — и выползают на сушу драконы и змеи. Стоит Человеку проявиться, убивая Пружину, — и Небо и Земля переворачиваются. Стоит Небу и Земле проявиться в гармонии, — и мириады превращений утверждаются окончательно.

2) Жизнь — корень смерти. Смерть — корень жизни. Милосердие рождается во зле. Зло рождается в милосердии. Ср. в русской культуре:

Над водами, стихнувшими в безмятежности
Вечера ясного, бродит туман. В последней
жестокости есть капля нежности И в Божией
правде Божий обман.

3. Н. Гунтуц

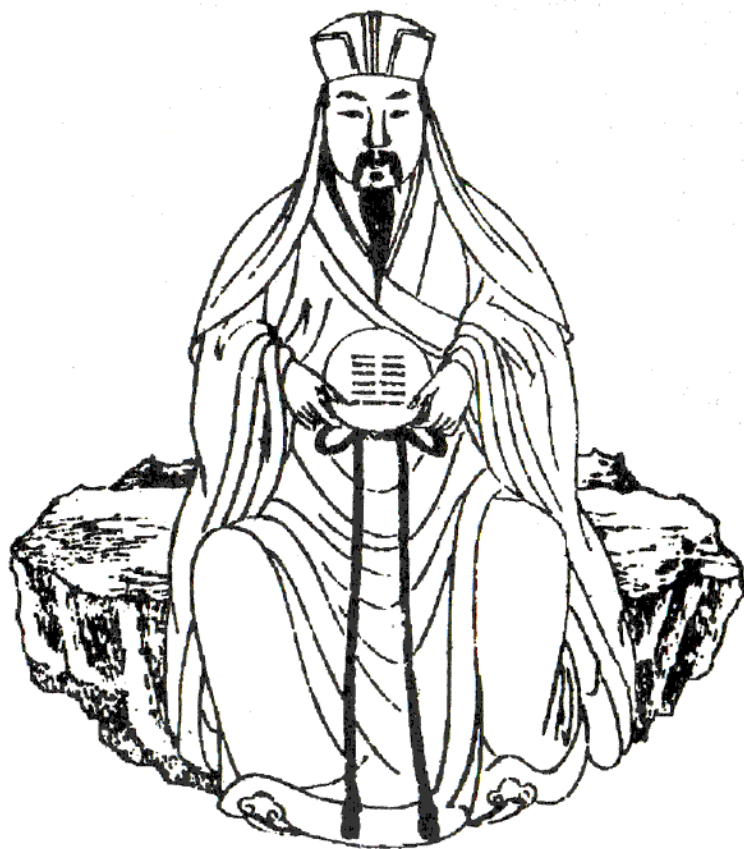
死戶
氣海
生門

Обилий смысл стиха: человек, практикующий внутреннюю алхимию, должен понять принципы чередования *инь—ян*, познать механизм функционирования микрокосма и, повернув вспять его направленные к смерти процессы, достичь бессмертия.

Стиху соответствует гексаграмма «переразвитие малого*» (*сяо го*), состоящая из триграмм *гэнь* и *чжэнь*.

е счастье и счастье —

опора друг друга,
одно сокрыто в другом;

Одно за другим идет неизменно,
словно за телом тень.

Если ты сможешь перевернуть
Пружину жизни и смерти,

Немедленно в схваченном произойдет
перемена, из горя творящая счастье.

Данное стихотворение совершенно отчетливо, прямым текстом объясняет суть изощренного предыдущего стиха, утверждая, что задача внутренней алхимии — превращение смерти в бессмертие пониманием принципов протекания микрокосмических процессов и их переворачиванием.

В первой строке скрыта цитата из чжана 58 «Дао дэ цзина» («Горе — опора счастья, счастье — опора горя»), неоднократно цитировавшаяся в памятниках китайской литературы (см., например, оду поэта III-II вв. до н. э. Цзя И «Птица смерти»).

Стиху соответствует гексаграмма «уже конец» (*gǔ zhi gu*), состоящая из триграмм *ли* и *кань*, символизирующая гармоническое сочетание посленесных *ян ци* и *инь ци* (гексаграмма с полной уместностью черт),

С

овершенствуйся,
в хаос привычки смешав,
так умеряя блеск;

Круглое круглым пусть будет всегда,
квадратное будет квадратным.

Ясность и мрак восстают
из непостижимого для человека;

Как научить мне людей понять,
как им узреть и действие, и покой.
как им узреть и действие, и покой.

Это заключительный стих II, основной и самой большой по объему, части «Глав о прозрении истины».

ЭД Первая строка содержит намек на чжан 4 «Дао дэ цзина»: «Притупи свою остроту, освободи свои пути, умерь [дословно: «гармонизуй», хэ] свой свет, воссоедини свои пылинки». Речь здесь идет о своеобразном смирении, заключающемся в преодолении ограничений индивидуальности и индивидуалистических мотиваций в стремлении к единению с универсумом.

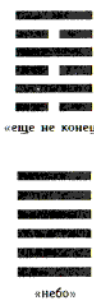
Эта же идея развивается и ниже: «Пусть ваше "да" будет "да", а ваше "нет" - "нет", а что свыше того, то от лукавого». Этот стих (круглое — просто круглое, квадратное — просто квадратное) по видимости противоречит изощренному релятивизму предшествовавших стихов, а в действительности дополняет его подобно «голубиной простоте», дополняющей «змеиную мудрость».

Круглое — символ Неба, Дао и ян. Квадратное - символ Земли, Дэ и инь.

Чжан Бо-дуань призывает здесь к полной гармонии, равновесию между движением и покоем, инь и ян и т. д.

Стиху соответствует гексаграмма, являющаяся как бы зеркальным отражением предыдущей, отвечающая зеркальности содержания двух стихов. Это гексаграмма

«еще не конец» (*оэи гри*) с полной неуместностью черт. Она завершает круг развития гексаграмм, их цикл и как бы из своей внутренней неустойчивости дает начало новому циклу, рождая первую гексаграмму «небо» («творчество», *гуиь*), состоящую из одних *янных* черт. Цель внутренней алхимии, таким образом, достигнута. Тело, состоящее из чистых прежденебесных пневм *ян*, создано, и бессмертие обретено.

悟真篇卷下

Главы о прозрении истины

Часть третья

В одежде зеленые облечена девица,
А юноша в шелк белый облачен. Нельзя
использовать видимое, В туманном и
смутном они столкнулись, Во мрачной пучине
превращение свершено. Взметнулся
мгновенно огня язычок, Совершенный
человек сам появился.

悟真篇正義卷下

會稽元真子董德寧註

五言四韻一首

女子著青衣。郎君披素練。見之不可用。用之不可見。恍惚裏相逢。杳冥中有變。一霎火焰飛。真人自出現。

女子著青衣者。離爲中女。木之色青。著衣者。服衣於身也。此乃砂中汞之象。以砂屬離火。而汞屬震木也。郎君披素練者。坎爲中男。金之色白。練。素縗也。披練者。荷練於體也。此爲鉛中銀之象。以鉛屬坎水。而銀屬兌金也。見之不可用者。謂有形質之物。是後天之鉛砂也。用之不可見者。謂無形質之藥。乃先天之金汞也。恍惚者。陽初動之象。而心覺恍惚。乃真鉛已生。此時可以運用烹煉。故謂之恍惚裏相逢也。杳冥者。陰極靜之意。而身如杳冥。乃真汞已生。此際是後天復先天。故謂之杳冥中有變也。一霎者。剎頃刻也。真人者。即丹頭也。言有此杳冥恍惚之象。即當運動火符。採取鉛汞藥物。入於黃庭之中。則丹胎凝結。是謂真人出現矣。此章總述藥物之作用。以及結丹之功效如此耳。

西江月

Данный стих открывает III, заключительную часть «Глав о прозрении истины», состоящую из девятнадцати стихотворений. Первый стих символизирует субстанциональное единство всего сущего. За ним следуют двенадцать стихов нерегулярного типа (жанр *цы*, «романса»), символизирующие двенадцать месяцев года. Далее выделяется еще один стих в том же жанре, символизирующий дополнительный, високосный месяц. Завершают «Главы о прозрении истины» пять стихов в жанре «оборванных строк» (*грюэ цзюй*), четверостиший, символизирующих пять первоэлементов.

Обратимся к анализу первого стиха.

Девушка, одетая в зеленые (*цин*) одежды, — обозначение ртути, скрытой в киновари. Киноварь в традиционной алхимической символике соотносится с первостихией «огонь» и триграммой *ли*. Ртуть — это «дерево*» и триграмма *чжэнь*. Символический цвет дерева — зеленый. Таким образом, речь здесь идет о незрелой пневме *ян*, скрытой в сердцевине более полной *янной* пневмы.

Юноша, одетый в белое, — серебро, скрытое в свинце. Свинец соотносится с водой и триграммой *кань*, а серебро — с металлом и триграммой *дуй*. Символический цвет металла — белый.

То, что видимо, но не используется, это обладающие материальной овещественностью наличные вещи, то есть посленебесные ртуть и серебро, незрелые *ян ци* и *инь ци*.

Невидимое, но используемое — невещественное и неоформленное пневменное снадобье бессмертия, прежденебесные металл и ртуть.

«Туманное и смутное» (*куан ху*) — космологический образ «Дао Аэ цина» (чжан 21), обозначавший здесь не первоначальный хаос, а перводвижение *янных* пневм. «Когда самосознание [«сознание сердца» *синь грюэ*] погружено в туманное и смутное, тогда и рождается истинный свинец», — говорит комментатор «Глав о прозрении истины» Дун Дэ-нин. Тогда, по учению внутренней алхимии, становится возможной его плавка, во время которой он соединяется с истинной ртутью, встречается с нею.

«Мрачная пучина» образ первопокоя *инь*. Само тело уподобляется Мжан Бо-дуанем космологическому мраку отрицательной пневмы. И когда этот

покой тела обретается, рождается истинная ртуть, переходящая из посленебесного в прежденебесное состояние. Это и есть превращение в мрачной пучине.

Язычок пламени — видимо, сгусток чистой пневменной энергии, пробивающийся через точку на макушке головы адепта (*бай хуэи*) в момент рождения бессмертного зародыша, его первого выделения из старого, грубого тела в качестве нового тела адепта. В литургической символике выступает как навершие на головном уборе священнослужителя.

«Совершенный человек» — здесь целостный киноварный эликсир, сформированный из собранных в качестве ингредиентов снадобья и введенных в средний *дань тянь*, «желтый двор», свинца и ртути, из которых и сгущается киноварный зародыш, «совершенный человек» (*чжэнь жэянь**).

Данный стих в целом говорит о роли ингредиентов снадобья и эффективности зачатия бессмертного зародыша.

百會

真人

Луна над Западной рекой

Снадобье внутреннее в своих
 перегонках
 подобно внешнему снадобью,
 Внутреннее во внешнее проникает,
 внешнее - - непременно во внутреннее.
 Когда эликсиры лишь появились,
 мир и гармонию обретут,
 тогда становится ясно,
 что подобны они по родству;
 Их согревающие и питающие свойства —
 оба играют свою роль.
 Во внутреннем есть
 небесно-естественный истинный огонь, В
 печи алеет и рдеет растущая краснота.
 Чтобы снаружи печи неустанно
 огонь прибавлять, убавлять,
 силы нужны и усердье неложное
 Ничто не превзойдет
 по тайности великой истинное семя.

*

Данный стих является первым из стихов, написанных в жанре *цы* на мотив «Луна над Западной рекой»* (*си грян* «7э»).

Под внешним снадобьем здесь имеется в виду эликсир, составленный из после-небесных пневм, получаемых извне посредством дыхательных упражнений. Внутреннее снадобье эликсир, составленный из прежденебесных пневм посредством направляемого мыслью движения всегда присутствующих в теле энергий «изначальной гармонии» (*юань хэ*). Несмотря на акцидентальное различие этих двух типов пневм, субстанционально они едины, что и позволяет говорить Чжан Бо-дуаню об их подобии — «тождественности» (*тун*). Прежденебесные и невмы вводятся в треножки и печи (киноварные поля), составленные, в свою очередь, из чистых, первичных *янных* и *иньных*. пневм *цян* и *кун*, я посленебесные пневмы как бы окутывают их снаружи, что образует гармонию и взаимодополняющую согласованность этих двух типов пневм. При этом внешнее снадобье ответственно за создание киноварного эликсира (*дань*), а внутреннее - - за зачатие бессмертного зародыша, происходящее при их соединении с киноварным эликсиром. Этот прием внутренней алхимии теоретически обоснован Мжан Бо-дуанем на основе классической китайской концепции сродства видов (*тун язи*). «Согревающие и питающие свойства» (*вэнь ян*) заключаются в согревании внешнего снадобья при его собирании и создании киноварного эликсира, а также введении в киноварное поле киноварного зародыша и подогревании (варке) его посредством дыхательных упражнений. Эти два типа согревания и питания различны. Киноварный эликсир, создающийся из внешнего снадобья, обволакивает треножник и печь спереди и сзади, с востока и запада. Круговой огонь, поддерживающий алхимический процесс, обтекает печь вначале слева, а потом справа, производя разделение на хозяина и гостя.

Внутреннее — вместилище «пещера пневмы» (*ци сюэ*~), содержащее в себе небесно-естественное (*тянь жань*~) истинное *ян*, а в печи (*дань тянь*~) возрастает другой тип огня — красный огонь. Регуляция активности этих двух типов огня необходима для правильного созревания зародыша. Эта регуляция предполагает взаи-

西江月

元和

溫養

氣穴

真種

мосогласованность и взаимодополняемость двух типов огня: как используемого в самой печи, так и вне ее.

«Истинное семя» (*чжэнь чжун*) — «бессмертный зародыш» (огнь *тай*), порождаемый соединением-сгущением «трех вещей» (*сань у*), -- см. выше. Однако здесь текст делает упор на согласованности внешнего (киноварный эликсир) и внутреннего (прежде небесные пневмы) для его зачатия и взращивания зародыша.

то Дао-Путь совершенно духовно,
в совершенстве мудростью обладает;

Я скорблю, что разделишь ты слишком
скудно,
трудно будет растворенья добиться.

Если в гармонию ты
приведешь ртуть и свинец,
то еще до конца утра

Предзнаменования узришь
формирования жемчужины сокровенной.

Если ученый волю направит к цели
и эликсир выплавлять начнет,

Что помешает ему даже в городе шумном,
даже если при дворе служит он?

Ведь очень легко обрести снадобье,
зачем же ходить далеко?

Если иное поведают люди,
смейся над ними громко.

Данный стих не нуждается в особых комментариях. Здесь Чжан Бо-дуань повторяет несколько своих излюбленных тезисов:

1) предложенный им путь самосовершенствования является наивысшим и совершеннейшим;

2) несмотря на это (а точнее -- благодаря этому), он легко осуществим и высоко результативен при условии наличия у практикующего должных благих качеств, ума и воли; «сокровенная жемчужина» (*сюань чжу*) — первообраз бессмертного зародыша (подробнее см. комментарий к стиху 5);

3) все необходимое для совершенствования находится в самом человеке, и никакие внешние условия не могут ни положительно (отшельничество), ни отрицательно (жизнь в городской суете, служба) повлиять на устремленного к цели адепта, не могут ни способствовать, ни препятствовать процессу внутренней алхимии. Всякий же думающий иначе и придающий значение внешним обстоятельствам человек достоин осмеяния.

Б'елый тигр, безусловно,
первейшая, высшая драгоценность;

В цветочном пруде, в духовной воде
истинное золото сокрыто.

Поэтому высшее знающий муж любит выгоду
извлекать из истока глубин,

Не ищет других, не сравнимых с ними,
езде изобильных снадобий.

Если нужно достичь
совершенства девятикратной перегонкой,

Начни с того, что переплавь себя,
придерживаясь сердца.

В срок установленный снадобье собери,
распределяя тонущее и плывущее.

Огонь приблизив, осторожность соблюдай,
чтоб от опасности великой защититься.

靈 汞

«Белый тигр» -- эссенция стихии металла, соотносимая в пространственной символике с западом, истинный свинец. Это первый ингредиент, необходимый для практики внутренней алхимии. «Цветочный пруд» (*хуа чи*) — во внешней алхимии уксусная кислота, или уксус. В традиции внутренней алхимии называется также «изначальным морем» (*юань хай*) и обычно рассматривается как жизненная энергия «моря пневмы» (*ци хай*), т. е. нижней части живота. «Духовная вода» (*шэнь шуй*) -- это «одухотворенная ртуть» (*лип хун*) или «золотой раствор» (*чжэнь цзинь е*) «перегнанной киновари» (*хуань дань*). Это истинные, пневменные ингредиенты внутреннего эликсира, которые не могут быть заменены никакими профаническими веществами и снадобьями. Обычно тексты внутренней алхимии, говоря о духовной воде, ссылаются на чжан 8 «Дао да цзина»: «Высшее благо (*дэ*) подобно воде. Вода делает добро и приносит пользу всем существам и не борется, течет в местах, которые люди не любят, и посему по своей природе она близка к Дао-Пути», усматривая в этом пассаже алхимический смысл.

«Переплавь себя» - - совершенствуй свою пневму - жизненность методами внутренней алхимии. «Придерживаясь сердца» -- т. е. совершенствуя свое духовно-рациональное начало, природную сущность. Чжан Бо-дуань здесь вновь напоминает важнейший принцип даосского совершенствования: принцип одновременного «совершенствования природной сущности и жизненности» (*син мин шуан сю*).

Таким образом, адепт вначале практикует это двойное совершенствование и, руководствуясь естественными закономерностями, вращает пневмы *инь* и *ян* по круговым структурам (*жэнь мо*, *'ду мо*) своего тела, а затем собирает свинец белого тигра и ртуть духовной воды, утверждая хозяина и гостя, плывущее и тонущее (см. выше), выражаемые символикой «И цзина» состояния *инь ци* и *ян ци*, вводя потом эти пневмы в «желтый двор» (*хуан тин*) центра, среднего киноварного поля. Важнейшая задача при этом -- правильное использование огня, который при неправильном применении может разрушить внутренний эликсир (это и есть «опасность великая» данного стиха).

Если нужно, чтобы истинный свинец
оставался вместе с ртутью,

Пусть не расстается подданный с семьей,
живет в кругу родных.

Если дерево и металл друг
от друга отделились,
нет причины им встретиться вновь,

Если при помощи свахи вместе их не свести.

Природа дерева такова,
что оно любит металл,
следуя справедливости.

Чувства металла таковы,
что, проявляя гуманность и нежность,
в дерево он влюблен.

Так друг друга они втягивают, друг друга
поглощают, родство обретая;

Тогда становится ясно,
что мужчина понес во чреве.

信
仁
義

天下母

Искусство внутренней алхимии может быть символически описано как любовь между свинцом и ртутью. Однако их соединение невозможно без посредствующей функции стихии «земля* как центра, воплощающего гармонию *инь* и *ян* (см. выше). Таким образом, ртуть и земля образуют как бы круг родственников, семью, в гармонии с которой должен жить подданный, адепт внутренней алхимии. Функцию свахи в иерогамии металла и дерева (свинца и ртути) выполняет стихия земли («желтая тетушка», *хуан по*), которая по системе космологических соответствий между первоэлементами и этическими нормами (нравственным каркасом универсума в философии неоконфуцианства) соответствует «искренности», «верности» (*синь*). Дереву (ртуть) соответствует «гуманность» (*жэнь*) а металлу (свинцу) - «справедливость» (*и*). Однако взаимное влечение этих двух пневм таково, что они как бы перенимают природу Друг друга, вследствие чего дерево начинает проявлять справедливость, обычно присущую металлу, а металл — гуманность, соотносимую обычно с деревом. Их соотношение также подобно связи между «природной сущностью» (*сын*) и «чувствами» (*цин*). Их любовь приводит к зачатию бессмертного зародыша, зреющего в киноарном поле адепта-мужчины) как в материнской матке. Отсюда и образ беременного мужа, уподобившегося таким образом вечноженственному Дао — «Сокровенной самке» (*сюйнь пинь*), «матери Поднебесной» (*тянь ся му*).

Из чьей семьи прелестница двух и восьми?

В каком месте юноша девяти и трех?

Сами себя называют они
раствором дерева, семенем металла;

Встречаются вместе в стихии земли
и создают тогда три семьи.

К тому же прибегают к помощи
почтенного господина,
дабы ковать и плавить;

Соединяются муж и жена, радостны чувства их.

Водная колесница не смеет
свои колеса остановить,

Мчится вперед, на Куньлунь,
к самой вершине горы.

郎君

Четные числа (два и восемь) символизируют женское начало *инь*, отсюда и образ «прелестницы» (*чаньюи*), которая в контексте данного стиха есть также ртуть (*хун*). Нечетные числа (девять и три) символизируют мужское начало *ян*, выраженное через образ «молодого господина» (*лан цзюнь*), который также является свинцом. *Иньные* пневы внутриалхимической ртути называются иначе «раствором дерева» (*му е*), а *яньные* пневы свинца - «семенем металла» (*цзинь гзин*). Раствор дерева является «божественной водой» (*шэнь туй*) внутренней алхимии, а семья металла - «божественным огнем». Эти две пневы встречаются в последующем центре (земля, сваха, желтый двор) и, соединяясь в иерогамный союз, порождают «трехприродный» (*сань син*) эликсир (см. выше), плод любви этих пневменных супругов. «Водяная колесница» (*кэ чэ*) - «истинная пневма севера» (*бэй фэй чжэн ци*), зрелая *инь*. Подобно тому, как колеса профанической колесницы крутятся по земле, водяная колесница как бы вращает *инь ци* тела адепта, способствуя гармонизации воды и огня в микрокосме его тела. Куньлунь — мифическая гора бессмертных на Западе. Здесь -- макушка головы или верхний (мозговой) энергетический центр, верхний *дань тянь* (также *ни вань гун* - «дворец нирваны»). Общий смысл заключительных строк стиха состоит в том, что после иерогамии ртути и свинца адепт должен использовать движущую силу *инь* (водяной колесницы; точнее, по смыслу данного образа - водяное колесо), чтобы поднять эти энергии на Куньлунь (киноварное поле) и вновь опустить вниз, возвращая в земляной котел среднего киноварного поля, где и зачатся «киноварный зародыш» (*дань тай*).

三性

河車
北方正氣

泥丸宮

[87(7)]

Семь обращений

вермиллион возвращают к корню,

Девять перегонок

золотой раствор обращают к истине.

Зачем период времени считать

от *инь* до *цзы* или от *купь* до *шэн*?

Нужно, чтобы пять стихий

точно свои места занимали.

Корень имеет один вкус —

вкус водяного серебра.

Все вокруг обтекает, все проникает,

проходя через все созвездия.

Инь и *ян* достаточною обладают мерой,

чтоб в сферу божественного

самим проникнуть;

Исходят и входят опять,

как же им отделиться

от Сокооженной женственности?

返本還原

Первые две строки данного стиха переформулируют в алхимическом контексте весьма распространенное в даосских текстах выражение «вернуться к корню, возвратиться к основе» (*фань бэнь осуань юань*). Семерка — число зрелого первоэлемента «огонь», а вермиллион, киноварный порошок, — общее обозначение *яньных* пневм, то есть пневм первостихий дерева и огня. Общий смысл двух первых строк поэтому сводится к возвращению *яньных* пневм к своей собственной природе, естественному состоянию прежденебесного совершенства, предполагающему схватывание огнем свинца и вбирание его внутрь.

Девятка — число зрелого первоэлемента «металл». «Золотой раствор» — эссенция *иньных* пневм стихий металла и воды. Вода дополняет ртуть и опускается вниз, в отличие от огня, поднимающегося вверх. Огонь и дерево обуславливают возвращение адепта к своей изначальной природной сущности, а вода и металл — возвращение к подлинной природе чувств. В результате происходит восстановление прежденебесного состояния всех пневм, соединение первоэлементов и полная интеграция всех энергий и субстанций тела адепта.

В третьей строке Чжан Бо-дуань перечисляет циклические знаки *инь*, *з'ььг*, *кунь* и *шэнь*, намекая на обозначение этими знаками не только отрезков временного цикла, но и точек по ходу кругового движения энергий в теле адепта по каналам *жэнь мо* и *ду мо* (*да чжоу тянь*; *сяо чжоу тянь*).

Чжан Бо-дуань говорит о ненужности излишней детализации внутреннеалхимической практики, для которой достаточно правильного понимания природы первоэлементов и умения использовать их. «Водяное серебро» — с одной стороны, это ртуть, а с другой — нечто совершенно противоположное: *металл*, скрытый в воде, т. е. истинный свинец, в своей субстанциональной основе являющийся «единой пневмой» (*и ци*). «Все созвездия» — здесь имеются в виду три киноварных поля, через которые последовательно протекает истинный свинец во время своего кругового движения по телу адепта. Истинный свинец, обтекая все энергетические центры тела и четыре конечности, соотносимые со сторонами света, приводит к окончательной сбалансированности пневм пяти первостихий и гармонии *инь—ян*,

вследствие чего последние приобретают свою изначальную прежденебесную божественность. «Брата Сокровенной женственности» (*сюоянь пинь чжи мэнь*) — образ из чжана 6 «Дао дэ цзина» (см. выше). Здесь ось, стержень, двигательная пружина алхимического проц са, регулирующая операции с пневмами в ходе внутренней плавки.

玄牝之門

大周天
小周天

一氣

Мужское внутри себя
женское качество содержит;
Истинное *инь*, конечно, семя *ян* обнимает. Два
принципа в гармонии, в согласье —
тогда получится снадобье,
Этим отмечено превращение *по* —
душ животных — в духовность,
хунь — душ разумных — в мудрость.
Верь в единое зерно золота
и киновари Дао-Пути,
Ибо когда змея съест его,
то она становится драконом;
Когда курица проглотит его,
она становится фениксом;
Летят они, вступая в сферу чистоты,
во владения истинного *ян*.

Мужское («петушиное», *стон*), содержащее в себе женственное («куриное», *цзг*), — это образ триграммы «огонь» (*ли* ☲), средняя черта которой (*инь*) заключена между двух мужских, *янных* черт. Это ртуть, скрытая в киновари. *Мнъ*, обнимающее *ян*, — образ триграммы «вода» (*кань*), с противоположным расположением черт; серебро, скрытое в свинце. Их согласие-гармония обуславливает создание «великого снадобья» (*да яо*), в результате трансформаций которой тотальность *инь*, т. е. животные души *по* проникается «одухотворенностью» (*лин*), а разумные души *хунь* достигают «совершенной мудрости» (*шэн*), вследствие чего и сформировывается «бессмертное дитя» (*сянь цзы*), будущее бессмертное тело адепта. Именно «таинственный дух» (*мяо гиэнь*) этого золотого киноварного эликсира *дань* делает адепта истинным, «совершенным» (*чжэнь*) человеком. Он также преображает природу человека, как преображается змея, становясь драконом после приема эликсира бессмертия, или курица, ставшая фениксом. При этом природа человека не меняется субстанционально, а лишь осуществляется, ибо как в змее скрыт дракон, а в курице -- феникс, так же и Каждый человек потенциально является бессмертным святым, тело которого состоит из чистой пневмы *ян*, а обитель которого — «прежде небесные чистоты» (*сянь цин*): «Небо Великой чистоты» (*тай цин*), «Небо Высшей чистоты» (*шан цин*) и «Небо Нефритовой чистоты» (*юй цин*).

妙神

先清
太清
玉清

Н

ебо и Земля бывают
 в положении «упадок» и «расцвет»,
 Утру и вечеру хорошо известны «начальная
 трудность» и «недоразвитость».
 Они подобны спицам,
 соединенным в колесе,
 или водам, стремящимся
 к единому предку;
 Высшая тайна в том, как извлекать,
 пополнять, двигать и применять.
 Если ты обрел Одно, то познал мириады дел;
 Зачем же тогда различать
 юг и север, запад и восток.
 Умали, и тогда вновь умаление, но к прежним
 заслугам относись осторожно;
 К гармонизации драгоценности
 нельзя легкомысленно относиться

«Упадок» и «расцвет» - две гексаграммы «И цзина». Первая из них (*ли*) указывает на максимальную дезинтеграцию пнеvm *инь* и *ян*, поскольку триграмма *кунь* по своей природе стремится вниз, а триграмма *цянь* — вверх, что приводит к их полной разьединенности. Напротив, гексаграмма «расцвет» (*таи*) символизирует противоположное состояние *инь* — *ян*, Земли и Неба, указывая на их максимальное единение. «Начальная трудность» (*чжунь*) и «недоразвитость» (лон) - - третья и четвертая гексаграммы «И цзина», символизирующие промежуточные состояния пнеvm,

Если упадок и расцвет соотносятся с пиковыми состояниями *инь* и *ян*, зимой и летом, полночью и полуднем и т. д., то гексаграммы «начальная трудность» и «недоразвитость» символизируют их промежуточные состояния (утро и вечер, весна и осень и т. д.). В контексте данного стиха эти гексаграммы символизируют всю полноту трансформаций *инь* и *ян* в процессе внутреннеалхимических пнеvmных метаморфоз, выступая своего рода осью колеса алхимических трансмутаций, стрежнем пути киновари. Полная интеграция пнеvm как раз и описывается здесь Чжан Бо-дуанем как слияние воедино четырех вышеупомянутых триграмм, подобно рекам, сливающимся в море. И это слияние, в свою очередь, достигается благодаря извлечению, пополнению, движению и применению свинца и ртути.

Под Одним здесь имеется в виду «золотая киноварь» (*цзинь дань*), микрокосмический и алхимический аналог космологического «Великого Предела» (*тиши гри*), недифференцированной пнеvm. Данная строка представляет собой видоизмененную цитату из «Книги Желтого двора» («Хуан тин цзин»), гласящую: «Р.сли ты можешь блюсти Одно, то все мириады дел исчерпаны». Вариант -- 18-я глава «Баопу-цзы» Гэ Хуна: «Для знающего Одно нет ни одной непознанной вещи, а для незнающего Одно нет ни одной познанной им вещи». Создание золотого киноварного эликсира как будущего бессмертного тела делает сразу же излишним дальнейшее использование огня и какие бы то ни было операции с состояниями пнеvm, пятью первостихиями, здесь ассоциируемыми со сторонами света. Следующая строка содержит намек на чжан 48 «Дао дэ цзина»: «Обучающийся день ото дня возрастает, следующий Дао день ото дня умалется. Умали и вновь умали, так и достиг-

нешь недеяния. Недеяние -- и нет ничего не содеян ного». Когда эликсир создан, применять огонь (дыхательные упражнения) больше не нужно, не нужны и движения пневм по кругам каналов *ду мо* и *жэнь мо*. Все это должно быть умалено для вскармливания драгоценности жизненности золото-киноварного эликсира.

Зима в разгаре,

но появляется сила *ян*
в гексаграмме «возвращение»,
три декады прошли,
одна сильная черта прибавилась.

В месячном цикле «возвращение»
наступает утром первого дня,

Далее можно видеть,
как кончается срок «неба» и
появляются знаки,
предвестники «встречи».

И даже день разделен на зиму и лето;
В полночь в «возвращении» рождается сила *ян*.
В полдень приходит время «встречи», и одна
слабая черта означает рождение *инь* |
Человек, выплавляющий снадобье,
также знать должен утро и ночь.

возвращение

Согласно традиционной китайской календарной символике, периоду, приходящемуся на время зимнего солнцестояния, соответствует гексаграмма «возвращение»* (*фун*), одна сильная черта которой символизирует зарождение *ян* в пучинах *инь*, что приравнивается к увеличению светового дня. Далее каждые три декады (*сюнь*), т. е. через каждый месяц, в гексаграмме будет прибавляться одна сильная (*ян*-) черта и к шестому месяцу (период кульминации лета, расцвет *ян*) все *иньские* черты будут заменены на *янские*, после чего начнется (с периода летнего солнцестояния) противоположный процесс замены сильных черт на слабые, знаменуя возрастание *инь*. Гексаграмма «переченение» поэтому противоположна гексаграмме «возвращение»: это пять сильных черт и одна слабая - *инь*, знаменующая начало возрастания отрицательной пневмы и убывания света. В десятом месяце лунного календаря будет полностью господствовать *инь*, что

земля

небо

выражается гексаграммой «земля» (*кунь*), в отличие от противоположной ей летней гексаграммы «небо» (*цян*). После этого вновь следует «возвращение», и цикл повторяется. Этим же языком может быть описан природный процесс (цикл) в течение месяца (по фазам возрастания и убывания луны) и в течение дня (утро, день, вечер, ночь).

Таким образом, нумерологическая символика «И цина» оказывается универсальным средством описания циклических процессов, связанных с чередованием энергетических фаз. Поэтому данная модель I данный язык описания могут быть использованы и для описания микрокосмических процессов, гомоморфны: макрокосмическим. Адепт внутренней алхимии, понимая общие принципы циклического процесса, получает знание о чередовании энергетических фаз в ходе циркуляции пневмы по каналам тела и о нормах соотношения микро- и макро космических фаз. Далее он использует полученное знание для правильного выполнения делания внутренней алхимии.

Если человек не может распознать

пять стихий и четыре образа,

То как ему узнать киноварную ртуть и
свинцовое серебро?

Ему и слышать не приходилось
о плавке эликсира

и времени горенья огня,

Но сразу поднимают они крик

о том, как в мудром уединении живут.

Не устыдив свои мысли в истине,

они совершают ошибку;

К тому же смеют они наставлять,

на дорогу ошибок толкая людей.

Своими заблуждениями они

других всегда проводят там,

где брода нет, —

Так как же можно этот обман долго терпеть?

Самое главное для правильного выполнения внутреннеалхимической процедуры — понимание пневменной природы субстанций, которыми она оперирует, и сведение их к фазам чередования *иньных* и *яньных* модусов единой пневмы, т. е. к пяти первоэлементам. Языком же описания этих процессов являются символы «И цзина», «четыре образа» (*сы сян*), здесь заменяющие выражение *ба гуа* (восемь триграмм). Без этого нельзя ни понять истинной природы ртути и свинца в практике *нэй дань*, ни использовать их. Тем не менее большинство адептов внутренней алхимии остаются профанами, кичащимися своей отшельнической жизнью (Чжан Бо-дуань вновь подчеркивает свое отрицательное отношение к установке на отшельничество как необходимое условие реализации цели и противопоставляет ему идеал правильного знания, правильного метода и правильного применения этого метода). Такие профаны, возлагая на себя миссию учителя, совершают тяжкий грех, не только обманываясь сами, но и вводя в заблуждение других людей, что, согласно автору «Глав о прозрении истины», недопустимо.

Следует упражняться

в Дэ-благе более восьми сотен раз,

Следует тайно действовать,

пока не накопишь трех тысяч заслуг.

Нужно уравновесить,

уравнять вещи и «я»,

родственность и вражду,

Тогда свершится единение

с истоком бессмертных святых.

Когти тигра, рог носорога,

острый клинок тогда вреда не принесу

Трудно будет внезапно огню

дом твой пламенем объят]

Драгоценный амулет снизойдет к тебе,

дабы тебя на Небо возвести,

Спокойно ты сможешь тогда править

запряженной фениксами колесницей.

全真教

Первые строки стиха отражают возникшую в позднетанском даосизме (VIII — IX вв.) и закрепившуюся позднее тенденцию к этизации даосского учения и практики. Полностью эта тенденция выявилась в даосской школе *цюань чжэнь зэяо* («Учение совершенной истины») с XII в., однако и ко времени Чжан Бо-дуаня она достаточно созрела.

功過格

Представление о том, что для достижения бессмертия необходимо совершить определенное количество добрых дел, зафиксировано уже в «Баопу-цзы»; однако только в позднетанский период это нашло выражение в формальной практике. Конкретно речь идет о так называемых «таблицах заслуг и проступков» (*гун 10 гэ*), которые представляли собой как бы сведение дебета и кредита совершенных добрых и дурных дел по особой шкале заслуг, разработка которой приписывается знаменитому даосу Люй Дун-биню, считавшемуся позднее основателем как традиции *цюань чжэнь зэяо*, так и «Пути золота и киновари» (*гринь дань дао*), представленного Чжан Бо-дуанем. 800 и 3000 великих и малых добрых дел -- количество поступков, необходимых в качестве предварительного условия для достижения бессмертия (вариант: 800 добрых дел для земного бессмертия и 3000 — для небесного).

金丹道

Достижение бессмертия предполагает полную гармонию субъекта и объекта, человека и мира, внутреннего и внешнего, *инь* и *ян*. Эта гармония проявляется и в неподвластности адепта каким-либо дурным обстоятельствам. Ставшее же бессмертным тело приобретает качество неуязвимости, как об этом говорилось уже в «Дао дэ цзине», цитата из которого и дана в виде пятой строки стиха (чжан 50). Об этой же неуязвимости и абсолютной защищенности адепта речь идет и в последующих строках.

Таким образом, данный стих посвящен описанию результата алхимической практики, тех благ, которые обретает человек, достигший бессмертия. Ради их достижения Чжан Бо-дуань и призывает адепта сосредоточить разум и напрячь волю. И в этом вновь проявляется отличие даосизма, религии поиска бессмертия и счастья, от буддизма, религии избавления от страданий.

астих и Ткачиха,

чувства свои сливая,
в гармонии с Дао-Путем пребывают;

Черепаша и змея родственны изначально,
следуют Небесной естественности они.

Жаба и ворон встречаются
в день новолуния, соединяясь
в наслаждении своей красотой;

Две пневмы помогают друг другу,
в кружении постоянном находясь.

Все это тайное действие
цянью—«неба» и *кунью*—«земли»,

Кто может проникнуть глубоко
в смысл истинного этого объяснения?

Не смей разделять *инь* и *ян*,
сделать так - - совершить проступок;

Как тогда сможешь ты обрести
вечность Небес, необъятность Земли?

Данный стих вновь повторяет мотив, уже многократно встречавшийся в «Главах о прозрении истины»: для обретения бессмертия, понимаемого как перенос на человека-микрокосма бесконечного долголетия (вечности во времени) как атрибута макрокосма^универсума (вечность Неба, необъятность Земли), необходимо прежде всего достичь полного объединения, интеграции сил *инь* и *ян* в рамках тела адепта как в их зрелых (*цянью*, тсунь), так и незрелых (*ли*, *кань*) формах. Эта идея выражается Чжан Бо-дуанем через использование парных, бинарных символов: 1) Пастух и Ткачиха; 2) черепаха и змея; 3) ворон и жаба. Пастух и Ткачиха — сказочные персонажи, влюбленные земной юноша и небесная дева, разлученные матерью Ткачихи, стремившейся разрушить неравный брак. Разделенные Млечным Путем, Пастух и Ткачиха превратились в две звездочки, встречающиеся только раз в год — в праздничный день 7-го числа 7-го месяца.

Здесь Пастух и Ткачиха -- символы *ян*—*инь*, и их ежегодное свидание — знак единения пневы *ян* и *инь* и восстановление их прежденебесности, единства с Дао. Черепаха и змея — обычный символ севера, т. н. «Сокровенный воин» или «Истинный воин» {с.юань у, чжэнь у~), однако в данном случае также символы *инь*-ных и *янь*-ных пневм. Борон и жаба — символы солнца и луны (так лее, как ворон и заяц — см. II часть, стих 17(2)). Здесь символы акцидентальных, функциональных, производных пневм, обозначаемых триграммами «вода» и «огонь» (*кань* и *ли*) в отличие от субстанциональных пневм «небо» и «земля» (*цянью* и *кунью*). Солнцу (ворону) соответствует триграмма *ли* с ее средней слабой чертой, указывающей на присутствие *инь*, скрытой в *ян*, а луне (жабе) - - *кань* со средней сильной чертой, указывающей на *ЯН* внутри *инь*. Жаба — атрибут лунной феи Чан Э (Хэн Э), супруги мифического культурного героя — стрелка Хоу И, укравшей у мужа эликсир бессмертия.

По некоторым версиям мифа, Ман Э сама была превращена в трехногую лунную жабу за ее проступок. Полная интеграция *инь* и *ян* дает адепту бессмертие универсума — Неба и Земли.

Луна над Западной рекой

Эликсир — высшая драгоценность
чувственного тела.

Плава его, ты совершаешь
бесчисленное число превращений.

Ты сможешь,
над сущностью природной воспаря,
исчерпать учение истинной доктрины,

Постичь тайное действие нерожденности. Не
жди будущей жизни в теле ином,

Сейчас устремись к Дао-Пути,
к духам проникни.

С тех пор как святые Чжунли и Люй
заслугу эту обрели,

Кто после них сумел еще
пройти их далее хотя бы на шаг?

無生

В данном стихе обнаруживается весьма сильное влияние чаньского буддизма, прежде всего проявляющегося в настоящем призыве Чжан Бо-дуаня к достижению бессмертия (в буддизме - просветления) в этом теле, здесь и теперь, а не в одной из будущих жизней. При этом подчеркивается, что бессмертие это не только и не столько продление физического существования, но и достижение принципиально иного онтологического статуса («нерожденность», *у шэн*) и психического состояния, аналогичного буддийской нирване.

龍女

В различных редакциях данного стиха существуют расхождения текстологического характера, некоторые из которых в еще большей степени подчеркивают влияние буддизма. Так, иногда вместо имен бессмертных Чжунли Цюаня и Люй Дун-биня (Чжунли и Люй) пишется <<Драконова дева» (*лун нюй*), т. е. имеется в виду персонаж <<Лotosовой сутры>> («Садухарма пундарика сутра»), дева из *нагов* (волшебных змеев), достигшая состояния Будды. В некоторых редакциях дается и малоподходящее к контексту сочетание «дракон и тигр» (*лун ху*).

龍虎

В фразе: «Сейчас устремись к Дао-Пути, к духам проникни* также имеется разночтение. Вариант: «Сейчас стремись стать Буддой и к духам проникни». При этом следует отметить, что в буддийском контексте выражение «проникновение к духам» (*шэнь тун*) обозначает некоторые формы т. н. сверхзнания, паранормальных способностей (*абхиджня*).

神通

Комментатор Дун Дэ-нин считает данный стих позднейшей интерполяцией, что, однако, представляется маловероятным, поскольку отсутствие данного (как и любого другого) стиха привело бы к разрушению структуры текста, совершенно сознательно созданной Чжан Бо-дуанем.

аже если ты прозрел

природу-сущность таковости истинной,

Тебе не отбросить тело греховное,
чтоб в новое тело вступить.

Поэтому надо одновременно
великое снадобье выплавлять;

Тогда тотчас возвысишься
над «не'Истекающим»,
станешь совершенным человеком.

Данное стихотворение открывает новый раздел «Глав о прозрении истины», заключительный раздел, представляющий собой пять стихов Б жанре семисложных четверостиший «оборванных строк» (*цзюэ цзюй*), аналогичных стихам II части «Глав о прозрении истины».

Эти стихи символизируют пять первостихий китайской космологии, подробно о которых многократно говорилось выше. В этих стихах более, чем где-либо в «Главах о прозрении истины», с одной стороны, ярко проявляется буддийское влияние на традицию внутренней алхимии, а с другой — ведется скрытая полемика с буддизмом.

Первая фраза данного стиха говорит о прозрении, осознании собственной изначальной природы, которая квалифицируется здесь как «сущностная природа» (*сын*) «истинной таковости» (*чжэнь жу*). Истинная таковость (санскр. *бхутататхата*) - - буддийский термин, означающий истинную реальность как она есть в действительности, в себе и для себя, вне и помимо восприятия ее рефлектирующим рассудком субъекта. Познание этой реальности — гносеологический идеал буддизма. Чжан Бо-дуань также высоко ценит его, рассматривая как предел «совершенствования природной сущности» (*сю сия*), которая, собственно, и является истинной таковостью.

Вместе с тем Чжан Бо-дуань в следующей же строке указывает на недостаточность этого идеала, не дающего одухотворения и преображения телесно-энергетической стороне человеческого существа, не обеспечивающего создания нового бессмертного тела, состоящего из одной «чистой пневмы *ян*» (*чунь ян*). Для достижения этой цели необходимо заниматься энергетической тренировкой «совершенствования жизненности» (*сю мин*), названной здесь «выплавлением великого снадобья» (*сю да яо*). Это дополнит изменение онтологического статуса адепта, вызванного трансформацией его сознания, пробуждением, просветлением, в результате чего адепт не просто достигнет неистекающего, но и возвысится над этим состоянием. «Неистекающее» (*у лоу*) - буддийский термин (санскр. *анасрава*), означающий отсутствие притока эффективности (омраченности) и в данном контексте выступающий синонимом нирваны.

Даосский адепт, согласно Чжан Бо-дуаню, становится «совершенным (истинным) человеком» (*чжэнь жэнь*), который не только просветлен, но и наделен бессмертной и нерушимой телесностью.

真如

無漏

ех, кто стремится

вновь стать зародышем

и захватить жилище

или сменить жилище,

В старину называли

последователями четырех плодов.

Если тебе удалось

покорить дракона и укротить тигра,

Истинное золото появится в зале,

и тогда разве настанет время гибели?

Данный стих осуждает уже тех носителей буддистских идей (собственно, народных форм буддизма), которые стремятся лишь к улучшению своей кармы и обретению лучшего следующего рождения в человеческом или ином (например, божественном, *дэва, жэньтянь*) виде. Об этом говорит первая строка четверостишия.

人天
四果
小乘
須陀洹
斯陀含
阿那含
阿羅漢

«Четыре плода» (*сы го*) - - четыре достижения, согласно учению хинаяны, Малой колесницы буддизма (*сяо чэн*): 1) «плод вступления в поток» (*сротананна, суй то хуань*), т. е. принятие учения Будды и монашеских обетов; 2) «плод возвращающегося один раз» (*сакридагамин, сы то кань*) - - т. е. один раз вновь рождающегося в мире желаний; 3) «плод невозвращающегося» (*антамин, а на кань*), т. е. более не рождающегося в мире желаний и 4) «плод архата» (*а ло хань*) -- святою, достигшего нирваны. Чжан Бо-дуань ошибочно утверждает, что все четыре плода хинаяны предполагают повторные рождения, считая конечное освобождение уделом лишь Махаяны («Великая колесница», *да. чэн*), хотя это и не соответствует действительному смыслу хинаянистского учения.

大乘

降龍
伏虎

Этому подходу Чжан Бо-дуань противопоставляет путь внутренней алхимии, благодаря которому происходит «покорение дракона» (*цзян лун*) — т. е. соединение положительных, *янных*, пневм (*ци*) дерева и огня и «укрошение тигра» (*фу ху*) — т. е. соединение отрицательных, *иньных*, пневм (*ци*) металла и воды. Это приводит к наполнению киноварных полей — покоев тела золотом, т. е. «золотым киноварным эликсиром» (*гуинь дань*), ведущим к бессмертию и совершенству.

тражение тела, задержка дыхания, мысль,
направленная на духов, - вот способы,

Что трудны для новичка, для привыкшего же - -
словно широкий путь.

Даже если в мгновенье одно
можешь сто царств объехать,

Зачем из старого жилья уходить
сменив его на новое жильё?

В этом стихе продолжается скрытая полемика Чжан Бо-дуаня с буддизмом. Вначале он перечисляет различные виды начальной даосской практики, предшествующей собственно внутренней алхимии. Здесь имеются в виду созерцание в магическом зеркале собственного отражения, что ведет, как об этом говорилось еще в «Баопу-цзы» (гл. 18), к способности видеть души *хунь* и по и сверхъестественному умению пребывать одновременно в разных местах, умножая свое тело; дыхательные упражнения, связанные с задержкой дыхания; различные медитативные техники, предполагающие сосредоточение на духах микрокосма. Не исключено, что под отражением тела в данном случае имеется в виду созерцание строения (энергетического и духовного) собственного тела-микрокосма, а под «мыслью, направленной на духов», - визуализация или актуализация (создание максимально точного и живого ментального образа) даосских божеств. Эти трудные для начинающего учиться адепта упражнения кажутся простыми и легкими для истинного практика внутренней алхимии. Буддисты, занимаясь медитацией, созерцанием, предполагающими лишь чисто техническую тренировку, без энергетического тренинга и укрепления телесным началом могут, согласно Чжан Бо-дуаню, силой своей *иньной* пневмы (духа *инь*; *инь шэнь*) покидать свое тело (аналог астрального выхода западного оккультизма) и посещать любые места по своему выбору («сто царств» — *вонь го*), но не могут обрести истинного бессмертия. Однако все эти сверхъестественные способности, даосские ли, буддийские ли, не могут освободить человека от смерти и повторного рождения, даровав ему бессмертие. Это исключительная привилегия практики внутренней алхимии.

萬國

Ученики Шакьямуни наставляют,
как достичь высшей радости;

И эта высшая радость
находится в стороне металла.

Все знаменующие оба пути
чувственные облики
поистине обладают
единой сущностью достоверной;

Если же остается двойственность,
то ложно и равновесие.

淨土

Данный стих провозглашает идею сущностного единства буддизма и даосизма. Буддизм, учение Ша-кьямуни, пришел с Запада (из Индии) и учит о стране высшего блаженства на Западе («Чистая Земля», *цзин ту, Сюсавати*, «рай» Будды Амитабхи). Запад -г- сторона металла. Тело Будды золотого цвета (золото, и металл обозначаются одним и тем лее иероглифом *г^зинь*), золотым песком покрыта почва и в раю Будды Амитабхи. Но и внутренняя алхимия основывается на операциях с металлами (свинец, ртуть) и сама является «путем золотого киноварного эликсира» (*цзинь дань дао*). Следовательно, важнейшие (для Чжан Бо-дуаня) символы двух учений совпадают, что свидетельствует о тождестве их сущности.

Если же для адепта сохраняется двойственность, различающая или тем более противопоставляющая эти два пути, то он далек от истинного знания.

Обыватели часто болтают теперь
о единении с высшим Дао-Путем,
Но следует с прилежностью достойной
вникать в тонкие истины эти.
Кто целыми днями ищет его,
принцип взаимобращенности постигая,
Для того пыль и песок
всей обширной земли исчезнут,
драгоценностями став.

顛到

神火

精水

Это завершающее стихотворение «Глав о прозрении истины» возвращает нас к одному из ведущих методологических принципов внутренней алхимии - принципу взаимообращаемости, «переворота» (*дянь дао*), заключающемуся в трансформации "грубого посленебесного в тонкое прежденебесное, в восстановлении истинного бессмертного миропорядка и собственной истинной природы через изменение на противоположную направленности всех процессов всех уровней микрокосма. На языке внутренней алхимии это обычно описывается как опускание «духовного огня» (*шэнь %о*) в нижнее киноарное поле и подъем «сперматической воды» (*грин шуй*) в мозг. Эта трансформация восстанавливает истинную бессмертную природу человека и его прежденебесный статус и как бы пресуществляет мирскую пыль и грязь в сакральные драгоценности истинного бытия. Именно это есть путь единения с Дао-Путем, а не то, о чем многословно говорят профаны.

Чжан Бо-дуань Главы о прозрении истины

Послесловие

Человек рождается и обретает тело по причине чувственного влечения его родителей. Если есть тело, то есть и беды, если бы не было тела, то откуда могли бы появиться беды?!¹ Если вы хотите избавиться от бед, то нет лучшего способа, чем воплотить в себе высший Дао-Путь. Если вы хотите воплотить в себе высший Дао-Путь, то нет лучшего способа, чем просветленно познать изначальное сознание². Ведь сознание — это тело-субстанция Дао-Пути, а Дао-Путь — функция сознания. Люди мо-

1 Слегка измененная цитата из чжана 13 «Дао дэ цзина». Для понимания этого высказывания следует учесть, что слово *шэнь* по-китайски означает не только «тело», но и «я», «личность», *«самость».

2 «Изначальное сознание» (*бэнь синь*) — буддийский термин, обозначающий изначально просветленное сознание как природу Будды, одновременно являющееся и истинной природой любого живого существа.

身

本心

гут обозревать свое сознание и созерцать свою природу, и если они делают так, то достигают полного выявления этой целостной и сияющей субстанции, и ее деятельная функция свободно обнаруживается. Тогда поистине свершается подвиг освобождения и мгновенно достигается другой берег существования.

Если бы не это сияние ясного зеркала сознания, не тот всеохватывающий свет божественной жемчужины, то разве можно было бы мгновенно отринуть все признаки³ и достичь состояния, не загрязненного мирской пылью, состояния абсолютно свободного истока сознания, утвержденного в нерожденном! Субстанция этого лучезарного сознания есть та почва, на которой произрастает Дао-Путь. Тело не может обременить ее изначальную суть, объекты⁴ не могут омрачить ее истинность, и если это так, то «ножам и мечам некуда клинок всадить, тигру и носорогу некуда клыки и рог вонзить»⁵, страшному пожару и великому потопу некому повредить. Достигнете познания подобной ясному зеркалу природы человеческого сознания, которое все освещает, но ничего не поглощает, следует своей природе и отражает сущее, пребывает в гармонии со всем, не выделя-

³ Весь этот пассаж насыщен буддийскими терминами и образами. Чжан Бо-дуань четко проводит здесь идею буддизма школы чань (дзэн): «Смотри в свою природу и станешь Буддой (цзянь сип чэн фо)». «Другой берег» (би ань) — нирвана. Образ истинного изначального сознания как ясного зеркала также восходит к чаньскому буддизму. «Признаки» («свойства» — сян, санскр. лакшана) — сущностные свойства «дхарм» (фа), элементов, составляющих эмпирическую личность и сферу ее опыта,

⁴ «Объекты» (цзин, санскр. вишня) — внешние вещи как чувственные объекты (но*-не вегци. взятые обособленно от сознания, которому и в котором они являются).

⁵ Слегка измененная цитата из «Дао дэ узина», чжан 50.

見性成佛
彼岸相
法境

ясь как запевала; поэтому хотя оно и превосходит все сущее, но ничему не причиняет вреда. Поэтому и называют его Наивысшим и Паи действительнейшим Сокровенным Дао-Путем.

Изначально Дао-Путь безыменен, и совершенные мудрецы лишь делая над собой усилие именуют его. Изначально о Дао-Пути в его основе нельзя говорить, и совершенные мудрецы лишь делая над собой усилие говорят о нем.

Поэтому называть его и говорить о нем — пустое дело и напрасная трата времени, не ведущая к познанию его субстанции и возвращению к его истинности. Таким образом, совершенные мудрецы утвердили учение и установили слова, дабы прояснить свой Дао-Путь, поскольку Дао-Путь проясняется благодаря словам, а слова благодаря Дао-Пути в свою очередь ведут к забвению их⁶.

Поскольку это Дао-Путь по сути своей предельно сокровенно, предельно тонко и мирские люди полностью пребывают в неведении относительно его истинной природы, держатся за свое телесное существование, ненавидя смерть и радуясь жизни, они не могут до конца пробудиться и познать его.

Хуан-ди и Лао-цзы, печальсь о такой алчной привязанности людей, наставили их на путь искусства совершенствования жизненного начала, дабы, следуя

⁶ Ср. «Чжуан-цзы»: «Человек, познавший истину, забывает о словах. Где бы мне найти человека, забывшего о словах, чтобы с ним поговорить». Ср. также «Гуань Инь-цзы»: «О Дао-Пути нельзя сказать словами, но то, без чего не были бы возможны слова, и есть Дао-Путь».

своим же собственным желанием, они постепенно, шаг за шагом шли к исправлению, поскольку главное в совершенствовании жизненного начала заключается в золоте и киновари, главное в золоте и киновари — это божественная вода и цветочный пруд⁷. Поэтому «Книга о Дао-Пути и Благой Силе-Дэ», «Книга единения сокрытого»⁸ в своих поучениях исходят из того в своем благом воздействии на мир, что люди любят жизнь. Однако их язык темен и принципы утаены; ученые люди хоть наизусть могут читать и декламировать эти тексты, однако смысл их останется ими непонятым, если они не встретят совершенного мужа, который из собственных уст своих преподаст им наставление. Хотя суесящихся и тщасящихся постичь это учение сотни, никто из этого множества не может до конца свершить это дело и окончить с успехом этот труд. Короче говоря, ненаучившихся — как у коровы шерсти, а достигших успеха — как у единорога рогов.

Я, Бо-дуань, с тех пор как в год *цзи ю*⁹ в Чэнду встретил учителя¹⁰, который передал мне спо-

соб изготовления эликсира, трижды пытался передать это знание другим людям, но они не соответствовали требованиям, и после третьей попытки у меня начались несчастья, и не прошло и двух декад, как в том же году на затылке у меня появилась ужасная язва. Тогда я вспомнил заповедь учителя, которая гласила: «Однажды появится тот, кто вместе с тобой освободится от всех пут, ему и сообщи это знание, другим же нельзя». После этого я решил вычеркнуть свое имя из списка чиновников и, боясь, что тот человек Дао-Пути не будет иметь доверия ко мне, составил «Главы о прозрении истины», где описал начала и концы искусства эликсиров и снадобий. Когда же закончил, то тот ученый сразу же пришел ко мне. Я увидел, что его помыслы серьезные и глубоки, а сердце не терпит привязанности к вещам. Поэтому я избрал его и передал ему знание. Таким образом, получающий знание не может не быть мужем, воля которого велика и нравственная сила достаточна, чтобы поддержать упавшего и помочь тонущему; его щедрость должна быть особенно всеобъемлюща, он должен гуманно высветлять Дао-Путь. Вначале я пережил разные беды, но все еще не понимал их причины и только после третьего раза осознал прошлые ошибки.

Поэтому, хотя и известно, что способы Великого эликсира в высшей степени просты и легки, тем не менее, если глупые и заблудшие людишки получают их и будут их практиковать, превозносясь над миром совершенных мудрецов, воля Неба будет оберегать свои тайны. Поэтому и нельзя легкомысленно

7 «Божественная вода* (*шэнь шуй*) и «цветочный пруд» (*жуй чи*) — термины внутренней алхимии. Первый из них означает исходящую из сердца влагу (речь идет об энергии *ци*-), поднимающуюся по психическому каналу в полость рта и, согласно распространенному мнению, овеществляющуюся в виде слюны. Второй термин означает энергетическую субстанцию почек, накапливающуюся под нижним киноварным полем. Ее вещественное выражение — сперма. Во внешней алхимии «цветочный пруд» — это уксусная кислота, винегар.

8 Имеется в виду «Инь фу цзин» (см. выше, комментарии к тексту «Глав о прозрении истины*»).

9 1069 г.

10 Согласно традиции, этим учителем был бессмертный Лю Хай-чань, один из патриархов «Пути золота и киновари», то есть внутренней алхимии, и школы «Совершенной истины» (*цюань чхэнь цзя*). В действительности Лю Хай-чань (Лю Цао) жил столетием раньше, в X в. (эпоха Пяти династий), в киданском государстве Ляо.

передавать знание тем, кто не подходит для этого. Из-за того что я, Бо-дуань, не чтит слова учителя и раскидывал повсюду тайны мироздания, меня самого и постигли кара и наказание. Духовная сила столь глубокой заповеди Неба быстро являет себя, так разве осмелюсь я побояться раскрыть свою вину! И вот с тех пор я запер свой рот, завязал язык, и пусть меня грозят хоть сварить в котле, хоть обезглавить, я все равно не посмею нарушить молчания.

В этих «Главах о прозрении истины» я воспел Великий киноварный эликсир, снадобья, период применения огня — эти тонкие сути, о которых нельзя не узнать подробно. Серьезный в делах человек, наделенный костью бессмертных, прочитав это сочинение, обретет мудрость и, размышляя, все поймет сам, сможет, вдумываясь, дойти до смысла. Так неужто же необходимо получать недостойные внимания изустные наставления от самого Бо-дуаня?! Все это знание, дарованное Небом, а не нечто измышленное Бо-дуанем. То, что воспевается в этих стихах, — это закон видения истинной природы, то есть то, что выше пробуждения. Так, что касается Дао-Пути недеяния и сознания, пребывающего в состоянии уравненности со всем сущим¹¹, то хотя я и открыл важнейшее и тайное, тем не менее не совершил никакого проступка и на мне нет вины. Ведь поскольку в цепи причинности кармически обусловленных деяний обыч

ных людей есть и обильное и мелочное, а в корне их природы — острота и тупость, то если им позволить услышать даже один звук правды, их спутанные мысли придут в порядок и они направятся к видению истины. Поэтому Будда Шакьямуни и бодхисаттва Маньджушри, проповедуя сокровища Учения, никогда не отступали от доктрины Единой Колесницы¹², но слышавшие их ученые разъясняли услышанное исходя из меры собственных способностей, и поэтому вполне естественно, что в результате появилось разделение на Три Колесницы¹³. Но если в будущем появится муж, корень природы которого наделен остротой таланта, и этот муж узнает учение этих «Глав...», то он поймет, что Бо-дуань внимал наставлениям Бодхидхармы и Шестого Патриарха¹⁴, провозвестивших тайную суть наивысшей Единой Колесницы. Поэтому, услышав одно слово, можно прозреть суть мириад дхарм¹⁵. Если же энергия привычки¹⁶ таких людей пока еще избыточна, тогда они

12 «Единая Колесница» (*и чэн*, санскр. *экална*) — высшее из буддийских учений, синтезирующее и превосходящее все прочие; термин восходит к «Лотосовой сутре» («Саддхарма пундарика сутра»). В Китае к Единой Колеснице себя относили школы *тяньтай*, *хуаянь* и *чань*.

13 Три Колесницы: Колесница *шраваков* (учеников), *прагьяка-будд* (будд-Аля-себя) и *бодхисаттв*. Первые две составляют Хинаяну (Малую Колесницу), последняя — Махаяну (Великую Колесницу).

14 Имеется в виду знаменитый чаньский патриарх Хуэй-нэн (ум. 713 г.), считавшийся создателем южной школы *чань*, акцентирующей идею «мгновенного пробуждения» (*дунь у*).

5 То есть суть всех элементов опыта. Здесь: всех вешей мироздания.

16 «Энергия привычки» (*си ци*, санскр. *васана*) — термин буддийской философии *оиджнянавада* (доктрина сознания). Обозначает обусловленную предшествующим опытом предрасположенность сознания к определенным формам проявления и развертывания своего содержания в мир опыта каждой эмпирической личности.

11 «Уравненность со всем сущим» (*ци у*) — термин «Чжуан-узы» (гл. 2), выражающий идею сущностного единства и равност^{TM}, взаимосогласованности всех элементов универсума.

вновь вернуться к средним и малым воззрениям, но в этом не будет никакой вины Бо-дуаня.

Заново написанное Чжан Бо-дуанем (Пин-шу) послесловие. Год установления девиза правления Юань-фэн под циклическими знаками у-у, пятый месяц, день под циклическими знаками у-инь¹⁷.

¹⁷ Лето 1078 г.